

YURIDIK FANLAR AXBOROTNOMASI

ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

REVIEW OF LAW SCIENCES

huquqiy ilmiy-amaliy jurnal

правовой научно-практический журнал

legal scientific-practical journal

2025-yil 4-son

VOLUME 9 / ISSUE 4 / 2025

DOI: 10.51788/TSUL.ROLS.2025.9.4

ISSN 2181-919X

E-ISSN 2181-1148

DOI: 10.51788/TSUL.ROLS

Crossref
Content
Registration

MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT YURIDIK UNIVERSITETI

"Yuridik fanlar axborotnomasi – Вестник юридических наук – Review of law sciences" huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O'zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 0931-sonli guvohnoma bilan davlat ro'yxatidan o'tkazilgan.

Jurnal O'zbekiston Respublikasi Oliy ta'lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro'yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko'paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo'yicha mas'ul:

O. Choriyev

Muharrirlar:

Y. Yarmolik, Y. Mahmudov,
E. Mustafayev, K. Abduvaliyeva,
F. Muhammadiyeva, M. Sharifova,
Sh. Beknazarova, E. Sharipov

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahar,
Sayilgoh ko'chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: review.tsul.uz

E-mail: reviewjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1385.

Nashriyot litsenziyasi

№ 174625, 29.11.2023-y.

Jurnal 2025-yil 24-dekabrda
bosmaxonaga topshirildi.
Qog'oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog'i: 19,7
Adadi: 100. Buyurtma: № 210.

Bosmaxona litsenziyasi

29.11.2023 № 174626

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko'chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

TAHRIR HAY'ATI

BOSH MUHARRIR

B. Xodjayev – Toshkent davlat yuridik universiteti rektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O'RINBOSARI

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo'yicha prorektor, yuridik fanlar doktori, professor

MAS'UL MUHARRIR

O. Choriyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Tahririy-nashriyot bo'limi boshlig'i

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI

Y. Kanyazov – Adliya vazirligi huzuridagi Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini oshirish instituti direktori, yuridik fanlar nomzodi

J. Tashkulov – Fanlar akademiyasi Davlat va huquq instituti bo'lim boshlig'i, yuridik fanlar doktori, professor

U. To'xtasheva – Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi direktori o'rinbosari, yuridik fanlar doktori, professor

M. Yasan – Balikesir universiteti Huquq fakulteti professori (Turkiya)

S. Ma'mun – Islam Negeri universiteti o'qituvchisi (Indoneziya)

Sh. Asadov – O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat siyosati va boshqaruvi akademiyasi Davlat tuzilishi va boshqaruvining huquqiy asoslari kafedrasida professori, yuridik fanlar doktori

I. Ergashev – Toshkent davlat yuridik universiteti Ta'lim sifatini nazorat qilish bo'limi boshlig'i, yuridik fanlar doktori, professor

J. Nematov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ma'muriy va moliya huquqi kafedrasida professori, yuridik fanlar doktori

M. Aminjonova – O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Qonunchilik ijrosi ustidan nazoratni tashkil etish kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar doktori

M. Rahimov – Toshkent davlat yuridik universiteti Mehnat huquqi kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori

I. Djurayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Sud, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va advokatura kafedrasida mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

O. Narzullayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Ekologiya huquqi kafedrasida professori, yuridik fanlar doktori

F. Maxmudov – Adliya vazirligi huzuridagi Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini oshirish instituti direktori o'rinbosari, yuridik fanlar doktori, dotsent

M. Qodirova – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat-protsessual huquqi kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar doktori

I. Yakubova – Toshkent davlat yuridik universiteti Intellektual mulk huquqi kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar doktori

A. Muxamedjanov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va inson huquqlari kafedrasida professori, yuridik fanlar doktori

N. Niyazova – Toshkent davlat yuridik universiteti O'zbek tili va adabiyoti kafedrasida professori v.b., pedagogika fanlari nomzodi

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Вестник юридических наук – Yuridik fanlar axborotnomasi – Review of Law Sciences» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 0931.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:
О. Чориев

Редакторы:

Е. Ярмолик, Й. Махмудов,
Э. Мустафаев, К. Абдувалиева,
Ф. Мухаммадиева, М. Шарифова,
Ш. Бекназарова, Э. Шарипов

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: review.tsul.uz

E-mail: reviewjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1385.

Издательская лицензия

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
24.12.2025.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 19,7. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 210.

Лицензия типографии

от 29.11.2023 № 174626.

Отпечатано в типографии

Ташкентского государственного
юридического университета.

100047, г. Ташкент, ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б. Ходжаев – ректор Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

З. Эсанова – проректор Ташкентского государственного юридического университета по научной работе и инновациям, доктор юридических наук, профессор

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

О. Чориев – начальник редакционно-издательского отдела Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Е. Канязов – директор Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров при Министерстве юстиции, кандидат юридических наук

Ж. Ташкулов – заведующий отделом Института государства и права Академии наук, доктор юридических наук, профессор

У. Тухташева – заместитель директора Агентства по противодействию коррупции Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

М. Ясан – профессор юридического факультета Университета Балыкесир (Турция)

С. Маъмун – преподаватель Исламского государственного университета (Индонезия)

Ш. Асадов – профессор кафедры правовых основ государственного устройства и управления Академии государственной политики и управления при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук

И. Эргашев – начальник отдела контроля качества образования Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Ж. Нематов – профессор кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

М. Аминжонов – доцент кафедры организации контроля за исполнением законодательства Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор юридических наук

М. Рахимов – доцент кафедры трудового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

И. Джураев – заведующий кафедрой суда, правоохранительных органов и адвокатуры Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

О. Нарзуллаев – профессор кафедры экологического права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Ф. Махмудов – заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации юридических кадров при Министерстве юстиции, доктор юридических наук, доцент

М. Кодирова – доцент кафедры уголовно-процессуального права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

И. Якубова – доцент кафедры права интеллектуальной собственности Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Мухамеджанов – профессор кафедры международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Н. Ниязова – и. о. профессора кафедры узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета, кандидат педагогических наук

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yuridik fanlar axborotnomasi – Вестник юридических наук – Review of law sciences” legal scientific-practical journal was registered by Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020, with certificate number 0931.

The journal is included in the list of journals of the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan. Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of materials of the journal are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

Y. Yarmolik, Y. Makhmudov,
E. Mustafaev, K. Abduvalieva,
F. Mukhammadieva, M. Sharifova,
Sh. Beknazarova, E. Sharipov

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Publishing department address:

100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: review.tsul.uz

E-mail: reviewjournal@tsul.uz

Subscription index: 1385.

Publishing license

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 24.12.2025.

Paper size: A4.

Cond.p.f: 19,7.

Units: 100. Order: № 210.

Printing house license

№ 174626, 29.11.2023.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city, Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD
EDITOR-IN-CHIEF

B. Xodjaev – Rector of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

Z. Esanova – Deputy Rector for Scientific Affairs and and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

EXECUTIVE EDITOR

O. Choriev – Head of the Publishing Department of Tashkent State University of Law

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Y. Kanyazov – Director of the Institute for Retraining and Advanced Training of Legal Personnel under the Ministry of Justice, Candidate of Legal Sciences

J. Tashkulov – Head of the Department of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

U. Tuxtasheva – Deputy Director of the Anti-Corruption Agency, Doctor of Law, Professor

M. Yasan – Professor of the Faculty of Law, Balikesir University (Turkey)

S. Ma'mun – Lecturer at Universitas Islam Negeri (Indonesia)

Sh. Asadov – Professor of the Department of Legal Foundations of State Structure and Administration of the Academy of Public Policy and Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law

I. Ergashev – Head of the Department of Education Quality Control of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

J. Nematov – Professor of the Department of Administrative and Financial Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

M. Aminjonova – Associate Professor of the Department of Organization of Control over the Execution of Legislation of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law

M. Rahimov – Associate Professor of the Department of Labor Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

I. Djuraev – Head of the Department of Court, Law Enforcement Agencies and Advocacy of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

O. Narzullaev – Professor of the Department of Environmental Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

F. Makhmudov – Deputy Director of the Institute for Retraining and Advanced Training of Legal Personnel under the Ministry of Justice, Doctor of Law, Associate Professor

M. Qodirova – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

I. Yakubova – Associate Professor of the Department of Intellectual Property Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Mukhamedjanov – Professor of the Department of International Law and Human Rights of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

N. Niyazova – Acting Professor of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Candidate of Pedagogical Sciences

MUNDARIJA

12.00.01 – DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

11 HAYITOV SHERZOD RAXMATULLAYEVICH

Eksperimental huquqiy rejimlarni loyihalashtirish: nazariy-huquqiy tahlil

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI.
XALQARO XUSUSIY HUQUQ

19 MASKAYEVA NATALYA GENNADYEVNA

Polsha Respublikasining "Insofsiz raqobatga qarshi kurashish to'g'risida"gi qonunida tegishli mazmun va belgilangan shakldagi xabarnoma taqdim etish talabi

35 ESHONQULOV JAVOXIR FAZLIDDINOVICH

Raqamli bozorda iqtisodiy konsentratsiya tushunchasi va uni huquqiy aniqlash muammolari

53 ALLAKULIYEV MIRJALOL DAVRONBEKOVICH

Raqamli platformalar operatorlarining foydalanuvchi kontenti uchun delikt javobgarligi

12.00.06 – TABIIY RESURLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

69 OTAMIRZAYEV OYBEK MURODULLO O'G'LI

Yerosti suvlari bilan bog'liq qonunchilikni takomillashtirish masalalari

77 RAXMATOVA DILAFRUZ IXTIYOR QIZI, SAYFULLAYEV FERUZ BOTIR O'G'LI

Elektron chiqindilarning huquqiy tushunchasi

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

90 KARAKETOVA DILNOZA YULDASHEVNA

Jinoyat subyektining jins bilan bog'liq fakultativ belgilari

99 NURMANOV XOLBEK RAHMATILLA O'G'LI

Jinoyat subyekti sifatida sun'iy intellekt javobgarligi masalasi

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA SUD
EKSPERTIZASI

108 DJURABAYEV RUSTAM TURABBAYEVICH

Jamoat xavfsizligini ta'minlashda qidirilayotgan jinoyatchilarni ushlab tashning taktik xususiyatlari

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

119 INOYATOV NODIRBEK XAYITBOY O'G'LI

Sun'iy intellektning huquqiy maqomi masalasiga qiyosiy yondashuv: Yevropa Ittifoqi va O'zbekiston tajribasi

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

130 NOSIROVA MARJONA NEGMAT QIZI

Inson huquqlari sohasida nodavlat notijorat tashkilotlarining huquqiy va ijtimoiy faolligi

141 XUDAYBERDIYEVA MAFTUNA ZAFAR QIZI

Bolalar huquqlarining milliy va xalqaro huquqiy tizimdagi o'rni: O'zbekiston Respublikasi misolida nazariy-amaliy tahlil

12.00.14 – HUQUQBUZARLIKLAR PROFILAKTIKASI. JAMOAT XAVFSIZLIGINI TA'MINLASH.
PROBATSIIYA FAOLIYATI

153 **XO'JAMBERDIYEV FARRUX KOMILOVICH**

Fransiyaning jamoat xavfsizligini ta'minlash modeli: institutsional-huquqiy tahlil va O'zbekistonda
qo'llash istiqbollari

167 **AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH**

Konstitutsiya – inson qadri, huquq va erkinliklarining mustahkam huquqiy kafolati

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

11 ХАЙТОВ ШЕРЗОД РАХМАТУЛЛАЕВИЧ

Проектирование экспериментальных правовых режимов: теоретико-правовой анализ

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

19 МАСКАЕВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

Требование о предоставлении уведомления соответствующего содержания и надлежащей формы в Законе Республики Польша «О борьбе с недобросовестной конкуренцией»

35 ЭШОНКУЛОВ ЖАВОХИР ФАЗЛИДДИНОВИЧ

Понятие экономической концентрации на цифровом рынке и проблемы её правового определения

53 АЛЛАКУЛИЕВ МИРЖАЛОЛ ДАВРОНБЕКОВИЧ

Деликтная ответственность операторов цифровых платформ за пользовательский контент

12.00.06 – ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

69 ОТАМИРЗАЕВ ОЙБЕК МУРОДУЛЛО УГЛИ

Проблемы совершенствования законодательства, связанного с подземными водами

77 РАХМАТОВА ДИЛАФРУЗ ИХТИЁР КИЗИ, САЙФУЛЛАЕВ ФЕРУЗ БОТИР УГЛИ

Юридическое понятие электронных отходов

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

90 КАРАКЕТОВА ДИЛНОЗА ЮЛДАШЕВНА

Факультативные признаки субъекта преступления, обусловленные полом

99 НУРМАНОВ ХОЛБЕК РАХМАТИЛЛА УГЛИ

Вопрос ответственности искусственного интеллекта как субъекта преступления

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

108 ДЖУРАБАЕВ РУСТАМ ТУРАББАЕВИЧ

Тактические особенности задержания разыскиваемых преступников при обеспечении общественной безопасности

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

119 ИНОЯТОВ НОДИРБЕК ХАЙИТБОЙ УГЛИ

Сравнительный подход к вопросу правового статуса искусственного интеллекта: опыт Европейского союза и Узбекистана

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

130 НОСИРОВА МАРЖОНА НЕГМАТ КИЗИ

Правовая и социальная активность негосударственных некоммерческих организаций в области прав человека

141 ХУДАЙБЕРДИЕВА МАФТУНА ЗАФАР КИЗИ

Роль прав детей в национальной и международной правовой системе: теоретико-практический анализ на примере Республики Узбекистан

12.00.14 – ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОБАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

153 **ХУЖАМБЕРДИЕВ ФАРРУХ КОМИЛОВИЧ**

Модель обеспечения общественной безопасности Франции: институционально-правовой анализ и
перспективы применения в Узбекистане

167 **АЗИМОВ ХАКИМАЛИ ИМОМОВИЧ**

Конституция – надёжная правовая гарантия достоинства человека, его прав и свобод

CONTENTS

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

11 **HAYITOV SHERZOD RAKHMATULLAEVICH**

Designing of experimental legal regimes: theoretical and legal analysis

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

19 **MASKAEVA NATALYA GENNADYEVNA**

The requirement to submit a notification of appropriate content and subject form under the law of the Republic of Poland “on combating unfair competition”

35 **ESHONKULOV JAVOKHIR FAZLIDDINOVICH**

The concept of economic concentration in the digital market and the challenges of its legal definition

53 **ALLAKULIEV MIRJALOL DAVRONBEKOVICH**

Tort liability of digital platform operators for user content

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

69 **OTAMIRZAEV OYBEK MURODULLO UGLI**

Issues of improving legislation related to groundwater

77 **RAKHMATOVA DILAFRUZ IKHTIYOR KIZI, SAYFULLAEV FERUZ BOTIR UGLI**

The legal concept of electronic waste legal concept of electronic waste

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

90 **KARAKETOVA DILNOZA YULDASHEVNA**

Gender-related facultative characteristics of the crime subject

99 **NURMANOV KHOLBEK RAHMATILLA UGLI**

The issues of liability of artificial intelligence as a subject of crime

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

108 **DJURABAEV RUSTAM TURABBAEVICH**

Tactical features of apprehending wanted criminals in ensuring public safety

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

119 **INOYATOV NODIRBEK KHAYITBOY UGLI**

Comparative approach to the legal status of artificial intelligence: the experience of the European Union and Uzbekistan

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

130 **NOSIROVA MARJONA NEGMAT KIZI**

Legal and social activity of non-governmental non-profit organizations in the field of human rights

141 **KHUDAYBERDIYEVA MAFTUNA ZAFAR KIZI**

The role of children’s rights in national and international legal systems: a theoretical and practical analysis based on the example of the Republic of Uzbekistan

12.00.14 – CRIME PREVENTION. ENSURING PUBLIC SAFETY. PROBATION ACTIVITY

153 **KHUJAMBERDIYEV FARRUKH KOMILOVICH**

The model of ensuring public security in France: institutional-legal analysis and prospects for application in Uzbekistan

167 **AZIMOV HAKIMALI IMOMOVICH**

The Constitution – a strong legal guarantee of human dignity, rights, and freedoms

Kelib tushgan / Получено / Received: 29.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 11.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./XXYE4450

UDC: 340.11(045)(575.1)

EKSPERIMENTAL HUQUQIY REJIMLARNI LOYIHALASHTIRISH: NAZARIY-HUQUQIY TAHLIL

Hayitov Sherzod Raxmatullayevich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Davlat va huquq nazariyasi
kafedrası professori v.b.,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori
ORCID: 0000-0003-3804-7210
e-mail: xayitov085@mail.ru

Annotatsiya. Mazkur maqolada zamonaviy yondashuv asosida huquq ijodkorligi jarayonida so'nggi yillarda jadal rivojlanayotgan usullardan biri – eksperimental huquqiy rejimlar (EHR)ning nazariy mohiyati, ularni qo'llash mexanizmlari hamda qo'llashning afzallik va kamchiliklari ilmiy asosda yoritib berilgan. Shuningdek, maqolada eksperimental huquqiy rejimlar (EHR)ning qonun ustuvorligi, tenglik va huquqiy aniqlik tamoyillariga ta'siri tahlil qilingan. Muallif rus va xorijlik huquqshunolar fikrlariga tayangan holda, EHRlarning huquqiy va metodologik asoslarini yaratish zarurligini asoslaydi. Xususan, huquqiy eksperimentning huquq tizimidagi o'rni, uning siyosiy-huquqiy shartlari, loyihalash va baholash bosqichlari, xalqaro va milliy tajribalar tahlil etilgan. Bundan tashqari, maqolada eksperimental huquqiy rejimlar huquqiy aniqlik, tenglik va adolat tamoyillariga xavf solishi mumkinmi, degan masala ham o'rganilgan. Chunki EHR doirasida ishtirok etuvchi subyektlarning huquqiy maqomi o'zgarib, ular ma'lum huquqiy imtiyozlarga ega bo'ladi, natijada boshqa subyektlar esa umumiy qoidalar ta'siri ostida qoladi. Aynan ushbu holatni ayrim tadqiqotchilar adolat va tenglik tamoyillariga zid deb baholaydi. Shuningdek, maqolada ilmiy xulosalar hamda milliy qonunchilikni takomillashtirishga qaratilgan amaliy takliflar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: eksperimental huquqiy rejimlar, tajriba, huquqiy eksperiment, huquq ijodkorligi, qonun ustuvorligi, qonun hujjatlari, qonun loyihasi, me'yoriy-huquqiy hujjatlarning ta'sirini baholash, tenglik

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Хаитов Шерзод Рахматуллаевич,
доктор философии по юридическим наукам,
и. о. профессора кафедры «Теория государства и права»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В данной статье на основе современного подхода освещается теоретическая сущность одного из наиболее динамично развивающихся в последние годы методов в процессе правотворчества – экспериментальных правовых режимов, а также механизмы их применения, преимущества и недостатки использования. В статье анализируется

влияние экспериментальных правовых режимов на принципы верховенства права, равенства и правовой определённости. Опираясь на взгляды российских и зарубежных правоведов, автор обосновывает необходимость формирования правовых и методологических основ экспериментальных правовых режимов. В частности, исследуются место правового эксперимента в правовой системе, его политико-правовые предпосылки, этапы проектирования и оценки, а также международный и национальный опыт. Кроме того, в статье рассматривается вопрос о том, могут ли экспериментальные правовые режимы создавать риски для принципов правовой определённости, равенства и справедливости. Это связано с тем, что в рамках экспериментальных правовых режимов правовой статус участвующих субъектов изменяется, они получают определённые правовые льготы, в то время как другие субъекты продолжают находиться под действием общих правил. Именно данное обстоятельство рядом исследователей оценивается как противоречащее принципам справедливости и равенства. В завершение статьи сформулированы научные выводы и выдвинуты практические предложения, направленные на совершенствование национального законодательства.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы, эксперимент, правовой эксперимент, правотворчество, верховенство права, законодательство, законопроект, оценка воздействия нормативно-правовых актов, равенство

DESIGNING OF EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Hayitov Sherzod Rakhmatullaevich,

Acting Professor of the Department of Theory of State and Law,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. In this article, based on a modern approach, the theoretical essence of one of the rapidly developing methods of lawmaking in recent years – experimental legal regimes (EHR), the mechanisms of their application, as well as the advantages and disadvantages of their application, are scientifically substantiated. The article also analyzes the impact of experimental legal regimes (EHR) on the principles of the rule of law, equality, and legal certainty. The author, based on the opinions of Russian and foreign lawyers, substantiates the need to create a legal and methodological basis for EHRs. In particular, the role of the legal experiment in the legal system, its political and legal conditions, the stages of design and evaluation, and international and national experience are analyzed. In addition, the article examines whether experimental legal regimes can pose a threat to the principles of legal certainty, equality, and justice. Because the legal status of entities participating in the EHR changes, they receive certain legal privileges, and as a result, other entities are subject to the general rules. It is this situation that some researchers consider contrary to the principles of justice and equality. The article also presents scientific conclusions and practical proposals aimed at improving national legislation.

Keywords: experimental legal regimes, experiment, legal experiment, lawmaking, rule of law, legislation, draft law, impact assessment of regulatory legal acts, equality

Kirish

Yangi texnologiyalar va g'oyalarning paydo bo'lishi butun huquqiy tizimlar rivojida yangicha yondashuv va usullardan foydalanish tendensiyalarini yuzaga keltirishi

ko'plab omillarga bog'liq holda kechadigan tabiiy jarayondir. Huquq ijodkorlarining yangi innovatsiyalarga moslashgan holda faoliyat olib borishi, shuningdek, yangi usul va yondashuvlarni sinovdan o'tkazishi zamon

talablaridan biridir. So'nggi o'n yil davomida huquq ijodkorligi, davlat mexanizmi va boshqaruvi sohasida innovatsion yondashuvlardan biri sifatida eksperimental huquqiy rejimlar, jumladan, ularning bir turi bo'lgan "Regulatory Sandbox" (Banerjee & Duflo, 2009) faol muhokama qilinib, amaliyotda keng qo'llanmoqda. Mazkur rejimlar, ayniqsa, raqamli texnologiyalar, fintex va biotexnologiyalar kabi sohalarda innovatorlarga yangi g'oyalarni "nazorat qilinadigan va xavfsiz muhitda" sinovdan o'tkazish imkonini bermoqda (Baldwin, 2010).

Zamonaviy huquq tizimlarida innovatsiyalarni huquqiy jihatdan tartibga solish masalasi dolzarb muammolardan biri bo'lib qolmoqda. Jamiyatning ijtimoiy, iqtisodiy va texnologik sohalardagi tezkor o'zgarishlari huquq ijodkorligining ham zamon talabiga mos bo'lishini taqozo etmoqda. Ana shu sharoitda huquqshunoslar va siyosatchilar tomonidan eksperimental huquqiy rejimlar (EHR) tushunchasi ilgari surilmoqda (Conseil d'État, 2019).

Metodlar

Maqolada tahlil va sintez, mantiqiy, tizimli va tarixiy usullar kabi atrofdagi dunyoni tushunishning umumiy ilmiy usullari, shuningdek, qiyosiy huquqiy, rasmiy huquqiy usul kabi xususiy huquqiy usullar qo'llanadi.

Natijalar

EHRlar yangi g'oyalar va innovatsiyalarni huquqiy normalarda aks ettirishdan oldin uning samaradorligi va huquqiy ta'sirini maxsus, cheklangan vaqt va makonda, "huquqiy maydonda" sinab ko'rishni nazarda tutadi. Bu jarayon ko'pincha "qonunchilik laboratoriyasi" deb ham ataladi (Cuttino, 2021). Eksperimental huquqiy rejimlar, odatda, umumiy qoidalar va tartibdan muayyan hudud, vaqt bilan chekinish shaklida namoyon bo'ladi (Druckman et al., 2011). Bu degani – muayyan hudud va muddat ichida umumiy tartibdan boshqa huquqiy rejim qo'llanishi, uning samaradorligini sinovdan o'tkazish jarayonidir. Fransiya Davlat Kengashi (Con-

seil d'État)ning 2019-yilgi yillik hisobotida ma'lum qilinishicha, eksperimental huquqiy rejim – bu belgilangan muddat davomida muayyan huquqiy qoidalardan vaqtinchalik chetga chiqish orqali yangi huquqiy yechimlar sinab ko'rish usulidir (Mousmouti, 2019).

Ammo olimlar o'rtasida eksperimental huquqiy rejimga nisbatan turli yondashuvlar mavjud. Bir guruh olimlar EHRlarni huquq ijodkorligi jarayonida samarali va ilmiy asoslangan, sinalgan qarorlar qabul qilish uchun muhim zarur vosita sifatida baholaydi (Radaelli & de Francesco, 2010). Ularning fikricha, eksperimental huquqiy rejimni qo'llash davlatga yangi startap va innovatsiyalarni nisbatan xatarsiz tarzda sinab ko'rish imkonini beradi (Van Gestel & de Poorter, 2016).

Yana bir guruh huquqshunos olimlar (Mausoti, Xabrieval, Baxin) eksperimental huquqiy rejimlar bir qator huquqiy tamoyillarga zid kelishi orqali ularning mavjudligiga tahdid solishini ta'kidlaydilar (Ranchordás & van Klink, 2020). Xususan, qonuniylik, tenglik hamda huquqiy aniqlik prinsiplari shular jumlasidandir. Olimlarning fikriga ko'ra, turli subyektlarning har xil huquqiy sharoitlarda faoliyat yuritishi adolat tamoyiliga ziddir. Shu sababli eksperimental huquqiy rejimlar faqat aniq belgilangan huquqiy va puxta metodologik asoslar bilan ta'minlangandagina samarali bo'lishi va amaliyotda qo'llanishi mumkin.

Eksperimental huquqiy rejim (EHR) – bu huquqiy tizimda muayyan sohada yangi me'yoriy yechimlarni sinovdan o'tkazish uchun yaratiladigan vaqtinchalik huquqiy maydondir. Uning asosiy xususiyati amaldagi qonunchilikning barqaror normalaridan vaqtinchalik chetlanish va yangicha mexanizmlarni tekshirish imkoniyatidir.

Rossiya Federatsiyasining 2020-yil 31-iyuldagi "Raqamli innovatsiyalar sohasida eksperimental huquqiy rejimlar to'g'risi"dagi Federal qonuni EHR "raqamli innovatsiyalar sohasida yangi huquqiy yechimlarni aprobat siya qilish uchun maxsus huquqiy rejim" sifatida belgilangan.

Mamlakatimizda EHR instituti hali to'liq huquqiy normalar, qonun shaklida joriy etilmagan bo'lsa-da, ayrim sohalarda, masalan, fintex va raqamli iqtisodiyotga oid Prezident farmonlarida huquqiy eksperiment elementlari mavjud.

Huquqshunos olimlar EHR tushunchasini turlicha izohlaydi.

Pozitivistlar EHR – qonun ijodkorligini empirik asoslash vositasi deb hisoblasa, normativist olimlar esa (Mousmouti, Xabrieva) eksperimental huquqiy rejim – qonuniylik va tenglik prinsipiga tahdid solishi mumkin bo'lgan usul sifatida baholaydi.

Bizning fikrimizcha, EHR huquqiy innovatsiyalarning zarur laboratoriyasidir, ammo ular qat'iy huquqiy va metodologik filtrlarsiz amalga oshirilmasligi shart.

Ilmiy bahs, asosan, ikki nuqtayi nazarning qarama-qarshiligida namoyon bo'ladi:

EHR – innovatsiya va dalillarga asoslangan siyosiy-huquqiy islohotlar uchun zaruriy vositami?

Yoki EHR – huquqiy aniqlik, qonuniylik va tenglik prinsiplariga tahdidmi?

Ushbu ilmiy bahs huquqshunoslikda haligacha o'z yechimini uzil-kesil topmagan. Shuning uchun ham mazkur maqolada har ikki yondashuv tahlil qilinadi.

Qonuniylik prinsipiga ko'ra, eksperimental huquqiy rejimlarning eng muhim kamchiligi – bu ularning qonuniylik bilan uyg'unligi, mosligi masalasidir. Huquqiy tizimda qonun ustuvorligi tamoyili asosiy qadriyat hisoblanadi. Ammo eksperimental huquqiy rejimni qo'llash jarayonida aynan shu qoidadan vaqtinchalik chetga chiqishga to'g'ri keladi, jumladan, muayyan subyektlar uchun boshqalarnikidan farq qiladigan shart-sharoit, huquqiy maydon yaratilishi nazarda tutiladi.

Masalan, Fransiyada EHR faqat qonun darajasida joriy etilishi mumkin va uning muddati chegaralangan. Rossiya Federatsiyasining 2020-yilgi qonuniga ko'ra, raqamli innovatsiyalarni sinash uchun maxsus huquqiy

rejim 3 yildan oshmasligi kerak va parlament nazorati ostida amalga oshiriladi.

Eksperimental huquqiy rejimlar tenglik va adolat prinsiplari uchun ham muayyan xavf tug'dirishi mumkin. Chunki EHR doirasida ishtirok etuvchi subyektlarning huquqiy maqomi o'zgarib, ular ma'lum huquqiy imtiyozlarga ega bo'ladi. Boshqa subyektlar esa umumiy huquqiy qoidalar ta'siri ostida qoladi. Aynan shu holat ayrim olimlar tomonidan adolat va tenglik prinsiplari buzilishi sifatida baholanadi.

T.Y. Xabriyevaning fikricha, huquqiy eksperiment "huquqiy xavf"ni o'z ichiga oladi (Khabrieva, 2010), chunki u ijtimoiy munosabatlarda differensiyalashtirilgan huquqiy tartibni vujudga keltiradi. Biroq S.V. Baxinning ta'kidlashicha, bunday xavf-xatlarni minimallashtirish mumkin (Bakhin, 2015). Xususan, agar eksperimental huquqiy rejimning shartlari aniq va oshkora tarzda belgilansa hamda unda ishtirok etish har bir subyekt uchun ixtiyoriy bo'lsa, ushbu xavflarni sezilarli darajada kamaytirish mumkin.

Huquqiy aniqlik (legal certainty) – bu huquq ustuvorligi g'oyasining ajralmas qismidir. EHR joriy etilganda, uni o'tkazayotgan hudud, vaqt va huquqiy maydon vaqtinchalik va noaniq bo'lish ehtimoli doim mavjud.

Huquqshunos olim Mausmutining fikricha, agar EHR metodologik jihatdan to'g'ri yo'lga qo'yilmasa, uning natijalari huquqiy jihatdan ishonchsiz, samarasiz bo'lib qoladi. Van Gestel va De Porterlar esa EHR usulidan foydalanish, huquq ijodkorlari "dalillarga asoslangan" va aniqroq qarorlar qabul qiladi, deb hisoblaydi (Van Gestel & de Poorter, 2016).

Bizning fikrimizcha, eksperimental huquqiy rejimlarni huquq ustuvorligi, huquqiy aniqlik va adolat prinsiplari bilan ziddiyatda deb baholashdan ko'ra, ularni qat'iy belgilangan huquqiy hamda metodologik asoslar bilan ta'minlagan holda qo'llash maqsadga muvofiqdir. Yuqorida qayd etilgan talab va mezonlarga rioya etilgan taqdirda, EHRLar

orqali sifatli va amaliyotda sinalgan huquqiy normalar yaratish mumkin. Aks holda esa bunday rejimlar jamiyatda notenglik, adolatsizlik va huquqiy tizimga bo'lgan ishonchsizlikni keltirib chiqarishi ehtimoli mavjud.

Eksperimental huquqiy rejimlarning samaradorligi, avvalo, ularning to'g'ri metodologik asosga ega bo'lishiga bog'liq. Agar EHR ilmiy tadqiqotlarga xos mezonlarga mos tarzda rejalashtirilmasa, uning natijalari ishonchsiz bo'lib qoladi va o'zining huquqiy qiymatini yo'qotadi. Shu sababli EHRlarning o'tkazish jarayoni, metodologiyasi kamida to'rtta asosiy tarkibiy qismdan iborat bo'lishi lozim: 1) EHRlarni loyihalashtirish; 2) EHRlarning nazorat va ta'sir guruhlarini belgilab olish; 3) EHR natijalarni baholash mezonlari; 4) shaffoflik hamda huquqiy ishonchni ta'minlash bosqichlari.

EHRlarning loyihalashtirish bosqichi har qanday huquqiy eksperimentning muhim poydevori hisoblanadi. Unda quyidagilar belgilanishi shart:

- EHRni o'tkazishdan ko'zlangan maqsad aniqlashtirilishi (ya'ni eksperiment qaysi huquqiy muammoni hal etishga qaratilgan?);

- oldinga surilayotgan faraz (gipoteza), ya'ni qanday o'zgarish huquqiy yoki iqtisodiy samara keltiradi, degan ilmiy faraz ilgari surilmoqda;

- EHR davom etish muddati qancha;

- EHRni ishga tushirish orqali qaysi umumiy normalardan vaqtinchalik chetga chiqilmoqda?

Masalan, tartibga solish qumdonida gipoteza quyidagi tarzda ilgari surilishi mumkin: "Litsenziya talablarini yengillashtirish innovatsiyalarni rag'batlantiradimi?" Bu savol aniq, fahmlash mumkin va amalda tekshirish imkoniyati mavjud.

T.Y. Xabriyevaning ta'kidlashicha, har qanday huquqiy eksperiment "o'ylab topilgan emas, balki ijtimoiy ehtiyojdan kelib chiqqan" bo'lishi shart (Khabrieva, 2010). Shuning uchun EHRlardan foydalanish yoki foydalanmaslik masalasi subyektiv omillarga bog'la-

nib qolmasligi, balki obyektiv muammolarga javob sifatida qo'llanishi zarur.

Muhokama

Ilmiy tadqiqotlarda ilgari surilayotgan gipotezani tekshirish uchun, odatda, nazorat va ta'sir guruhlarini ajratiladi. Huquqiy tizimda bunday yondashuvni qo'llash murakkab bo'lsa-da, uni mutlaqo imkonsiz deb bo'lmaydi. Xususan, raqamli xizmatlar sohasidagi eksperimental huquqiy rejim doirasida litsenziya talablari yengillashtirilgan kompaniyalar ta'sir guruhini, umumiy tartibda faoliyat yuritayotgan kompaniyalar esa nazorat guruhini tashkil etishi mumkin. Bu usul qonuniylik va tenglik masalalariga ta'sir qiladi. Shuning uchun nazorat va ta'sir guruhlarini belgilashda ikki muhim talabga rioya qilinishi zarur:

Ixtiyoriylik – subyektlar eksperimental huquqiy rejimda ishtirok etish yoki etmaslik huquqiga ega bo'lishi lozim.

Tipiklik – ishtirokchilarni tanlashda ularning turli sohalarni qamrab olishi hamda jamiyatning o'rtacha ko'rsatkichlarini ifodalashi maqsadga muvofiqdir.

Ushbu shartlar ta'minlanmagan taqdirda, eksperimental huquqiy rejim natijalari nisbatan ishonchsiz bo'lishi, shuningdek, huquq ijodkorligi uchun yetarli asos bo'la olmasligi mumkin.

Eksperimentning haqiqiy ahamiyati uning natijalarini baholash jarayonida namoyon bo'ladi. Baholash samarali bo'lishi uchun quyidagilar zarur:

- baholash mezonlarini aniq belgilash, ya'ni samaradorlik qaysi ko'rsatkichlar orqali o'lchanishini aniqlash (masalan, innovatsiyalar soni, jalb qilingan sarmoya miqdori, iste'molchilar huquqlarining himoya darajasi);

- baholash jarayonida qo'llanadigan metodlarni belgilash (statistik, qiyosiy yoki boshqa huquqiy-tahliliy usullar).

EHR natijalari kim tomonidan baholanishi aniq ko'rsatilishi lozim. Bunda mustaqil ekspertlar yoki maxsus davlat idoralari mutaxassislari ishtirok etishi shart.

Eksperimental huquqiy rejim doirasida qo'llanadigan cheklovlarning doirasi va darajasi oldindan aniq belgilanishi lozim. Agar EHR o'z oldiga qo'yilgan maqsadlarga erisha olmasa, uni muddatidan avval to'xtatib turish yoki butunlay tugatish imkoniyati nazarda tutilishi kerak.

Fransiya Davlat Kengashi 2019-yilgi hisobotida eksperimental huquqiy rejimlar natijalari maxsus komissiyalar tomonidan baholanishi lozimligini ta'kidlagan. Rossiya qonunchiligiga ko'ra, EHR natijalari har yili parlamentga taqdim etiladi (Bakhin, 2015).

EHRda natijasida to'plangan ma'lumotlar shaffof va hamma uchun ochiq bo'lishi kerak. Buning uchun maxsus ma'lumotlar bazasi yaratilib, unda ishtirokchilar to'g'risidagi umumiy statistik ko'rsatkichlar e'lon qilinishi lozim.

Shu bilan birga, ma'lumotlar shaxsiy hayot daxlsizligiga oid qonunlar (masalan, GDPR)ga zid kelmasligi shart. O'zbekistonda ham "Shaxsiy ma'lumotlar to'g'risida"gi qonun EHRLarda to'planadigan ma'lumotlardan foydalanishni tartibga solishi lozim.

Shaffoflik faqat texnik talab emas, balki qonun ustuvorligining asosiy talablaridan biridir. Agar EHR natijalari yopiq holda qolsa, fuqarolarning davlatga va qonunchilikka bo'lgan ishonchiga putur yetishi mumkin.

Xorijiy mamalakatlar tajribalariga e'tibor qaratsak, masalan, Fransiya Davlat Kengashi (Conseil d'État) 2019-yildagi yillik hisobotida eksperimental huquqiy rejimlar haqida alohida tahlil taqdim etgan. Unda EHRLar:

- faqat qonun darajasida joriy etilishi mumkinligi;
- muddati aniq belgilanishi shartligi;
- natijalari mustaqil komissiyalar tomonidan baholanishi lozimligi talablari mustahkamlab qo'yilgan.

Ushbu yondashuv EHRLarning qonuniylik va huquqiy aniqlikdan chetga chiqmasligini ta'minlaydi.

Germaniyada esa huquq tizimida qonuniy manfaat (berechtigtes Interesse) tushunchasi

muhim ahamiyatga kasb etadi. Eksperimental qonunchilikni amalga oshirishda subyektlarning qonuniy manfaatlari himoya qilinishini ta'minlash asosiy mezon sifatida qo'yiladi. Masalan, energiya bozoridagi ayrim EHRLarda iste'molchilar huquqlari himoyasi ustuvor shart sifatida belgilangan.

Rossiya Federatsiyasida 2020-yilda "Raqamli innovatsiyalar sohasida eksperimental huquqiy rejimlar to'g'risida"gi qonun qabul qilindi. Ushbu qonun raqamli texnologiyalarni sinovdan o'tkazish uchun maxsus huquqiy maydon yaratishni nazarda tutadi (Bakhin, 2015). Unda EHR muddati 3 yildan oshmasligi, tajribaning natijalari har yili parlamentga taqdim etilishi hamda ishtirokchilar ixtiyoriylik asosida jalb etilishi masalalari belgilangan.

Biroq amaliyotda ayrim muammolar yuzaga chiqmoqda, jumladan, huquqiy aniqlik yetarli darajada ta'minlanmagani va natijalarni baholash mexanizmlarining zaifligi haqida olimlar o'z tanqidiy munosabatlarini bildirishgan.

Yevropa Ittifoqida "yaxshiroq tartibga solish (Better Regulation)" dasturi doirasida qonunchilikda eksperimental tartibga solish usulidan foydalanib kelinmoqda. Bunda EHR natijalari ommaviy hisobotlarda e'lon qilinadi va fuqarolar fikri inobatga olinadi.

AQShda "tartibga solish qumdoni (regulatory sandbox)" ko'proq moliyaviy xizmatlar sohasida qo'llanadi. Masalan, fintex kompaniyalari Florida va Arizona shtatlarida litsenziya talablaridan vaqtinchalik ozod qilinib, yangi xizmatlarni sinovdan o'tkazishgan. Biroq bu yerda ham shaffoflik va iste'molchilar huquqlarini himoya qilish asosiy talab, shart sifatida belgilangan.

O'zbekistonda hozircha maxsus eksperimental huquqiy rejimlar to'g'risida qonun mavjud emas. Biroq raqamli iqtisodiyot, fintex va innovatsiya sohaslarida Prezident farmonlari hamda qarorlari orqali vaqtinchalik huquqiy mexanizmlar joriy etilmoqda. Jumladan, O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mah-

kamasining 2023-yil 23-noyabrdagi “Tartibga solish qumdoni” maxsus huquqiy rejimini joriy etish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi qarori orqali vaqtinchalik nizom tasdiqlangan. Ushbu nizom “Tartibga solish qumdoni” maxsus huquqiy rejimini joriy etish tartibi to‘g‘risida” (617-son, 23.11.2023) maxsus rejim joriy etish tartibini belgilaydi. Shu bilan birga, “Kapital bozori sohasida “Tartibga solish qumdoni” maxsus huquqiy rejimini taqdim qilish tartibi to‘g‘risida”gi (3493-son, 29.01.2024) nizom kapital bozori muhitidagi tartibni reglamentlash masalasini tartibga soladi.

Shunday qilib, tartibga solish qumdoni maxsus huquqiy rejimi yuridik shaxs bo‘lgan tadbirkorlik subyektlariga zamonaviy texnologiyalarga asoslangan yangi mahsulot va xizmatlar yoki boshqa intellektual faoliyat natijalarini nazorat qilinadigan cheklangan muhitda sinovdan o‘tkazish faoliyatini maxsus tartibga solishni nazarda tutadi.

Masalan, elektron tijorat yoki kriptovalyuta bilan bog‘liq ayrim loyihalarda huquqiy eksperiment elementlari kuzatilmoqda. Bu esa milliy huquq tizimida EHR institutini qonun darajasida mustahkamlash zarurligini ko‘rsatadi.

Eksperimental huquqiy rejimlar zamonaviy huquq tizimida innovatsiyalarni sinovdan o‘tkazish va qonun ijodkorligini empirik asoslash vositasi sifatida tobora muhim ahamiyat

kasb etmoqda. Biroq ularni samarali qo‘llash uchun qator shartlar bajarilishi zarur.

Xulosa

Xulosa o‘rnida aytish mumkinki, EHR – qonunchilikdagi yangi yechimlarni tekshirish imkonini beradigan, muayyan hudud va cheklangan vaqtda o‘tkaziladigan, alohida maqomga ega huquqiy-tajriba maydonidir.

Agar ushbu rejim to‘g‘ri tashkil etilmasa, ular qonuniylik, tenglik va huquqiy aniqlik prinsiplariga xavf tug‘dirish ehtimoli mavjud. Ammo undan foydalanish kerak emas degan xulosaga kelishni xato deb hisoblaymiz.

EHRdan faqat qat’iy mezonlar asosida, huquqiy va metodologik jihatdan to‘g‘ri yondashish orqali foydalanilsa, ijobiy samara beradi. Xalqaro tajriba ham shuni ko‘rsatmoqdaki, EHRlardan foydalanishda shaffoflik va baholash mexanizmlari ustuvor ahamiyatga ega.

O‘zbekistonda “Eksperimental huquqiy rejimlar to‘g‘risida” alohida qonun qabul qilish zarurati mavjud. Ushbu qonunda quyidagilar aks etishi lozim: EHRlarning metodologik standartlarini ishlab chiqish (loyihalash, nazorat, baholash); sud va ombudsman institutlarini EHRlarning qonuniyligini nazorat qilish jarayoniga jalb etish masalalari; EHR natijalarini ommaviy hisobotlarda e‘lon qilish orqali fuqarolar ishonchini oshirish hamda xalqaro tajribalardan ijobiy jihatlarini milliy huquqiy tizimga olib kirish.

REFERENCES

1. Bakhin, S. V. (2015). *Eksperiment v pravotvorchestve: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Experiment in Lawmaking: Russian and International Experience]* (pp. 65–102). Saint Petersburg: Legal Center.
2. Baldwin, R. (2010). Better Regulation: The Search and the Struggle. *Modern Law Review*, 73(3) 413–436.
3. Banerjee, A. V., & Duflo, E. (2009). The experimental approach to development economics. *Annual Review of Economics*, 1, 151–178.
4. Conseil d’État. (2019). *Étude annuelle: L’expérimentation juridique [Annual study: Legal experimentation]* (pp. 5–72). French Documentation.

5. Cuttino, J. (2021). Legal experimentation and the rule of law. *Journal of Law and Innovation*, 14(2), 201–230.
6. Druckman, J. N., Green, D. P., Kuklinski, J. H., & Lupia, A. (2011). *Causality and experiments in political science* (pp. 23–61). Cambridge University Press.
7. Gromova, E., & Ivanc, T. (2020). Regulatory sandboxes (experimental legal regimes) for digital innovations in BRICS. *BRICS Law Journal*, 7(2), 10–36.
8. Khabrieva, T.Ya. (2010). *Pravovoy eksperiment: ponyatie i granitsy [Legal experiment: concept and boundaries]* (pp. 110–145). Moscow: Norma.
9. Mousmouti, M. (2019). *Designing effective legislation* (pp. 44–68). Edward Elgar Publishing.
10. Radaelli, C. M., & de Francesco, F. (2010). Evidence-based policy making in the EU. *Journal of European Public Policy*, 17(5), 637–655.
11. Ranchordás, S., & van Klink, B. (Eds.). (2020). Experimental legislation in times of crisis. *Law and Method*, 1–18.
12. Sushilnikov, I. S. (2023). *Konstitutsionno-pravovye osnovy eksperimentalnykh pravovykh rezhimov [Constitutional and legal foundations of experimental legal regimes]. Theoretical and Applied Jurisprudence*, 1(15), 109–121.
13. Svetiev, Y. (2020). *Experimentalist competition law and the regulation of markets* (p. 232). Hart Publishing.
14. Thomann, E. (2017). The notions of regulation and self-regulation in political science. *Journal of Self-Regulation and Regulation*, 3, 55–75.
15. Van Gestel, R., & de Poorter, J. (2016). *Evidence-based lawmaking and legal validity* (pp. 89–112). Hart Publishing.

Kelib tushgan / Получено / Received: 14.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 05.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./HUPD8791

UDC: 347.53(045)(575.1)

ТРЕБОВАНИЕ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УВЕДОМЛЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ И НАДЛЕЖАЩЕЙ ФОРМЫ В ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША «О БОРЬБЕ С НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ»

Маскаева Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент
Белорусского государственного экономического университета
ORCID: 0000-0002-6347-3126
e-mail: maskayeva_nat@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена предусмотренному подпунктом 3 пункта 1 статьи 18 Закона Республики Польша «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» от 16 апреля 1993 года способу гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции, именуемому «требование о предоставлении уведомления соответствующего содержания в надлежащей форме». В свете недостатков института гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь, влекущих его неэффективность в правоприменении, изучение правового опыта зарубежных государств в данной сфере является актуальным. С использованием общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция) и частнонаучных методов (сравнительно-правового, формально-юридического, системного подхода, метода анализа судебной практики) проведён анализ указанной и иных норм законодательства Республики Польша, а также доктринальных подходов польских учёных и судебной практики по спорным вопросам применения норм Закона Польши «О борьбе с недобросовестной конкуренцией». Кроме того, рассмотрены положения белорусского законодательства в сфере гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции, выявлены проблемы его применения и сформулированы предложения по его совершенствованию. Полученные автором результаты могут быть использованы в нормотворческой деятельности, а также при проведении дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: требование о предоставлении уведомления, соответствующее содержание, надлежащая форма, гражданско-правовая защита от недобросовестной конкуренции, публичные извинения, гражданско-правовая ответственность за недобросовестную конкуренцию, недобросовестная конкуренция, акт недобросовестной конкуренции, генеральная клаузула

**POLSHA RESPUBLIKASINING “INSOFSIZ RAQOBATGA QARSHI KURASHISH TO‘G‘RISIDA”GI
QONUNIDA TEGISHLI MAZMUN VA BELGILANGAN SHAKLDAGI XABARNOMA TAQDIM
ETISH TALABI**

Maskayeva Natalya Gennadyevna,
Belarus davlat iqtisodiyot universiteti
dotsenti, yuridik fanlar nomzodi

Annotatsiya. Maqola Polsha Respublikasining 1993-yil 16-apreldagi “Insofsiz raqobatga qarshi kurashish to’g’risida”gi qonunining 18-moddasi 1-bandi 3-qismida nazarda tutilgan, “tegishli mazmundagi va belgilangan shakldagi xabarnoma taqdim etish talabi” deb nomlanuvchi insofsiz raqobatdan fuqarolik-huquqiy himoya usuliga bag’ishlangan. Belarus Respublikasida insofsiz raqobatdan fuqarolik-huquqiy himoya institutining kamchiliklari tufayli huquqni qo’llash amaliyotida samaradorlik pastligi kuzatiladi. Shu nuqtayi nazardan, sohada xorijiy davlatlar tajribasini o’rganish dolzarb hisoblanadi. Maqolada umumiy ilmiy (tahlil va sintez, induksiya va deduksiya) hamda xususiy ilmiy (qiyosiy-huquqiy, rasmiy-yuridik, tizimli yondashuv, sud amaliyotini tahlil qilish usullari) metodlardan foydalanib, Polsha Respublikasi qonunchiligining mazkur va boshqa normalari, polyak olimlarining doktrinal yondashuvlari, shuningdek, “Insofsiz raqobatga qarshi kurashish to’g’risida”gi qonun normalarini qo’llashda bahsli masalalar bo’yicha sud amaliyoti tahlil qilindi. Bundan tashqari, Belarus qonunchiligining insofsiz raqobatdan fuqarolik-huquqiy himoya qilish sohasidagi qoidalari ko’rib chiqildi, uni qo’llashdagi muammolar aniqlandi va qonunni takomillashtirish bo’yicha takliflar ishlab chiqildi. Tadqiqot natijalaridan norma ijodkorligi faoliyatida, shuningdek, kelgusi ilmiy tadqiqotlarda foydalanilishi mumkin.

Kalit so’zlar: xabarnoma taqdim etish talabi, tegishli mazmun, belgilangan shakl, insofsiz raqobatdan fuqarolik-huquqiy himoya, ommaviy uzr so’rash, insofsiz raqobat uchun fuqarolik-huquqiy javobgarlik, insofsiz raqobat, insofsiz raqobat akti, umumiy shart

THE REQUIREMENT TO SUBMIT A NOTIFICATION OF APPROPRIATE CONTENT AND SUBJECT FORM UNDER THE LAW OF THE REPUBLIC OF POLAND “ON COMBATING UNFAIR COMPETITION”

Maskaeva Natalya Gennadyevna,

Associate Professor of Belarus State Economic University,
Candidate of Legal Sciences

Abstract. The article is dedicated to the civil law protection method from unfair competition, referred to as the “requirement to provide a notification of the relevant content in the appropriate form,” provided for in subparagraph 3 of paragraph 1 of Article 18 of the Law of the Republic of Poland “On Combating Unfair Competition” of April 16, 1993. In light of the shortcomings of the institution of civil law protection from unfair competition in the Republic of Belarus, leading to its ineffectiveness in law enforcement, it is relevant to study the legal experience of foreign countries in this area. Using general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction) and private scientific methods (comparative legal, formal legal, systemic approach, method of judicial practice analysis), an analysis of the indicated and other norms of the legislation of the Republic of Poland, as well as doctrinal approaches of Polish scientists and judicial practice on controversial issues of applying the norms of the Polish Law “On Combating Unfair Competition,” was conducted. In addition, the provisions of Belarusian legislation in the field of civil and legal protection from unfair competition were considered, problems in its application were identified, and proposals for its improvement were formulated. The results obtained by the author can be used in norm-making activities, as well as in further scientific research.

Keywords: notification requirement, relevant content, proper form, civil law protection against unfair competition, public apologies, civil liability for unfair competition, unfair competition, unfair competition act, general clause

Введение

Конкуренция с незапамятных времён является основным двигателем рыночной экономики, стимулирующим хозяйству-

ющих субъектов к улучшению качества, расширению ассортимента продаваемых товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг, повышению уровня по-

требительской информированности, что способствует технологическому и экономическому развитию государства. Вместе с тем борьба за рыночное превосходство зачастую осуществляется участниками рынка недобросовестно, например путём использования достижений конкурента, переманивания его сотрудников, распространения о нём порочащей информации, что рассматривается белорусским законодателем, как и законодателями большинства стран мира, как негативное явление, причиняющее вред не только конкурентам, но и потребителям.

Важную роль в борьбе с недобросовестной конкуренцией играет гражданско-правовая защита от недобросовестной конкуренции, выполняющая стимулирующую, компенсационную и воспитательную функции. В настоящее время данный институт, в силу его объективных недостатков, является практически не востребуемым в законодательстве Республики Беларусь – в большинстве случаев хозяйствующие субъекты, чьи права нарушены, выбирают административно-правовые средства противодействия указанной запрещённой практике. С целью повышения эффективности гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь целесообразным является изучение правового опыта зарубежных государств в данной сфере, в особенности предусматривающих такие способы защиты, неизвестные праву Республики Беларусь. К таковым относится закреплённое в подпункте 3 пункта 1 статьи 18 Закона Республики Польша «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» – «Ustawa o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji» (1993) (далее – закон) требование о предоставлении уведомления соответствующего содержания и надлежащей формы. В этой связи настоящее исследование представляется актуальным.

Целью настоящей статьи является выявление специфики указанного способа гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции и возможности его закрепления в законодательстве Республики Беларусь. Достижение данной цели возможно путём решения следующих задач:

изучение положений закона;

анализ практики применения указанной нормы польскими судами и сложившихся в польской доктрине подходов;

рассмотрение норм законодательства Республики Беларусь в сфере гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции, в том числе с точки зрения наличия в нём способов такой защиты, схожих с требованием о предоставлении уведомления соответствующего содержания и надлежащей формы;

формулирование с учётом правового опыта Республики Польша предложений по модернизации законодательства Республики Беларусь в рассматриваемой области.

В белорусской доктрине отсутствуют работы, в которых проводится анализ данного требования. Среди польских учёных, занимавшихся его изучением, можно упомянуть Nowińska & Du Vall (2013), Wojcieszko-Głuszko (2005), Górnicki (1997), Knypl (1995), Nowińska & Szczepanowska-Kozłowska (2017), Podrecki (2009), Trybek & Trybek-Pławska (2018), Szwaja (2006), Szwaja & Tischner (2009) и др. Их исследования специально не посвящены требованию о предоставлении уведомления соответствующего содержания и надлежащей формы: оно рассматривается в свете всей системы способов гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции в законодательстве Республики Польша или отдельных её составляющих. Кроме того, они не носят сравнительно-правовую направленность.

Методы

Для написания настоящей статьи использовался комплекс общенаучных (анализа и синтеза, индукции и дедукции) и частнонаучных методов (сравнительно-правовой, формально-юридический, системного подхода, анализа судебной практики). В качестве краеугольного метода выступил сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить регулирование вопросов гражданско-правовой защиты в законодательстве Республики Польша и Республики Беларусь. Благодаря использованию формально-юридического метода был осуществлён анализ структуры, содержания и формулировок правовых норм польского и белорусского законодательства по рассматриваемым в статье вопросам, а также выявлены их недостатки. Системный подход применялся для определения места требования о предоставлении уведомления соответствующего содержания и надлежащей формы в системе способов гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции по законодательству Республики Польша, анализа связи норм о недобросовестной конкуренции с нормами законодательства о защите деловой репутации и интеллектуальной собственности белорусского законодательства. Метод анализа судебной практики использован для выявления подходов польских судов по спорным вопросам применения подпункта 3 пункта 1 статьи 18 закона. Использование метода моделирования позволило сформулировать предложения по совершенствованию норм Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), посвящённых гражданско-правовой ответственности за недобросовестную конкуренцию (Republic of Belarus, 1998).

Результаты

Гражданско-правовой ответственности за недобросовестную конкуренцию

посвящён раздел 3 закона (ст. 18–22). В статье 18 закона перечислены требования, которые могут быть предъявлены истцом в суде в случае совершения акта недобросовестной конкуренции:

1) о прекращении запрещённой деятельности;

2) об устранении последствий запрещённой деятельности;

3) о предоставлении одного или нескольких уведомлений соответствующего содержания и надлежащей формы;

4) о возмещении причинённого вреда, на общих основаниях;

5) о передаче неосновательно полученных благ, на общих основаниях;

6) о присуждении соответствующей денежной суммы на конкретную социальную цель, направленную на продвижение польской культуры или защиту национального наследия, в случае виновного совершения акта недобросовестной конкуренции.

Рядом исследователей высказывается мнение о том, что не исключено предъявление в судебном разбирательстве и других требований, предусмотренных в Гражданском кодексе Республики Польша – *Ustawa z dnia 17 listopada 1964 r., Kodeks postępowania cywilnego* (1964) (далее – ГК Польши), Гражданском процессуальном кодексе Республики Польша от 17 ноября 1964 г. – *Ustawa z dnia 17 listopada 1964 r. Kodeks postępowania cywilnego* (1964), а также актах законодательства в сфере интеллектуальной собственности, если недобросовестной конкуренцией одновременно нарушаются требования последних (Sieradzka & Zdyb, 2016, p. 985; Szwaja & Tischner, 2009, p. 44). Данная точка зрения нашла отражение и в некоторых судебных решениях (например, в решении окружного суда г. Лодзи от 26 октября 2017 г. по делу XGC 1104/13 (District Court in Łódź, 2017)).

Требование о предоставлении одного или нескольких уведомлений соответ-

ствующего содержания и надлежащей формы может быть предъявлено самостоятельно или в совокупности с другими требованиями, в том числе связанными с устранением последствий акта недобросовестной конкуренции (Sołtys, 2003).

Правом на предъявление иска, содержащего указанное требование в соответствии с подпунктом 1 статьи 18 и подпунктами 1 и 2 статьи 19 закона, обладают:

предприниматели, чьи интересы оказались под угрозой или нарушены в результате осуществления недобросовестной конкуренции;

национальные или региональные организации, уставной целью которых является защита интересов предпринимателей (исключение – случаи совершения актов недобросовестной конкуренции, перечисленные в ст. 5–7, 11, 14, 15а закона). Следует отметить, что в случае совершения актов недобросовестной конкуренции, указанных в законе (акты недобросовестной конкуренции, связанные с деятельностью в сфере онлайн-посреднических услуг и онлайн-поисковых систем, нарушающие нормы Регламента (ЕС) 2019/1150 Европейского парламента и Европейского Совета от 20 июня 2019 года «О содействии справедливости и прозрачности онлайн-посреднических услуг для коммерческих пользователей»), организации могут подавать такие иски только в том случае, если в отношении них выполняются условия, указанные в пунктах 3 и 6 статьи 14 данного Регламента, а именно:

преследуются цели, отвечающие коллективным интересам группы бизнес-пользователей или пользователей корпоративных веб-сайтов, которую они представляют на постоянной основе; являются некоммерческими организациями;

на принятие ими решений не оказывают неправомерного влияния никакие

сторонние поставщики финансирования, в частности поставщики услуг онлайн-посредничества или онлайн-поисковых систем. С этой целью они должны полностью и публично раскрывать информацию о своих членах и источниках финансирования;

по представлению государства включены Комиссией ЕС в список организаций, ассоциаций и государственных органов, отвечающих вышеуказанным требованиям, опубликованный в Официальном журнале Европейского союза.

При этом из статьи 4 закона следует, что иностранные физические и юридические лица уполномочены на предъявление такого иска на основании международных договоров Республики Польша или взаимности. Важнейшими из таких договоров являются Парижская конвенция по охране промышленной собственности – Paris Convention for the Protection of Industrial Property (1883) (п. 1 ст. 2, ст. 3) и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (п. 1 ст. 2) (World Trade Organization, 1994).

Основаниями для предъявления требования о предоставлении одного или нескольких уведомлений соответствующего содержания и формы являются (Supreme Court of Poland, 1997):

1) совершение акта недобросовестной конкуренции;

2) существование последствий указанного деяния на день вынесения судебного решения;

3) наличие причинной связи между совершённым актом недобросовестной конкуренции и указанными последствиями.

В соответствии с пунктом 1 статьи 3 под недобросовестной конкуренцией понимаются действия, противоречащие законодательству или добрым обычаям, которые угрожают интересам другого предпринимателя или клиента или создают угрозу их нарушения (Ustawa o zwalczaniu

nieuczsciwej konkurencji, 1993). Данное определение в польской научной литературе называется «генеральной клаузулой» (clauzula generalna) (Sieradzka & Zdyb, 2016; Kępiński, 1994, p. 2; Skubisz, 2016, p. 82).

Некоторые действия прямо отнесены польским законодателем к актам недобросовестной конкуренции:

обозначение предприятия, вводящее в заблуждение;

ложное или обманное указание географического происхождения товаров или услуг;

обозначение товаров или услуг, вводящее в заблуждение;

нарушение коммерческой тайны;

подстрекательство к расторжению или неисполнению договора;

имитация продукции, клевета или недобросовестное восхваление, затруднение доступа на рынок;

подкуп лица, выполняющего публичную функцию;

недобросовестная или запрещённая реклама;

организация «лавинной» системы продаж;

осуществление или организация деятельности в системе консорциума;

необоснованное продление сроков оплаты поставленных товаров или оказанных услуг;

деятельность в сфере услуг онлайн-посредничества и онлайн-поисковых систем в соответствии с пунктами 2 и 5 статьи 2 Регламента (ЕС) 2019/1150 Европейского парламента и Европейского Совета от 20 июня 2019 года «О содействии справедливости и прозрачности онлайн-посреднических услуг для коммерческих пользователей» (п. 2 ст. 3 закона) (Republic of Poland, 1993).

Действия, не включённые в указанный перечень, в том числе противоречащие иным актам законодательства, могут быть признаны недобросовестной

конкуренцией, только если они противоречат «добрым обычаям». Определения таковых в рассматриваемом законе не содержится. Новейшей тенденцией толкования указанного термина в доктрине и польской судебной практике является экономико-функциональный подход. В соответствии с ним, во-первых, под добрыми обычаями понимаются моральные и общепринятые нормы, применяемые в хозяйственной деятельности, а не общие этические и моральные принципы (Skubisz, 2016, p. 83; District Court in Warsaw, 2016; District Court in Katowice, 2022). Во-вторых, решение вопроса о том, является ли определённый обычай, нашедший отражение в поведении той или иной стороны спора, добрым обычаем, должно осуществляться судом с учётом не только интересов истца и ответчика, но и публичных интересов – оценивание должно ориентироваться на обеспечение бесперебойного функционирования конкуренции посредством устойчивого и подлинного соперничества за счёт качества, цены и других желанных для покупателей характеристик предлагаемых товаров и услуг (Szwaja, 2006, pp. 157, 162).

В статье 2 закона под предпринимателями понимаются «физические лица, юридические лица и организационные единицы, не имеющие правосубъектности, которые участвуют, в том числе косвенно, в приносящей доход или профессиональной деятельности и осуществляют хозяйственную деятельность» (Republic of Poland, 1993).

Понятие «клиент» в законе не содержится. В польских доктринальных источниках отмечается, что под клиентом следует понимать всякого контрагента хозяйствующего субъекта, а не только потребителя (Czarny-Drożdziejko, 1999, p. 15; Kuberski, 2016, p. 273), в статье 22¹ ГК Польши – физическое лицо, заключившее с хозяйствующим субъектом сделку,

не связанную напрямую с его предпринимательской или профессиональной деятельностью.

Исходя из статьи 1 закона, в качестве акта недобросовестной конкуренции можно квалифицировать только действия, связанные с хозяйственной деятельностью. Определения последней закон не даёт, но в то же время содержит в части первой статьи 1 примерный перечень того, что относится к таковой: промышленное и сельскохозяйственное производство, строительство, торговля и услуги (Republic of Poland, 1993). Как указал Верховный суд Республики Польша в решении от 18 июня 1991 года (Sygn. act. III CZP 40/91), хозяйственная деятельность отличается рядом специфических особенностей: профессиональный характер (постоянный, не любительский, не эпизодический), соблюдение норм рентабельности и прибыли, повторяемость деятельности (например, серийное производство, типизация сделок, постоянное сотрудничество и т. д.), участие в хозяйственном обороте (Supreme Court of Poland, 1991). Таким образом, не могут быть признаны недобросовестной конкуренцией действия в научной, политической, религиозной, благотворительной и тому подобных сферах (Górnicki, 1997, p. 39).

В польской научной литературе сложилось две противоположные позиции по поводу того, может ли суд оценивать действия, упомянутые в статьях 5–17 закона, на соответствие признакам, содержащимся в генеральной клаузуле (реальная или потенциальная угроза интересам предпринимателя или клиента, противоречие добрым обычаям). В соответствии с первой, преобладающей, на данный вопрос следует ответить положительно (Kępiński, 1994, p. 8; Sieradzka & Zdyb, 2016, p. 124). В соответствии со второй – ответ, напротив, должен быть отрицательным. Так, например, по мнению Sołtys (2003), нет

достаточных оснований для применения генеральной клаузулы к указанным действиям, поскольку они априори были признаны законодателем противоречащими закону и добросовестной практике и нарушающими интересы, которые заслуживают защиты (незаконными действиями). Польская судебная практика придерживается первой точки зрения: в решениях польских судов указывается, что генеральная клаузула выполняет корректирующую функцию в отношении упомянутых положений закона и, если фактическая ситуация формально соответствует требованиям статей 5–17 данного закона, но в действительности в действии не проявляются какие-либо признаки, указанные в пункте 1 статьи 3, такое действие нельзя считать актом недобросовестной конкуренции (Court of Appeal in Gdańsk, 2011; District Court in Katowice, 2022; District Court in Warsaw, 2015).

Недоказанность наличия любого из условий предъявления соответствующего иска влечёт отказ судом в удовлетворении рассматриваемого требования. Так, например, Апелляционный суд г. Гданьска в решении от 13 декабря 2011 года (sygn. akt I ACa 1269/11) отказал истце в удовлетворении требования о публикации в прессе уведомления о том, что ответчик, незаконно используя при осуществлении деятельности в сфере общественного питания словесное обозначение, содержащее коммерческое наименование предприятия истцы, нарушил принципы добросовестной конкуренции, создал возможность введения клиентов в заблуждение относительно личности производителя и, действуя в ущерб потребителям, совершил акт недобросовестной конкуренции в отношении истцы. Суд исходил в том числе из того, что истица не доказала наличие заблуждения у покупателей и иных последствий соответствующего поведения ответчика, в том числе, напри-

мер, посягательства на её деловую репутацию (Court of Appeal in Gdańsk, 2011).

Прекращение правонарушения до обращения в суд не препятствует предъявлению требования о предоставлении уведомления при наличии последствий, которые могут быть устранены либо ограничены в результате применения данного способа гражданско-правовой защиты (Court of Appeal in Warsaw, 2018; Court of Appeal in Warsaw, 2019). Продолжительность недобросовестной конкуренции также не влияет на возможность подачи соответствующего иска: требование допустимо и в том случае, если акт недобросовестной конкуренции был совершён путём однократного действия. Вместе с тем длительный характер недобросовестного конкурентного поведения может оказывать влияние на форму и содержание уведомления, особенно если истец ранее обращал внимание нарушителя на факт осуществления запрещённой деятельности (Nowińska & Szczepanowska-Kozłowska, 2017, p. 553).

Закон «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» не содержит специальных норм, непосредственно посвящённых рассматриваемому требованию, ограничиваясь указанием в подпункте 3 пункта 1 статьи 18 на то, что уведомление может быть однократным или многократным, а также должно быть соответствующего содержания и надлежащей формы (Republic of Poland, 1993).

Под соответствующим содержанием понимается содержание, согласующееся со всеми обстоятельствами дела и учитывающее степень вины нарушителя (Szwaja, 2006, p. 849).

Надлежащая форма, в свою очередь, означает способ доведения уведомления нарушителя до сведения третьих лиц, который должен быть адекватен способу и обстоятельствам совершённого нарушения (Court of Appeal in Warsaw, 2013). Фор-

ма уведомления избирается ответчиком с учётом необходимости реализации одной из ключевых функций данного способа гражданско-правовой защиты – информационной, заключающейся в информировании соответствующей группы лиц (в частности, реальных или потенциальных покупателей товаров, маркированных вводящим в заблуждение обозначением, контрагентов предпринимателя, а также лиц, пострадавших в результате распространения ложной информации) о совершённом нарушении и, как следствие, в доведении до их сведения объективной картины рыночных отношений (Sieradzka & Zdyb, 2016, p. 1005; Court of Appeal in Warsaw, 2018).

Выбор места публикации уведомления должен зависеть, как минимум, от вида и способа нарушения; места размещения информации, образующей акт недобросовестной конкуренции; характеристик клиентов, подвергшихся воздействию такого акта, а также потенциальных клиентов, для которых данное уведомление должно выполнять превентивную функцию, препятствуя пользованию услугами субъекта, совершающего акты недобросовестной конкуренции; сферы деятельности субъекта, допустившего нарушение, и его рыночного положения; сферы деятельности потерпевшего лица и состава его клиентуры (National Bar of Legal Advisers, 2015, p. 13). Уведомление может быть опубликовано в прессе, на веб-сайтах или в социальных сетях, доведено до сведения конкретного лица или лиц устно либо направлено им в письменной форме (Małaszewska-Dąbrowska, 2021).

Как правило, о публичном сообщении уведомления (например, в многотиражной прессе) не может идти речи в тех случаях, когда о событии, в ходе которого были нарушены интересы предпринимателя, стало известно лишь ограниченному кругу лиц (Wojcieszko-Głuszko, 2005,

р. 84). Так, в одном из решений окружной суд Варшавы обязал ответчика в течение 14 дней со дня принятия решения разместить за свой счёт на главной странице своего веб-сайта уведомление о том, что он совершил в отношении истца акт недобросовестной конкуренции, выразившийся в распространении ложной информации о том, что ответчик является эксклюзивным дистрибьютором продукции, конкурирующей с продукцией истца, а также принести извинения всем потребителям, деловым партнёрам и истцу за распространение данной информации. Обжалуя это решение в Апелляционном суде Варшавы, истец ходатайствовал о публикации уведомления на главной странице отраслевого сайта, в двух ежедневных газетах, а также о его рассылке по электронной почте всем подписчикам одного из интернет-сайтов. Вместе с тем суд апелляционной инстанции согласился с позицией суда первой инстанции, указав, что истцу не удалось доказать факт ознакомления читателей указанных газет или пользователей соответствующих сайтов с ложной информацией, распространённой ответчиком, и пришёл к выводу о том, что размещение уведомления исключительно на сайте ответчика является достаточной мерой для информирования заинтересованных лиц об истинном положении дел и устранения последствий нарушения, тем более что с момента его совершения прошло несколько лет (Court of Appeal in Warsaw, 2015).

Истец обязан указать в исковом заявлении, должно ли уведомление быть представлено однократно либо неоднократно и, в случае выбора второго варианта, с какой периодичностью это должно осуществляться, а также сформулировать текст уведомления (Nowińska & Szczepanowska-Kozłowska, 2017, р. 553; Szwaia, 2006, р. 849; Wojcieszko-Głuszko, 2005, р. 91). Неисполнение истцом ука-

занных требований влечёт отказ в удовлетворении иска (Supreme Court of Poland, 1997). Уведомление может принимать форму опровержения, исправления либо разъяснения определённых фактов, извинения, выражения сожаления и т. п. (Court of Appeal in Kraków, 2012; Court of Appeal in Warsaw, 2013; Supreme Court of Poland, 2013).

Окончательное решение о месте, количестве и способе опубликования уведомления принимается судом с учётом обстоятельств конкретного дела (District Court in Szczecin, 2016). При этом суд обязан обеспечить баланс интересов потерпевшего, предоставив ему, с одной стороны, максимально широкую и удовлетворительную моральную компенсацию, и ответчика – с другой стороны, не прибегая к чрезмерным репрессивным мерам, не обусловленным обстоятельствами дела (Court of Appeal in Warsaw, 2013; District Court in Katowice, 2022). Ряд польских учёных, в частности Sieradzka & Zdyb (2016, р. 1006) и Jasińska et al. (2021), обоснованно указывают на потенциально репрессивный характер требования о предоставлении уведомления в случаях чрезмерных расходов на его опубликование. Отмечается, что размещение уведомлений в отдельных средствах массовой информации, особенно общепольского уровня, связано со значительными затратами, величина которых зависит не только от места и даты публикации (для печатных изданий) или времени выхода в эфир (для радио- и телевещания), но и от объёма сообщения, как правило исчисляемого в так называемых «модулях», либо от его продолжительности. Однако следует учитывать, что размер расходов на публикацию уведомления в контексте утверждения о его чрезмерном и несоразмерном характере по отношению к обстоятельствам дела представляет собой одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию ответ-

чиком в соответствии со статьёй 6 ГК Польши; вопрос о том, могут ли такие расходы рассматриваться как чрезмерные репрессии в отношении нарушителей, может быть разрешён судом лишь после их определения (Supreme Court of Poland, 2013).

В польской доктрине преобладает точка зрения, согласно которой в качестве уведомления, предусмотренного подпунктом 3 пунктом 1 статьи 18 Закона «О борьбе с недобросовестной конкуренцией», может рассматриваться публикация судебного решения либо его части (Górnicki, 1997, pp. 84–85; Szwaja, 2006, p. 850). По позиции Верховного суда Республики Польша, указанное положение закона не исключает возможности предъявления истцом требования к ответчику, совершившему акт недобросовестной конкуренции, об опубликовании за его счёт содержания резолютивной части судебного решения, разрешающего спор между сторонами, вместо самостоятельного уведомления (Supreme Court of Poland, 2013).

Ряд авторов при этом указывает, что обязанность предоставления уведомления не должна применяться автоматически, а допустима лишь в тех случаях, когда она является оправданной и справедливой с учётом обстоятельств конкретного дела (Szwaja, 2006, p. 847). Данная позиция находит отражение и в судебной практике. Так, Апелляционный суд в Варшаве в решении от 7 ноября 2007 года (sygn. akt I ACa 334/07) указал, что для удовлетворения иска, содержащего соответствующее требование, недостаточно формальной ссылки на норму закона; истец обязан привести фактические обстоятельства, подтверждающие обоснованность требования, а также показать, что его удовлетворение необходимо для достижения конкретных целей, связанных с защитой от недобросовестной конкуренции (Court of Appeal in Warsaw, 2007).

В отличие от Закона Республики Польша «О борьбе с недобросовестной конкуренцией», Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 года «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» не содержит прямого регулирования вопросов гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции, ограничиваясь в статье 48 указанием на то, что «нарушение антимонопольного законодательства влечёт ответственность в соответствии с законодательными актами» (Republic of Belarus, 2013). В развитие данной отсылочной нормы в Гражданском кодексе Республики Беларусь закреплена статья 1030 «Ответственность за осуществление недобросовестной конкуренции», формулировка которой, на наш взгляд, является не вполне удачной.

Так, исходя из того, что одной из ключевых отраслевых особенностей гражданско-правовой ответственности является её направленность на восстановление имущественного положения лица, пострадавшего от правонарушения (Avdeeva, 2020, pp. 3–7), представляется неоправданным отнесение в указанной статье к мерам гражданско-правовой ответственности за недобросовестную конкуренцию прекращения противоправных действий, а также опубликования опровержения распространённых сведений, составляющих содержание недобросовестной конкуренции. По нашему мнению, данные меры по своей правовой природе являются способами защиты гражданских прав и могут применяться наряду с иными способами, предусмотренными статьёй 11 ГК Республики Беларусь, за исключением тех, которые не учитывают специфику недобросовестной конкуренции как правонарушения (в частности, взыскание неустойки или присуждение к исполнению обязанности в натуре). В случаях когда в результате недобросовестной конкуренции на-

рушаются исключительные права, такие способы защиты могут также применяться совместно со способами, предусмотренными пунктом 1 статьи 990 ГК Республики Беларусь и иными актами законодательства в сфере интеллектуальной собственности, включая, например, компенсацию за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 29 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» (Republic of Belarus, 1993); п. 4 ст. 41 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (Republic of Belarus, 2002)).

При этом остаётся неясным, что именно понимается в анализируемой норме под «опровержением» указанных действий. Ни в одной иной норме гражданского законодательства подобное словосочетание не используется. В научной литературе содержание данного способа гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции также не раскрывается, а анализ общедоступных материалов судебной практики свидетельствует о том, что истцы требований о его применении не заявляли. Исходя из лексического значения глаголов «опровергать» и «опровергнуть», зафиксированного в толковых словарях русского языка (Kuznetsov, 1998, p. 720; Ushakov, 2007, p. 573), можно сделать вывод о том, что объектом опровержения могут выступать утверждения, факты либо иная информация, но не действия как таковые. В этой связи представляется целесообразным исключить слова «и действий» из пункта 1 статьи 1030 ГК Республики Беларусь.

Что касается опубликования опровержения сведений, распространённых в результате совершения акта недобросовестной конкуренции, полагаем, что к соответствующим отношениям по аналогии могут применяться нормы статьи 153 ГК

Республики Беларусь, а также положения постановления Пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 года № 16 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» (Supreme Economic Court of the Republic of Belarus, 2005).

В отношении принесения публичных извинений представляется необходимым отметить следующее. Как свидетельствует анализ общедоступных материалов судебной практики по спорам о защите от недобросовестной конкуренции, истцы подобных требований, как правило, не заявляли. Вместе с тем они выдвигались в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации между субъектами, не являющимися конкурентами, в рамках требований об опровержении порочащих сведений, и суды нередко возлагали на ответчиков обязанность принести извинения, рассматривая их как одну из форм опровержения (Podgrucha, 2003; Romanova, 2011). Однако часть первая статьи 33 Конституции Республики Беларусь 1994 года гарантирует каждому свободу мнений, убеждений и их свободное выражение, а часть вторая данной статьи прямо закрепляет, что никто не может быть принуждён к выражению своих убеждений либо отказу от них (Republic of Belarus, 1994).

Исходя из этого, если ответчик не раскаивается в содеянном, не осознаёт своей неправоты и не выражает намерения принести извинения, полагаем, что суд не вправе возлагать на него соответствующую обязанность. Принесение извинений, таким образом, не может обеспечиваться мерами государственного принуждения и, следовательно, не относится к числу гражданско-правовых способов защиты. Его закрепление в белорусском законодательстве, по нашему мнению, вступало бы

в противоречие с положениями статьи 33 Конституции Республики Беларусь.

Относительно возможности публикации сведений о допущенном нарушении следует отметить, что данный способ гражданско-правовой защиты прямо упоминается лишь в подпункте 2 пункта 1 статьи 990 ГК Республики Беларусь, посвящённой защите исключительных прав. Это означает, что его применение в спорах о защите от недобросовестной конкуренции допустимо лишь в тех случаях, когда соответствующее правонарушение сопряжено с нарушением исключительных прав. При этом в такую публикацию, согласно указанной норме, должны включаться сведения о принадлежности нарушенного права.

Кроме того, обязательное информирование лиц, затронутых недобросовестной конкуренцией, о факте её осуществления позволило бы, во-первых, сформировать у них объективную и соответствующую действительности оценку фактов и отношений, связанных с данным правонарушением; во-вторых, в определённой степени восстановить деловую репутацию потерпевшего и его рыночное положение; в-третьих, выступить сдерживающим фактором для применения иными хозяйствующими субъектами недобросовестных приёмов и способов конкурентной борьбы. В этой связи при выборе способа и формы такого информирования представляются заслуживающими внимания критерии, выработанные польскими судами при применении подпункта 3 пункта 1 статьи 18 Закона «О борьбе с недобросовестной конкуренцией».

Обсуждение

Закреплённый в подпункте 3 пункта 1 статьи 18 Закона Республики Польша «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» способ гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции представляется чрезмерно лаконично сфор-

мулированным, что обусловило наличие в польской доктрине оживлённой дискуссии, а в судебной практике – отсутствие единообразия по ряду вопросов его применения. В то же время данный способ защиты является востребованным у истцов по спорам о недобросовестной конкуренции, что, по нашему мнению, объясняется его вариативностью, а также многообразием и значимостью выполняемых им функций.

В белорусском законодательстве отсутствует норма, аналогичная содержащейся в указанном положении Закона Республики Польша «О борьбе с недобросовестной конкуренцией». Вместе с тем в нём предусмотрены способы защиты от недобросовестной конкуренции, которые частично охватываются содержанием данной нормы. В этой связи, принимая во внимание выявленные недостатки формулировки подпункта 3 пункта 1 статьи 18 упомянутого закона, считаем нецелесообразным прямое заимствование аналогичной нормы в Гражданский кодекс Республики Беларусь. Одновременно, с учётом в том числе практики её применения, представляется необходимым внесение определённых изменений в статью 1030 ГК Республики Беларусь.

Во-первых, поскольку в действующей редакции данной статьи объединены как меры гражданско-правовой ответственности, так и меры гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции, целесообразно изменить её наименование.

Во-вторых, указанная статья, на наш взгляд, должна быть дополнена положением, предусматривающим право потерпевшего требовать информирования лиц, затронутых недобросовестной конкуренцией, о факте её осуществления, а также содержать указание на иные доступные истцу способы гражданско-правовой защиты от недобросовестной конкуренции.

Заклучение

По результатам проведённого исследования предлагается изложить статью 1030 ГК Республики Беларусь в следующей редакции:

«Статья 1030. Гражданско-правовая защита от недобросовестной конкуренции

Защита от недобросовестной конкуренции осуществляется путём опроверже-

ния распространённых сведений, составляющих содержание недобросовестной конкуренции, информирования лиц, затронутых недобросовестной конкуренцией, о совершённом правонарушении, а также иными способами, предусмотренными статьёй 11 и другими статьями настоящего Кодекса и иных законодательных актов».

REFERENCES

1. Adamczak, A., Korbela, A., Kuberski, D., Raglewski, J., & Siwek, M. (Eds.). (2016). *Zbiór orzeczeń z zakresu prawa karnego materialnego wraz z komentarzami. Przestępstwa i inne formy naruszenia praw własności intelektualnej oraz przestępstwa przeciwko obrotowi gospodarczemu* [A collection of judgments in the field of substantive criminal law, along with commentaries. Crimes and other forms of infringement of intellectual property rights, and crimes against economic activity]. National School of Judiciary and Public Prosecution. https://www.kssip.gov.pl/sites/default/files/casebook_wlasnosc_przemyslowa_05072016.pdf
2. Avdeeva, T. V. (2020). O funktsiiakh grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti [On the functions of civil liability]. In E. M. Efremenko (Ed.), *Teoriia i praktika realizatsii mer otvetstvennosti v grazhdanskom, trudovom, semeinom prave v gosudarstvakh Tamozhennogo soiuza EAES*: [Conference presentation]. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.
3. Court of Appeal in Gdańsk. (2011, December 13). *Wyrok Sądu Apelacyjnego w Gdańsku, I ACa 1269/11* [Judgment of the Court of Appeal in Gdańsk, I ACa 1269/11]. Law Standards. <https://standardyprawa.pl/orzeczenie/38556>
4. Court of Appeal in Kraków. (2012, November 15). *Wyrok Sądu Apelacyjnego w Krakowie, I ACa 1024/12* [Judgment of the Court of Appeal in Kraków, I ACa 1024/12]. Portal of Judgments of the Court of Appeal in Kraków.
5. Court of Appeal in Warsaw. (2007, November 7). *Wyrok Sądu Apelacyjnego w Warszawie, I ACa 334/07* [Judgment of the Court of Appeal in Warsaw, I ACa 334/07]. SIP Lex.
6. Court of Appeal in Warsaw. (2013, September 25). *Wyrok Sądu Apelacyjnego w Warszawie, VI ACa 1043/13* [Judgment of the Court of Appeal in Warsaw, VI ACa 1043/13]. Portal of Judgments of the Court of Appeal in Warsaw.
7. Court of Appeal in Warsaw. (2015, May 15). *Wyrok Sądu Apelacyjnego w Warszawie, I ACa 1458/14* [Judgment of the Court of Appeal in Warsaw, I ACa 1458/14]. Portal of Judgments of the Court of Appeal in Warsaw. [https://orzeczenia.waw.sa.gov.pl/content/\\$N/15450000000503_I_ACa_001458_2014_Uz_2015-05-15_001](https://orzeczenia.waw.sa.gov.pl/content/$N/15450000000503_I_ACa_001458_2014_Uz_2015-05-15_001)
8. Court of Appeal in Warsaw. (2018, June 8). *Wyrok Sądu Apelacyjnego w Warszawie, VII AGa 335/18* [Judgment of the Court of Appeal in Warsaw, VII AGa 335/18]. Portal of Judgments of the Court of Appeal in Warsaw. [https://orzeczenia.waw.sa.gov.pl/content/\\$N/154500000003527_VII_AGa_000335_2018_Uz_2018-06-08_002](https://orzeczenia.waw.sa.gov.pl/content/$N/154500000003527_VII_AGa_000335_2018_Uz_2018-06-08_002)
9. Court of Appeal in Warsaw. (2019, December 12). *Wyrok Sądu Apelacyjnego w Warszawie, VII AGa 1567/18* [Judgment of the Court of Appeal in Warsaw, VII AGa 1567/18]. Portal of Judgments of the Court of Appeal in Warsaw. [https://orzeczenia.waw.sa.gov.pl/content/\\$N/154500000003527_VII_AGa_001567_2018_Uz_2019-12-12_002](https://orzeczenia.waw.sa.gov.pl/content/$N/154500000003527_VII_AGa_001567_2018_Uz_2019-12-12_002)

10. Czarny-Drożdziejko, E. (1999). Karna ochrona uczciwości i konkurencji [Criminal protection of honesty and competition]. *Journal of Criminal Law and Penal Sciences*, (2), 5–32.
11. District Court in Katowice. (2022, January 26). *Wyrok Sądu Okręgowego w Katowicach, XXIV GW 201/20* [Judgment of the District Court in Katowice, XXIV GW 201/20]. SIP Lex.
12. District Court in Łódź. (2017, October 26). *Wyrok Sądu Okręgowego w Łodzi, X GC 1104/13* [Judgment of the District Court in Łódź, X GC 1104/13]. Portal of Common Court Judgments.
13. District Court in Szczecin. (2016, January 28). *Wyrok Sądu Okręgowego w Szczecinie, VIII GC 322/15* [Judgment of the District Court in Szczecin, VIII GC 322/15]. Portal of Judgments of the District Court in Szczecin.
14. District Court in Warsaw. (2015, December 14). *Wyrok Sądu Okręgowego w Warszawie, XXII GWzt 56/14* [Judgment of the District Court in Warsaw, XXII GWzt 56/14]. Portal of Judgments of the District Court in Warsaw.
15. District Court in Warsaw. (2016, February 22). *Wyrok Sądu Okręgowego w Warszawie, XXII GWzt 64/15* [Judgment of the District Court in Warsaw, XXII GWzt 64/15]. SIP Lex.
16. Górnicki, L. (1997). *Nieuczciwa konkurencja, w szczególności przez wprowadzające w błąd oznaczenie towarów lub usług, i środki ochrony w prawie polskim* [Unfair competition, in particular by misleading designation of goods or services, and means of protection in Polish law]. University of Wrocław Publishing House.
17. Jasińska, K., Pinkalski, Z., Rasiewicz, J., & Sokołowska-Ławniczak, A. (2021). *Metodyka pracy pełnomocnika w sprawach cywilnych z zakresu prawa własności intelektualnej* [Methodology of the attorney's work in civil cases in the field of intellectual property law]. Wolters Kluwer. <https://www.profinfo.pl/sklep/metodyka-pracy-pelnomocnika-w-sprawach-cywilnych-z-zakresu-prawa-wlasnosci-intelektualnej,156952.html>
18. Kępiński, M. (1994). Problemy ogólne nowej ustawy o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji [General problems of the new act on combating unfair competition]. *Legal, Economic and Sociological Movement*, (2), 1–12.
19. Knypl, T. M. (1995). *Ustawa o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji. Komentarz* [Act on combating unfair competition. Commentary]. Publishing House of the Association of Court Communicators.
20. Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Norint.
21. Małaszewska-Dąbrowska, N. (2021, July 6). *Roszczenia przysługujące w związku z naruszeniem ustawy o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji: Część I* [Claims due to infringement of the Act on Combating Unfair Competition, Part I]. Russell Bedford. <https://russellbedford.pl/aktualnosci/item/2304-roszczenia-przysluguje-w-zwiazku-z-naruszeniem-ustawy-o-zwalczaniu-nieuczciwej-konkurencji-czesc-i.html>
22. National Bar of Legal Advisers. (2015). *Załącznik nr 1 do sprawozdania Komisji za 2015 r. – czyny nieuczciwej konkurencji* [Annex 1 to the Commission's report for 2015 – acts of unfair competition]. https://www.adwokatura.pl/admin/wgrane_pliki/file-kprikaalaczni-1-czyiny-nieuczciwej-konkurencji-14070.docx
23. Nowińska, E., & du Vall, M. (2013). *Komentarz do ustawy o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji* [Commentary to the Act on Combating Unfair Competition]. LexisNexis Law Publishing House.
24. Nowińska, E., & Szczepanowska-Kozłowska, K. (2017). *Ustawa o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji. Komentarz* [Act on combating unfair competition. Commentary]. Wolters Kluwer.
25. Podgrucha, V. V. (2003). *Esli chest', dostoinstvo i delovaia reputatsiia nuzhdaiutsia v zashchite: po sostoianiiu na 1 noiab. 2003 g.* [If honor, dignity and business reputation need protection: as of November 1, 2003]. Consultant Plus: Belarus: Reference Legal System.
26. Podrecki, P. (2009). Civil law actions in the context of competition restricting practices under Polish law. *Yearbook of Antitrust and Regulatory Studies*, 2(2), 77–98. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1649570

27. Republic of Belarus. (1993, February 5). *Zakon Respubliki Belarus' "O tovarnykh znakh i znakh obsluzhivaniia"* [Law of the Republic of Belarus "On Trademarks and Service Marks"]. Etalonline.by. <https://etalonline.by/document/?regnum=V19302181>
28. Republic of Belarus. (1994). *Constitution of the Republic of Belarus*. Etalonline.by. <https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875>
29. Republic of Belarus. (1998, December 7). *Grazhdanskii kodeks Respubliki Belarus' No. 218-Z* [Civil Code of the Republic of Belarus]. WIPO Lex. <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18918>
30. Republic of Belarus. (2002, December 16). *Zakon Respubliki Belarus' "O patentakh na izobretenii, poleznye modeli, promyshlennye obraztsy"* [Law of the Republic of Belarus "On Patents for Inventions, Utility Models, Industrial Designs"]. Etalonline.by.
31. Republic of Belarus. (2013, December 12). *Zakon Respubliki Belarus' No. 94-Z "O protivodeistvii monopolisticheskoi deiatel'nosti i razvitii konkurentsii"* [Law of the Republic of Belarus No. 94-Z "On Countering Monopolistic Activities and Developing Competition"]. Pravo.by.
32. Republic of Poland. (1964, April 23). *Ustawa z dnia 23 kwietnia 1964 r. – Kodeks cywilny* [Act of 23 April 1964 – Civil Code]. ISAP. <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19640160093>
33. Republic of Poland. (1964, November 17). *Ustawa z dnia 17 listopada 1964 r. – Kodeks postępowania cywilnego* [Act of 17 November 1964 – Code of Civil Procedure]. ISAP. <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19640430296>
34. Republic of Poland. (1993, April 16). *Ustawa o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji* [Act on Combating Unfair Competition]. ISAP. <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19930470211>
35. Romanova, O. N. (2011). *Nekotorye voprosy soderzhaniya sudebnogo resheniya i ego ispolneniya po delam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: po sost. na 9 marta 2011 g.* [Some issues of the content of a court decision and its execution in cases on the protection of honor, dignity and business reputation: As of March 9, 2011]. Consultant Plus: Belarus: Reference Legal System.
36. Sieradzka, M., & Zdyb, M. (Eds.). (2016). *Ustawa o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji. Komentarz* [Act on combating unfair competition. Commentary] (2nd ed.). Wolters Kluwer.
37. Skubisz, R. (2016). Klauzule generalne w prawie o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji [General clauses in the law on combating unfair competition]. *Annals of the Maria Curie-Skłodowska University*, 63(2), 71–92. <https://doi.org/10.17951/g.2016.63.2.71>
38. Sołtys, B. (2003). *Nazwy handlowe i ich ochrona w prawie polskim* [Trade names and their protection in Polish law]. Zakamycze Publishing Office.
39. Supreme Court of Poland. (1991, June 18). *Uchwała Sądu Najwyższego, III CZP 40/91* [Resolution of the Supreme Court, III CZP 40/91]. Law Standards. <https://standardyprawa.pl/orzeczenie/2192628>
40. Supreme Court of Poland. (1997, December 22). *Wyrok Sądu Najwyższego, II CKN 546/97* [Judgment of the Supreme Court, II CKN 546/97]. Inforlex. <https://www.inforlex.pl/dok/tresc,OSN.1997.001.001940644>
41. Supreme Court of Poland. (2002, September 26). *Wyrok Sądu Najwyższego, III CKN 213/01* [Judgment of the Supreme Court, III CKN 213/01]. SIP Lex.
42. Supreme Court of Poland. (2013, May 17). *Wyrok Sądu Najwyższego, I CSK 499/12* [Judgment of the Supreme Court, I CSK 499/12]. SAOS. <https://www.saos.org.pl/judgments/101719>
43. Supreme Economic Court of the Republic of Belarus. (2005, April 26). *Postanovleniye Plenuma Vysshego Khozyaystvennogo Suda Respubliki Belarus' No. 16* [Resolution of the Plenum of the Supreme Economic Court of the Republic of Belarus No. 16]. Etalonline.by. <https://etalonline.by/document/?regnum=x20500016>
44. Szwaja, J. (Ed.). (2006). *Ustawa o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji* [Polish commentary on combating unfair competition]. C.H. Beck Publishing House.

45. Szwaja, J., & Tischner, A. (2009). Odpowiedzialność cywilnoprawna za czyny nieuczciwej konkurencji [Civil liability for acts of unfair competition]. *Private Law Studies*, (3), 42–77. <https://czasopisma.beck.pl/pl/czasopisma/stpp/archiwum/2009/2/odpowiedzialnosc-cywilnoprawna-za-czyny-nieuczciwej-konkurencji>

46. Trybek, K., & Trybek-Pławska, A. (2018). Odpowiedzialność cywilnoprawna i karnoprawna z tytułu popełnienia czynu nieuczciwej konkurencji w postaci naruszenia tajemnicy przedsiębiorstwa [Civil and criminal liability for acts of unfair competition in the form of trade secret violation]. *Quarterly of the National School of Judiciary and Public Prosecution*, 1(29). https://www.kssip.gov.pl/sites/default/files/odpowiedzialnosc_cywilnoprawna_i_karnoprawna_z_tytulu_popelnienia_czynu_nieuczciwej_konkurencji_w_postaci_naruszenia_tajemnicy_przedsiębiorstwa.pdf

47. Ushakov, D. N. (Ed.), Vinogradov, V. V., Vinokur, G. O., Larin, B. A., Ozhegov, S. I. (2007). *Tolkovyy slovar' russkogo iazyka: okolo 30 000 slov* [Explanatory dictionary of the Russian language: about 30 000 words]. Astrel.

48. Wojcieszko-Głuszko, E. (2005). Tajemnica przedsiębiorstwa i jej cywilnoprawna ochrona na podstawie przepisów prawa o nieuczciwej konkurencji [Business secrets and their civil law protection under the provisions of unfair competition law]. *Works of the Institute of Intellectual Property Law of the Jagiellonian University*, (89), 9–138.

49. World Intellectual Property Organization. (1883, March 20). *Paris Convention for the Protection of Industrial Property*. <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/288514>

50. World Trade Organization (WTO). (1994, April 15). *Agreement on trade-related aspects of intellectual property rights* https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips.pdf

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./VPGD7885

UDC: 347.1(045)(575.1)

RAQAMLI BOZORDA IQTISODIY KONSENTRATSIYA TUSHUNCHASI VA UNI HUQUQIY ANIQLASH MUAMMOLARI

Eshonqulov Javoxir Fazliddinovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Kiber huquq kafedrası o'qituvchisi
ORCID: 0000-0002-9964-9031
e-mail: j.eshonqulov@tsul.uz

Annotatsiya. Ushbu maqolada raqamli bozorda iqtisodiy konsentratsiya tushunchasi va uning huquqiy jihatdan aniqlanishida yuzaga kelayotgan muammolar tahlil qilingan. Tadqiqot mavzusi fuqarolik va tadbirkorlik huquqi sohasi (raqobat huquqi)ga tegishli bo'lib, raqamli platformalar faoliyatida bozor konsentratsiyasini aniqlashning o'ziga xos jihatlariga e'tibor qaratilgan. Maqolada O'zbekiston Respublikasining raqobat to'g'risidagi milliy qonunchiligi (2023-yilgi yangi tahrirdagi qonun) hamda Yevropa Ittifoqi, AQSh, Singapur kabi xorijiy davlatlar tajribasi qiyosiy-huquqiy usulda o'rganilgan. Tadqiqot davomida normativ-huquqiy hujjatlar tahlili, statistik ma'lumotlar monitoringi va ilmiy-nazariy manbalar sharhi kabi usullar yordamida raqamli bozorda bozor chegaralarini aniqlash, ustun mavqeni belgilash, ma'lumotlar ustunligi hamda algoritmik nazorat kabi yangi omillarni hisobga olish zarurligi asoslab berilgan. Olingan natijalar asosida raqamli iqtisodiy muhitda xo'jalik yurituvchi subyektlarning ustun mavqeyini huquqiy aniqlash mezonlarini takomillashtirish, xorijiy tajribaga mos ravishda konsentratsiyani cheklash choralarini kuchaytirish bo'yicha takliflar ilgari surilgan. Xulosa o'rnida raqamli bozorlarda monopoliyaga qarshi siyosatni samarali yuritish uchun an'anaviy huquqiy tushunchalarni kengaytirish va yangilash lozimligi qayd etildi.

Kalit so'zlar: raqamli bozor, iqtisodiy konsentratsiya, raqobat huquqi, ustun mavqe, raqamli platformalar, ma'lumotlar ustunligi, algoritmik raqobat

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ НА ЦИФРОВОМ РЫНКЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЁ ПРАВОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Эшонкулов Жавохир Фазлиддинович,
преподаватель кафедры «Киберправо»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье анализируется понятие экономической концентрации на цифровом рынке, а также проблемы, возникающие при её правовом определении. Тематика исследования относится к сфере гражданского и предпринимательского права (конкурентного права) и ориентирована на выявление специфических особенностей установления рыночной концентрации в деятельности цифровых платформ. В работе в сравнительно-правовом аспекте изучены нормы национального законодательства Республики Узбекистан о

конкуренции (закон в новой редакции 2023 года), а также опыт Европейского союза, США, Сингапура и других зарубежных государств. В ходе исследования с использованием методов анализа нормативно-правовых актов, мониторинга статистических данных и обзора научно-теоретических источников обоснована необходимость учёта новых факторов при определении границ рынка в цифровой среде, установлении доминирующего положения хозяйствующих субъектов, включая такие элементы, как преимущество данных и алгоритмический контроль. На основе полученных результатов выдвинуты предложения по совершенствованию критериев правового определения доминирующего положения субъектов хозяйствования в цифровой экономической среде, а также по усилению мер по ограничению экономической концентрации с учётом зарубежного опыта. В заключение подчёркивается, что для эффективной реализации антимонопольной политики на цифровых рынках требуется расширение и обновление традиционных правовых понятий и подходов.

Ключевые слова: цифровой рынок, экономическая концентрация, конкурентное право, доминирующее положение, цифровые платформы, преимущество данных, алгоритмическая конкуренция

THE CONCEPT OF ECONOMIC CONCENTRATION IN THE DIGITAL MARKET AND THE CHALLENGES OF ITS LEGAL DEFINITION

Eshonkulov Javokhir Fazliddinovich,
Lecturer of the Department of Cyber Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. This article analyzes the concept of economic concentration in the digital market and the problems arising from its legal definition. The research topic relates to the field of civil and entrepreneurial law (competition law) and focuses on the specific aspects of determining market concentration in the activities of digital platforms. The article examines the national legislation of the Republic of Uzbekistan on competition (new edition of the law of 2023) and the experience of foreign countries such as the European Union, the USA, and Singapore using a comparative legal method. In the course of the study, the necessity of taking into account such new factors as determining market boundaries in the digital market, establishing a dominant position, data dominance, and algorithmic control using methods such as analysis of regulatory legal acts, monitoring of statistical data, and review of scientific and theoretical sources is substantiated. Based on the results obtained, proposals were put forward to improve the criteria for the legal definition of the dominant position of economic entities in the digital economic environment and to strengthen measures to limit concentration in accordance with foreign experience. In conclusion, it was noted that for the effective implementation of antitrust policy in digital markets, it is necessary to expand and update traditional legal concepts.

Keywords: digital market, economic concentration, competition law, dominant position, digital platforms, data advantage, algorithmic competition

Kirish

Raqamli iqtisodiyot jadal rivojlanishi natijasida ko'plab sohalarda bozor tuzilmasi va raqobat muhitida misli ko'rilmagan o'zgarishlar sodir bo'lmoqda. Raqamli platformalar – xususan, “Google”, “Amazon”, “Meta” (“Facebook”), “Apple”, “Microsoft” kabi global texnologik kompaniyalar – iqtisodiy muno-

sabatlarda ulkan ustun mavqega ega bo'lib bormoqda. Ular katta foydalanuvchi bazasi va ma'lumotlar jamg'armasiga tayangan holda bozorda raqobat ustidan bevosita nazorat o'rnatish imkoniyatiga ega bo'lib, an'anaviy raqobat tamoyillarini qayta ko'rib chiqishga majbur qilmoqda (Prüfer & Schottmüller, 2021). Mazkur raqamli gigantlar ko'pincha

o'z mahsulot va xizmatlarini tekin yoki juda arzon narxlarda taklif etadi, biroq L. Xon ta'kidlaganidek, ular raqobatchilarni faqat narx vositasidagina emas, balki tarmoq effekti va ulkan ma'lumotlar bazasi orqali bo'g'ib qo'yishga intiladilar (Prüfer & Schottmüller, 2021). Natijada raqamli bozorlar "g'olib hammasini oladi" tamoyili asosida bir yoki bir necha yirik platforma qo'l ostida yuqori darajada konsentratsiyalashib, yangi ishtirokchilar uchun kirish to'siqlari kuchaymoqda.

Iqtisodiy konsentratsiya tushunchasi raqobat huquqida odatda bozor qudratini jamlashga olib keluvchi xo'jalik operatsiyalarini – masalan, kompaniyalar qo'shilishi va yirik ulushlar sotib olinishi kabi bitimlarni anglatadi. O'zbekiston Respublikasining yangi tahrirdagi "Raqobat to'g'risida"gi Qonunida (2023-yil 3-iyul) iqtisodiy konsentratsiya "xo'jalik yurituvchi subyekt yoki shaxslar guruhining ustunligiga olib keladigan va tovar yoki moliya bozoridagi raqobat holatiga ta'sir ko'rsatadigan bitimlar va/yoki boshqa harakatlar" sifatida tariflangan. Ushbu ta'rif asosan yirik birlashmalar (mergerlar) va qo'shib olish (*acquisition*) bitimlarini huquqiy nazorat qilishga qaratilgan bo'lsa-da, raqamli bozorlarda iqtisodiy konsentratsiya nafaqat an'anaviy M&A bitimlarida, balki kompaniyalarning bozor qudratini keskin oshiruvchi har qanday mexanizmlarda namoyon bo'lmoqda. Xususan, raqamli platformalarning ekotizimi doirasida o'zaro integratsiyalashuvi, raqobatchi startaplarning yirik texnologik kompaniyalar tomonidan sotib olinishi (ko'pincha "*killer acquisition*" yoki "*tech-over*" deb ataladi) kabi holatlar raqamli bozor konsentratsiyasini oshirib, yangi raqobatchilar chiqishini cheklaydi (Furman et al., 2019). Masalan, "Facebook" kompaniyasi "Instagram" va "WhatsApp"ni sotib olishi, "Google" kompaniyasining "YouTube" hamda "DoubleClick"ni qo'shib olishi raqamli segmentlarda monopoliyalashtirishga olib kelgani ilmiy adabiyotlarda keng tahlil qilingan (US House of Representatives Majority Staff, 2020).

Raqamli bozorlardagi bunday tendensiyalar nafaqat milliy miqyosda, balki xalqaro darajada ham jiddiy tashvish uyg'otib, tartibga soluvchi organlar uchun "yangi avlod" muammosiga aylangani ta'kidlanadi (Kanter, 2023). Xususan, 2019-yilda Buyuk Britaniyada tuzilgan raqamli raqobat bo'yicha ekspertlar guruhi (Furman boshchiligidagi) va AQShda Chikago universiteti qoshidagi Stigler markazi tomonidan tayyorlangan hisobotlarda raqamli platformalarning bozordagi ustun mavqeyi va raqobatga salbiy ta'siri batafsil yoritilib, huquqiy chora-tadbirlar taklif etilgan (Furman et al., 2019; Stigler Committee on Digital Platforms, 2019). Yevropa Ittifoqida esa raqobat siyosatini raqamli davrga moslashtirish bo'yicha maxsus maslahatchilar hisoboti e'lon qilinib, unda raqamli bozorlar uchun an'anaviy yondashuvlarni kengaytirish zarurligi qayd etilgan (Crémer et al., 2019). Bularning barchasi mavzuning dolzarbligini tasdiqlaydi – raqamli iqtisodiyot sharoitida bozor konsentratsiyasini samarali nazorat qilish va raqobat muhitini saqlash bugungi kunning muhim ilmiy va amaliy vazifasidir.

Maqolaning asosiy maqsadi – raqamli bozordagi iqtisodiy konsentratsiya tushunchasini huquqiy nuqtayi nazardan oydinlashtirish va uni aniqlashda duch kelinayotgan muammolarni aniqlash, ularni bartaraf etish yuzasidan takliflar ishlab chiqishdir. Ushbu doirada quyidagi ilmiy masalalar yoritiladi: 1) raqamli bozorda bozor chegaralari va mahsulot bozori tushunchasini aniqlashning o'ziga xosligi; 2) raqamli muhitda ustun mavqeni (*dominant position*) belgilovchi omillar va ko'rsatkichlar (foydalanuvchilar soni, ma'lumotlar bazasi ulushi, tarmoq effektlari va b.)ni tahlil qilish; 3) yirik texnologik kompaniyalarning raqobatchilarni sotib olish amaliyotini (texnologik birlashmalarni) huquqiy baholash muammolari; 4) ma'lumotlar ustunligi va algoritmik boshqaruvning raqobatga ta'sirini hisobga olish zarurati; 5) xalqaro tajribada (Yevropa Ittifoqi, AQSh, Singapur va boshqalar misolida) raqamli bo-

zor konsentratsiyasini cheklashga qaratilgan yangi yondashuvlar (masalan, raqamli bozorlar to'g'risidagi maxsus qonunlar, ex-ante tartibga solish) va ularning samaradorligi. Mazkur masalalarni o'rganish O'zbekiston qonunchiligida raqamli bozorlar monopolizatsiyasining oldini olish borasida qanday o'zgarish va aniqlik kiritishlar zarurligini asoslash imkonini beradi.

Raqamli bozorlar va raqobat siyosati kesishmasida so'nggi yillarda boy ilmiy adabiyot shakllandi. Xususan, raqamli platformalarning raqobatga ta'siri haqida ilk fundamental qarashlar C. Shapiro va H. Varian (1999) tomonidan bildirilgan bo'lib, ular ma'lumotlarni yangi iqtisodiy qudrat manbayi sifatida e'tirof etdilar. Yevropa Ittifoqi Maslahatchilar guruhi (*J. Cremer, Y.A. de Montjoye va H. Schweitzer*) raqamli platformalar bo'yicha 2019-yilda tayyorlagan hisobotida "Google" va "Facebook" kabi kompaniyalarning foydalanuvchi ma'lumotlari ustidan eksklyuziv nazorati raqobatni cheklab, iste'molchilar tanlovini qisqartirishi qayd etilgan. Ushbu mualliflar raqamli bozor konsentratsiyasini baholashda an'anaviy *Herfindahl-Hirschman* indeksi (HHI) bilan bir qatorda, platformalardagi ma'lumotlar oqimi (*data flow*) hajmi va algoritmlardagi ustunlik darajasini ham inobatga olishni taklif qilganlar.

AQSh tadqiqotchisi *Lina M. Khan* (2017) o'zining "Amazon'ning antimonopol paradoksi" nomli mashhur tadqiqotida raqamli gigantlar bozordagi qudratini an'anaviy qiymat-ko'rsatkichlar yordamida emas, balki tarmoq effektlari va ulkan ma'lumotlar bazasi orqali mustahkamlab borishini asoslab berdi. *Khanning* fikricha, raqobatni baholashning an'anaviy mezonlari – masalan, bozor ulushi yoki narx dinamikasi – raqamli bozorlardagi monopolizatsiyalashuv xavfini to'laqonli aks ettira olmaydi. Shu bois u raqobat huquqida yangi yondashuv va mezonlarni joriy etishni taklif qilgan (masalan, platformaning ekotizim doirasidagi qudratini, ma'lumotlarga egalik darajasini hisobga olish kabi).

Shuningdek, Yevropa olimlari *J. Prüfer* va *C. Schottmüller* (2021) "Big Data bilan raqobatlashish" nomli tadqiqotida raqamli platformalarda ma'lumotlar konsentratsiyasining innovatsiyaga ta'sirini o'rgandilar. Ularning tadqiqot natijalariga ko'ra, katta hajmdagi foydalanuvchi ma'lumotlariga ega kompaniyalar yangi texnologiyalarni joriy etishda raqobatchilaridan ustunlikka ega bo'lib, bu ma'lumotlarga egalik darajasi yuqoriligi sababli raqobatchilarning innovatsion rivojlanish imkoniyatlarini cheklaydi. Mualliflar ma'lumotlar asimmetriyasini pasaytirish uchun ma'lumotlar almashinuvi va ochiq API siyosatini yo'lga qo'yish raqobat muhitini sog'lomlashtirishi mumkin, degan xulosaga keladilar.

Platformalar faoliyatining iste'molchilarga ta'sirini o'rgangan iqtisodchi olimlar *P. Bellef-lamme* va *M. Peitz* (2021) raqamli reklama va shaxsiylashtirilgan marketingning iste'molchi farovonligiga ta'sirini tahlil qilgan. Ularning tadqiqotlari shuni ko'rsatadiki, raqamli platformalardagi reklamalar samaradorligi va foydalanuvchi manfaatlari o'rtasidagi muvozanat bozordagi raqobat darajasiga hamda foydalanuvchi ma'lumotlarini himoya qilish choralari naqadar to'liq ekaniga bog'liq. Demak, platforma monopolizatsiyalashgan bo'lsa, reklamadan olinadigan naf kamayib, iste'molchilarga zarar yetishi mumkin, shu bois raqobat muhiti muhim o'rin tutadi.

Xorijiy adabiyotlar tahlili raqamli bozorlarda raqobat muammolarini bartaraf etish uchun yangi huquqiy yechimlar taklif qilinyotganini ham ko'rsatadi. Jumladan, *M. Ezra-chi* va *M. Stucke* (2017) algoritmlarning bozor raqobatiga ta'siriga doir ishlarida sun'iy intellekt asosidagi narx belgilash algoritmlari o'zaro kelishmasdan ham bozorni bo'lib olish (*tacit collusion*) xatarini tug'dirishi haqida ogohlantiradi. Ular bunday "algoritmik kolliziya" holatlarini *antimonopol* huquqda aniqlash va oldini olish uchun an'anaviy yondashuvlarni qayta ko'rib chiqish lozimligini ta'kidlashadi. Xususan, raqobat organlari fa-

qat kompaniyalararo til biriktiruvni isbotlash bilangina cheklanmay, bozorda parallel xulq-atvorga olib keluvchi algoritimlar mavjudligini ham inobatga olishlari zarur, degan ilmiy fikr bildirilgan.

Yuqoridagi nazariy manbalardan ko'rinib turibdiki, raqamli iqtisodiyot sharoitida bozordagi konsentratsiyani va ustun mavqeni baholashda faqat an'anaviy ko'rsatkichlar (bozor ulushi, narx dinamikasi, HHI va boshqalar) bilan cheklanib qolmaslik kerak. Aksincha, platformalarning ma'lumotlar ustunligi, tarmoq effektlari, ko'p tomonlama bozor xususiyati, algoritmlarning shaffofligi va foydalanuvchilarning o'zaro almashish imkoniyati (*multi-homing*) kabi omillarini kompleks tarzda tahlil qilish zarur. Ana shundagina raqamli bozorlardagi haqiqiy raqobat salohiyatini baholash va mos ravishda samarali huquqiy choralarni ishlab chiqish imkoni paydo bo'ladi.

Tadqiqot materiali sifatida O'zbekiston Respublikasining raqobatga oid amaldagi qonunchiligi va huquqni qo'llash amaliyoti, shu jumladan, 2023-yil 3-iyulda qabul qilingan yangi tahrirdagi "Raqobat to'g'risida"gi Qonuni, ushbu qonunga muvofiq Vazirlar Mahkamasi tomonidan tasdiqlangan tegishli nizom va qoida hujjatlari, Raqobat qo'mitasining rasmiy axborotlari hamda sud amaliyoti materiallari o'rganildi. Xususan, raqamli platforma operatorlarini ustun mavqega ega deb tan olish mezonlari (2024-yil 1-mayda tasdiqlangan 256-sonli nizom) va bunday subyektlarning raqobatni cheklovchi xatti-harakatlarini aniqlash tartibi kabi me'yoriy hujjatlar tahlil qilindi.

Shuningdek, xorijiy materiallardan AQSh, Yevropa Ittifoqi, Rossiya Federatsiyasi, Germaniya, Buyuk Britaniya, Singapur va boshqa mamlakatlarning raqobat to'g'risidagi qonun hujjatlari va so'nggi yillarda kiritilgan o'zgartishlar (masalan, Yevropa Ittifoqining Raqamli bozorlar akti – DMA, 2022-y., Germaniyaning 2021-yilgi GWB 10-tuzatishi, Buyuk Britaniyaning 2023-yilgi "Raqamli bozorlar,

raqobat va iste'molchilar to'g'risida"gi qonuni, Rossiyaning 2023-yilgi 5-antimonopoliya paketi va b.), shu jumladan, ushbu normativ hujjatlarga doir rasmiy sharhlar va izohlar tadqiqot obyekti sifatida tanlandi. Xususan, Yevropa Komissiyasining raqamli bozorlar bo'yicha maxsus reglamenti (DMA) hamda raqobat organlari (masalan, Germaniya Federativ Kartel idorasi, Singapur Raqobat va iste'molchilar komissiyasi) tomonidan e'lon qilingan qo'llanmalar hamda hisobotlar ko'rib chiqildi. Bundan tashqari, yuqorida tilga olingan ilmiy adabiyotlar – AQSh va Yevropadagi nufuzli ilmiy jurnallardagi maqolalar, xalqaro tashkilotlar (Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti – OECD, Xalqaro raqobat tarmog'i – ICN va boshqalar) materiallari – tadqiqotning nazariy bazasini tashkil etdi.

Metodlar

Ushbu ishda asosan quyidagi ilmiy uslublar qo'llandi: qiyosiy-huquqiy tahlil metodi (milliy va xorijiy qonunchilik me'yorlarini taqqoslash orqali o'xshash va farqli jihatlarni aniqlash hamda ilg'or tajribalarni aniqlash uchun), normativ tahlil (amaldagi qonun normalarining mazmun-mohiyatini ochib berish, ularni tadbqiq etishdagi muammolarni aniqlash), tizimli tahlil (iqtisodiy konsentratsiya va ustun mavqe tushunchalarini boshqa bog'liq huquqiy kategoriyalar bilan uzviy aloqadorlikda ko'rib chiqish), statistik va empirik usul (raqobat organlari faoliyati to'g'risidagi ayrim statistik ma'lumotlar va misollarni tahlil qilish), mantiqiy-huquqiy usul (dalillarning ichki mantiqiy bog'liqligini tekshirish, huquqiy xulosalarni shakllantirish) hamda ilmiy nazariy umumlashtirish (xorijiy olimlar va mutaxassislarining qarashlarini umumlashtirib, xulosalar chiqarish).

Tadqiqotda dastlab xorijiy va milliy nazariy manbalar bazasi shakllantirilib, unda raqamli bozorlarning xususiyatlari bo'yicha ilgari o'tkazilgan tadqiqotlar tahlil qilindi. O'zbekiston qonunchiligi va xorijiy mamlakatlar qonunchiligiga kiritilgan yangi normalar qiyoslanib, iqtisodiy konsentratsiya holat-

larini aniqlash mezonlaridagi farqlar ajratib ko'rsatildi. Ushbu qiyosiy tahlil jarayonida Yevropa va AQShdagi dolzarb sud ishlarining (masalan, "Google"ga qarshi antimonopol ishlar, "Meta"/"Facebook"ning startaplarni sotib olishi bo'yicha tergovlar va boshqalar) natijalari va huquqiy argumentlari ham ko'rib chiqildi. Nihoyat olingan barcha ma'lumotlar asosida muallif tomonidan raqamli bozorda ustun mavqeni huquqiy aniqlashning samarali modeli yuzasidan ilmiy asoslangan taklif va tavsiyalar ishlab chiqildi.

Natijalar

Raqamli bozorda bozor chegaralari va ustun mavqe

Raqamli bozor tushunchasi. An'anaviy raqobat huquqida tegishli bozor (*relevant bozor*) mahsulot va geografik chegaralariga ko'ra aniqlanadi. Bunda bir-birini funksional jihatdan almashtira oluvchi mahsulot yoki xizmatlar bir bozor doirasiga kiritilib, iste'molchilarning bir tovardan ikkinchisiga o'tish qobiliyati (*demand substitutability*) hal qiluvchi ahamiyat kasb etadi. Biroq raqamli iqtisodiyotda ko'plab xizmatlar bepul asosda taqdim etilishi yoki ko'p tomonlama platformalar tomonidan turli foydalanuvchilar guruhlariga taklif etilishi sababli bozor chegaralarini belgilash murakkablashdi (Crémer et al., 2019). Misol uchun, "Google" qidiruv xizmati foydalanuvchilar uchun tekin, lekin u orqali ko'rsatiladigan onlayn reklamalar "Google"ga daromad keltiradi; shu bois raqobat nuqtayi nazaridan "Google" ikkita bog'liq bozor – onlayn qidiruv va onlayn reklama doirasida faoliyat yuritadi. Xuddi shunday, "Facebook" ijtimoiy tarmog'i bepul xizmat bo'lsa-da, uning diqqat (*attention*) va ma'lumotlar uchun kurashadigan bozori mavjud bo'lib, foydalanuvchi soni va ulardagi ma'lumotlar hajmi uning bozordagi qudratini belgilaydi (Prüfer & Schottmüller, 2021). Shunday ekan, raqamli platformalarning tegishli bozorlarini aniqlashda ko'p tomonlama bozor konsepsiyasini qabul qilish va har bir tomon (foydalanuvchi segmenti) bo'yicha

alohida tahlil o'tkazish talab etiladi. Yevropa Ittifoqida 2019-yilda chiqarilgan maxsus hisobotda ham raqamli ekotizimlarda odatdagi bozor ta'rifini qo'llash qiyinligi, chunki ularning turli funksiyalarini birgalikda inobatga olish lozimligi ta'kidlangan (Crémer et al., 2019).

Tarmoq effektlari va bozor konsentratsiyasi. Raqamli platformalar ko'pincha kuchli tarmoq ta'siriga ega bo'ladi, ya'ni foydalanuvchilar sonining ortishi xizmatning qadrini oshiradi. Masalan, qancha ko'p sotuvchi va xaridor savdo platformasida (*marketplace*) ishtirok etsa, platforma shuncha jozibali bo'ladi – bu ijobiy tarmoq effekti bo'lib, bozorning yirik platformalar foydasiga "og'ib ketishiga" olib keladi. Natijada raqobatchi kichik platformalar foydalanuvchilarni jalb etishda qiyinchilikka duch keladi va bozorning katta qismi bitta yirik platformada konsentratsiyalashadi. Misol uchun, "onlayn qidiruv" segmentida "Google" qidiruv tizimi dunyoning aksar qismlarida 90 foizdan ko'proq ulush bilan de-fakto monopolistga aylangan, chunki foydalanuvchilar oqimi va qidiruv ma'lumotlarining yig'ilishi natijasida "Google"ning qidiruv algoritmlari raqibnikidan ancha mukammal va samarali ko'rinishga ega (o'z-o'zini mustahkamlovchi sikl). Monopoliyaga qarshi organlar buni "o'rganish effekti" deb atab, qidiruv tizimi qanchalik ko'p ma'lumot yig'sa, natijalar sifati oshib, yanada ko'proq foydalanuvchini jalb qilishini va shu tariqa konsentratsiya yanada kuchayishini qayd etganlar. Tarmoq effektlari nafaqat foydalanuvchilar soni, balki ekotizim kengayishi orqali ham namoyon bo'ladi: masalan, "Apple" o'zining *iOS* platformasi, "*App Store*" do'koni, musiqiy servislari va boshqa xizmatlarni integratsiyalash orqali foydalanuvchilarni ekotizim ichida "qamaydi" (*lock-in*), bu esa raqobatchilar uchun foydalanuvchilarni o'ziga jalb qilishni qiyinlashtiradi.

Ma'lumotlar ustunligi va bozor kuchi. Raqamli platformalar faoliyatining muhim omillaridan yana biri – foydalanuvchilar haqidagi

katta ma'lumotlar bazasiga egalik qilishdir. Ma'lumotlar yangi "neft" sifatida baholanib, raqobat ustunligi manbayi deb e'tirof etilmoqda. Katta ma'lumotlar to'plami platformalarga foydalanuvchilarning xulq-atvorini tahlil qilish, ehtiyojlarini bashorat qilish va shunga mos ravishda xizmatni takomillashtirish (yoki raqobatchilar taklifini bo'g'ish) imkonini beradi. Misol uchun, "Amazon" onlayn savdo platformasi sotuvchilarning va xaridorlarning ulkan tranzaksiya ma'lumotlariga ega bo'lib, ushbu ma'lumotlar asosida o'zining *private label* (o'z nishonli mahsulotlari)ni ishlab chiqarib, bozorga chiqaradi – bu esa mustaqil sotuvchilar raqobatiga salbiy ta'sir ko'rsatishi mumkinligi AQShda keng muhokama qilindi. Ma'lumotlarga egalik borasida konsentratsiya shunchalik yuqoriki, masalan, "Google" va "Facebook" jahon bo'yicha onlayn reklama bozorida asosiy "ma'lumot monopollari" sifatida millionlab foydalanuvchilarning shaxsiy preferensiyalari to'g'risidagi ma'lumotlarni to'plab, reklama yo'naltirishda ulkan ustunlikka ega. Bu holat yangi raqobatchilar uchun juda jiddiy to'siq bo'lib, hatto innovatsion g'oya va mahsulotga ega kompaniya ham yetarli foydalanuvchi ma'lumotlar bazasiz o'z pozitsiyasini mustahkamlashi amri mahol. Shu bois ba'zi tadqiqotchilar ma'lumotlarning raqobatda o'ta muhim "asosiy vosita" (*essential facility*)ga aylanganini ta'kidlab, yirik platformalarni ma'lumotlarni ma'lum shartlarda raqobatchilarga ham ulashishga majbur qilish g'oyasini ilgari surganlar. Masalan, Yevropa Ittifoqining Raqamli bozorlar aktida ayrim *gatekeeper* (nazorat qiluvchi) platformalarga o'z servislaridagi ma'lumotlarni biznes foydalanuvchilar bilan bo'lishish talabi qo'yilgan (DMA, 6-moddasi). Shu bilan birga, ma'lumotlarning shaxsiylik (*privacy*) jihati ham muhim ahamiyat kasb etadi – platformalararo ma'lumot uzatishni talab qilish bir tarafdin raqobatga ko'maklashsa-da, ikkinchi tomondan foydalanuvchilarning shaxsiy ma'lumotlari daxlsizligiga tahdid solmasligi uchun muvozanatli yondashuv zarur.

Algoritmlar va bozordagi nazorat. Raqamli platformalar o'z faoliyatida murakkab algoritmlar va sun'iy intellekt texnologiyalaridan keng foydalanadi. Algoritmlar foydalanuvchilarga ko'rsatiladigan kontentni tartiblash, qidiruv natijalarini joylashtirish, narxlarni real vaqt rejimida belgilash kabi funksiyalarni bajaradi. Bunda dominant platforma o'z algoritmlari orqali bozor "qoidalari"ni belgilovchi hakam vazifasini ham o'tashi mumkin. Misol uchun, "Google" qidiruv tizimida mahsulotlarni izlaganda o'zining *shopping-servisini* raqobatchilar (masalan, "Kelkoo" yoki boshqa qidiruv servislari) takliflaridan yuqoriroqda chiqarishi aniqlanib, bu holat Yevropa Komissiyasi tomonidan raqobatning suiiste'moli deb topildi ("Google Shopping" ishi, 2017). Xuddi shunday, "Amazon marketplace"da "Buy Box" algoritmi orqali ayrim sotuvchilarning tovarlarini ilgariroq ko'rsatib, boshqalarini chetlashtirishi mumkin – agar "Amazon"ning o'zi savdoda qatnashsa, uning mahsulotlari birinchi o'ringa chiqish ehtimoli yuqori. Bunday o'z mahsulotiga imtiyoz berish (*self-preferencing*) holatlari bozor kuchidan foydalanib raqobatga zarar yetkazish deb baholanmoqda. Raqamli algoritmlarning yana bir jihati – algoritmik moslashuv natijasida bozorda narxlar yoki xizmatlar sifati bo'yicha raqobat susayishi mumkin. Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, agar bozorning yirik o'yinchilari narx belgilash algoritmlaridan foydalansa, ular bevosita kelishuvsiz ham bir-birining xatti-harakatiga tez moslashib, narxlarni raqobatbardosh darajadan yuqorida ushlab turishi mumkin. Masalan, AQShda bir necha onlayn savdo platformalarida algoritmik narx sozlash bo'yicha sud ishlari ko'rilgan bo'lib, bunda algoritmlar raqobatchining narxini kuzatib, avtomatik ravishda biroz past narx qo'yish orqali narx urushini chetlab o'tishiga xizmat qilgani aniqlangan. Bu kabi vaziyatlar an'anaviy qonunchilikda nazarda tutilmagan bo'lib, ularni monopoliyaga qarshi normalar bilan qamrab olish qiyin (chunki ochiq til biriktirish yo'q). Shu bois OECD kabi xalqaro

tashkilotlar hozirdanoq algoritmik raqobat masalasini kun tartibiga qo'yib, raqobat organlari uchun maxsus qo'llanmalar tayyorlamoda.

Ushbu omillar raqamli bozorlarda iqtisodiy konsentratsiyaning yuqori darajada shakllanishiga olib kelmoqda. Tadqiqot doirasida olingan natijalarga ko'ra, raqamli platformalar faoliyatida uch asosiy "konsentratsiya drayveri" mavjud:

1) kuchli tarmoq effektlari (foydalanuvchi soni ortishi bilan bozorda to'planish);

2) foydalanuvchi ma'lumotlarining to'planishi va unga egalik (ma'lumotlar konsentratsiyasi);

3) algoritmik ustunlik va ekotizim integratsiyasi (bir platformaning turli bozorlarni qamrab olib, ularning o'zaro bog'liqligi orqali raqobatga ta'sir o'tkazishi). Ushbu drayverlar birgalikda bozorning bir yoki bir necha yirik kompaniyada qo'llanishiga olib keladi. Quyida raqamli bozorlardagi konsentratsiya holatlarini yorituvchi ayrim misollar va tendensiyalar ko'rib chiqiladi.

Platformalarning kengayishi va "killer" birlashmalar

Yirik platformalar ekotizimining kengayishi. Raqamli bozor konsentratsiyasini kuchaytiruvchi omillardan biri yirik texnologik kompaniyalarning o'z faoliyat doirasini vertikal va gorizontal yo'nalishlarda kengaytirishidir. "Ekotizim" atamasi bilan ifodalanadigan ushbu hodisada dominant platforma asosiy bozoriga qo'shimcha tarzda boshqa bog'liq bozorlarni ham qamrab oladi. Masalan, "Apple" dastlab faqat kompyuterlar ishlab chiqaruvchi kompaniya bo'lgan, keyinchalik smartfonlar (*iPhone*), ilovalar do'koni (*App Store*), musiqa va *videostriking* (*videooqimli uzatish*) xizmatlari (*Apple Music*, *Apple TV*), to'lov tizimi (*Apple Pay*) kabi sohalarga kengaydi. Natijada "Apple" o'z ekotizimi ichida foydalanuvchilar uchun "barchasi bir joyda" (*one-stop-shop*) imkoniyat yaratib, raqobatchilarni ekotizimga kira olmaslik muammosiga duchor qildi. "Google" kompaniya-

si ham xuddi shunday strategiya bilan qidiruv tizimi yoniga "Android" operatsion tizimi, "Chrome" brauzeri, xaritalar (*Maps*), elektron pochta (*Gmail*), "YouTube" va boshqa ko'plab servislarni qo'shib, ulkan raqamli imperiyani barpo etdi. Bu kengayish tufayli "Google" bir nechta bozorlarda ustun mavqeni egalladi va ayrim holatlarda o'z mahsulotlariga imtiyoz berish orqali raqobatga putur yetkazgani uchun Yevropada jarimaga tortildi (masalan, "Google Android" ishi – mobil qurilmalarga "Google" servislari o'rnatilishini talab qilish orqali mobil ilovalar bozoridagi raqobatni cheklashda aybdor deb topildi, 2018-y.). Platformalarning bunday ko'lamdagi kengayishi iqtisodiy konsentratsiyani oshiradi, chunki bir kompaniya bir vaqtning o'zida bir nechta bozor segmentlarida ustunlikka ega bo'lib, o'zaro bog'liq bo'lmagan raqobatchilar guruhini qisqartiradi.

"Killer acquisition" fenomeni. Raqamli sohadagi monopoliyalashuvga katta hissa qo'shuvchi jarayon – yirik texnologik firmalarning istiqbolli startap va raqobatchilarni erta bosqichda sotib olishi, natijada potensial raqobatni "bo'g'ib qo'yishi"dir. Bunday strategik birlashmalarni aksariyat tadqiqotchilar "*killer acquisition*" deb ataydi (US House of Representatives Majority Staff, 2020). So'nggi o'n yillikda "Big Tech" deb nom olgan eng yirik beshlik ("Google", "Amazon", "Facebook" ("Meta"), "Apple", "Microsoft") tomonidan yuzlab startaplar va raqib kompaniyalar sotib olingani qayd etiladi (US House of Representatives Majority Staff, 2020). Masalan, "Facebook" 2012-yilda atigi 13 nafar xodimga ega bo'lgan "Instagram" fotoservisni 1 mlrd AQSh dollariga sotib oldi, 2014-yilda esa "WhatsApp" messenjerini 19 mlrd dollarga qo'shib oldi – ushbu ikki servis o'sha vaqtda "Facebook"ka bevosita katta tahdid tug'dirmayotgan, ammo kelajakda raqobatchiga aylanish salohiyatiga ega edi. Ularning sotib olinishi natijasida "Facebook" o'zining ijtimoiy tarmoqdagi monopol mavqeyini mustahkamladi va foydalanuvchilar

orasidagi raqamli aloqa bozorini deyarli to'liq egalladi. Xuddi shunday, "Google" kompaniyasi 2006-yilda "YouTube" videoplatformasini sotib olib, internet-video bozorida hukmronlik qila boshladi; 2007-yilda esa onlayn reklama texnologiyalari kompaniyasi "DoubleClick"ni qo'shib olib, raqamli reklama bozorida ustun mavqega ega bo'ldi. Bu misollar shuni ko'rsatadiki, raqobat organlari dastlab ushbu bitimlarga e'tiroz bildirmagan (chunki sotib olinayotgan kompaniyalar kichik bozor ulushiga ega edi), ammo uzoq muddatda ular raqobatga sezilarli ta'sir ko'rsatgan. Natijada so'nggi yillarda Yevropa va AQShda bunday bitimlarni nazorat qilish rejimini kuchaytirish haqida jiddiy bahslar ketmoqda (US House of Representatives Majority Staff, 2020). Jumladan, Germaniya va Avstriya 2017-yilda o'z qonunchiligiga bitim qiymati bo'yicha chegaraviy mezon (*transaction value threshold*) joriy etib, yirik summadagi (masalan, Germaniyada 400 mln yevrodan ortiq) har qanday bitimni raqobat organiga xabar qilish tartibini kiritdi – maqsad raqobatga ta'sir qilishi mumkin bo'lgan, lekin aylanmasi kichik kompaniyalarni sotib olishlarni ham nazardan qochirmaslikdir. Yevropa Komissiyasi esa 2021-yilda "Article 22 guidance" nomli ko'rsatmasini taqdim etib, a'zo davlatlarga agar biror kichik startapni sotib olish bitimi raqobatga xavf tug'dirsa, hatto u milliy chegaralardan oshmasa ham, Komissiyaga murojaat qilib, ko'rib chiqishni so'rashga chaqirdi (bundan maqsad "WhatsApp" singari e'tibordan chetda qolgan bitimlar takrorlanishining oldini olish edi).

Dominant platformalarning ichki integratsiyasi. Birlashmalar nafaqat alohida huquqiy shaxslarning qo'shilishida, balki yirik korporatsiya ichida turli xizmatlarning o'zaro integratsiyalashuvi orqali ham ro'y beradi. Misol uchun, "Microsoft" korporatsiyasi 2000-yillar boshida o'zining "Internet Explorer" brauzerini "Windows" operatsion tizimiga majburiy integratsiya qilib, shu yo'l

bilan alohida brauzer bozorini egallashga erishgan (bu holat 2001-yilda AQSh sudida antimonopoliya buzilishi deb topilgan). Hozirgi kunda integratsiya misoli sifatida "Amazon"ni keltirish mumkin: "Amazon marketplace" platformasi o'zining "Prime" dasturi orqali video, musiqa va tezkor yetkazib berish xizmatlarini bir paketda taklif etadi. Bu esa foydalanuvchilarni ekotizimda ushlab qolib, raqib platformalarga o'tishiga to'sqinlik qiladi. Bundan tashqari, "Amazon marketplace"da faoliyat yurituvchi mustaqil sotuvchilar "Amazon"ning o'z logistika va to'lov tizimidan foydalanishga qattiq bog'liq bo'lib, buni ayrim ekspertlar "ustun muzokara kuchi" (*superior bargaining power*) deb atashmoqda – ya'ni platforma o'z hamkorlariga shartlar dikta qila oladi, ularning biznesini to'xtatib qo'yish darajasida kuchga ega bo'ladi (International Competition Network, 2017). Bu ham bir turdagi konsentratsiya ko'rinishi bo'lib, bozorda xaridor bilan ishlab chiqaruvchi o'rtasiga kirgan vositachi platformalar tobora kuchaymoqda. Shu bois O'zbekiston qonunchiligida ham 2023-yilda "ustun muzokara kuchiga ega subyekt" tushunchasi kiritilib, bunday subyektlar ro'yxati yuritila boshladi.

Yuqoridagi natijalar shuni ko'rsatadiki, raqamli platformalar bozor konsentratsiyasini oshirish uchun turli vositalar: raqobat-chilarni sotib olish, ekotizimni kengaytirish, foydalanuvchilarni "qamaydigan" servislar yaratish kabilardan foydalanadi. Bu jarayonlarni huquqiy jihatdan nazorat qilish va baholash hozircha murakkab bo'lsa-da, ba'zi mamlakatlarda allaqachon yangi yondashuvlar sinovdan o'tkazilmoqda (bu haqda quyida xalqaro tajriba tahlilida batafsil to'xtalamiz).

Xalqaro tajriba: raqamli bozorlarda monopoliyaga qarshi kurashish siyosatining yangi yondashuvlari

Yevropa Ittifoqi. Yevropada raqamli bozorlar konsentratsiyasiga qarshi kurashish ikkita: an'anaviy monopoliyaga qarshi tergovlar va yangi *ex-ante* regulativ choralar

yo'nalishida olib borilmoqda. Birinchidan, Yevropa Komissiyasi so'nggi o'n yillikda "Google", "Apple", "Meta", "Amazon" kabi kompaniyalarga nisbatan bir necha antimonopoliya ishi qo'zg'ab, ularga nisbatan raqobatni cheklash ayblovlarini qo'lladi. Masalan, "Google" kompaniyasi qidiruv natijalarida o'z xizmatlarini imtiyozli joylashtirish (*self-preferencing*) va "Android" tizimida raqib ilovalarini cheklash uchun 2017–2018-yillarda jami 8 milliard yevrodan ortiq jarimalarga tortildi. Shuningdek, "Amazon"ning platformadagi sotuvchilar ma'lumotlaridan foydalanib o'z mahsulotlariga raqobat ustunligini yaratish xatti-harakati uchun tergov boshlandi (keyinchalik "Amazon" ba'zi o'zgarishlarga rozilik berdi). Biroq monopoliyaga qarshi ishlar odatda murakkab va yillab davom etishi, bozor esa shu muddat ichida o'zgarib ketishi mumkin. Shu bois Yevropa Ittifoqi 2020–2022-yillarda yangi Raqamli bozorlar akti (*Digital Markets Act, DMA*)ni qabul qildi. DMA raqamli platformalar uchun oldindan majburiy qoidalarini belgilovchi reglament bo'lib, unda "*gatekeeper*" deb nomlangan yirik platformalarga (foydalanuvchilar soni va daromadiga ko'ra belgilangan mezonlar asosida) bir qator majburiyat va cheklovlar yuklanadi. Jumladan, *gatekeeper* platformalar: o'z xizmatlari orasida ma'lumotlarni hech bir foydalanuvchining rozilgisiz birlashtira olmaydi, o'z platformasidagi mustaqil biznes foydalanuvchilarning ma'lumotlarini o'z mahsuloti bilan raqobatda suiiste'mol qila olmaydi, o'ziga tegishli ilova-do'konlarda uchinchi tomon ilovalariga nisbatan noxolis shartlar qo'ya olmaydi, foydalanuvchilarga oldindan (standart tarzda) o'rnatilgan ilovalarni o'chirish huquqini berishi kerak va hokazo talablarga rioya etishi lozim. Ushbu akt raqamli bozorlarda konsentratsiya va bozor kuchini cheklashga qaratilgan yangi profilaktik choradir. 2023-yil sentabr holatiga ko'ra Yevropa Komissiyasi 6 ta yirik kompaniyani ("Alphabet", "Amazon", "Apple", "ByteDance", "Meta", "Microsoft") *gatekeeper* deb e'lon

qildi va ularga DMA majburiyatlarini bajarish talabi qo'yildi. Bu, o'z navbatida, platformalarning raqobatni cheklashga oid ayrim xatti-harakatlarini (masalan, "Apple"ning yopiq to'lov tizimi, "Meta"ning turli servis ma'lumotlarini birlashtirish amaliyoti) cheklab, bozorni raqobatbardoshroq holga keltirish maqsadini ko'zlaydi.

Yana bir muhim jihat – Yevropada 2020-yilda Yangi raqobat vositasini (*New Competition Tool*) joriy etish muhokama qilingan edi. Bu vosita raqobat organlariga bozorda hukmronlik holatini keltirib chiqaruvchi struktura yoki xatti-harakat mavjud bo'lganda, hatto an'anaviy qonun buzilish belgisi bo'lmasa ham, chora ko'rish vakolatini berishni nazarda tutardi. Mazkur g'oya natijasida aslida DMA yaratilgan bo'lsa-da, ba'zi a'zo davlatlar milliy darajada yangi vositalarni qabul qilmoqda. Jumladan, Germaniya 2021-yilda "Raqobat to'g'risida"gi qonuniga (GWB) 19(a)-moddani qo'shib, "bozorlararo ahamiyatga ega ustun kompaniya" tushunchasini kiritdi. Bu modda asosida Germaniya Federal Kartel idorasi 2022–2023-yillarda "Google", "Meta", "Amazon" hamda "Microsoft"ni shu toifaga mansub deb e'lon qilib, ularga nisbatan ayrim cheklovlar qo'ydi (masalan, "Google"ga uchinchi taraf servislarini o'z platformasidan chetlatish taqiqlandi, "Meta"ga foydalanuvchi ma'lumotlarini birlashtirishda cheklov qo'yildi va b.). Bu yondashuv aslida Yevropa darajasidagi DMA'ga o'xshash bo'lib, farqi – milliy organ o'z hududida operativ choralar ko'ra oladi.

AQSh. AQShda raqobat huquqi (monopoliyaga qarshi kurashish) tamoyillari Yevropaga qaraganda konservativroq bo'lib, asosan sud amaliyoti bilan shakllangan. Hozircha federal darajada raqamli bozorlar uchun alohida qonun qabul qilinmagan. Biroq so'nggi yillarda Kongress darajasida bir qator qonun loyihalari muhokama qilindi (masalan, *American Innovation and Choice Online Act* va *Open App Markets Act* kabi 2021-yilgi loyihalar), ammo ular hozircha qa-

bul qilinmadi. Shunga qaramay, ijro etuvchi hokimiyat organlari – AQSh Adliya vazirligi Monopoliyaga qarshi kurashish boshqarmasi va Federal Savdo komissiyasi (FTC) – so'nggi yillarda texnologik gigantlarga qarshi antimonopol da'volarni keskin faollashtirdi. 2020-yilda DOJ "Google"ni qidiruv bozorida monopol holatini suiiste'mol qilishda ayblab sudga berdi ("Google" ustidan 25 yildagi eng yirik antimonopol ish); FTC esa 2020-yilda "Facebook" ("Meta") kompaniyasini "Instagram" va "WhatsApp"ni sotib olish orqali monopoliyani mustahkamlashda ayblab, suddan kompaniyani bo'lishni talab qildi. Bu sud ishlari hali yakuniga yetmagan bo'lsa-da, ular raqamli bozor konsentratsiyasiga qarshi huquqiy kurashning muhim ko'rinishi hisoblanadi. Bundan tashqari, 2020-yilda AQSh Kongressi Vakillar palatasi Monopoliyaga qarshi kurashish qo'mitasi tomonidan 450 sahifalik hisobot e'lon qililib, unda "Amazon, Apple, Facebook, Google – raqamli davrdagi monopoliyalar" degan xulosa qilindi va ushbu kompaniyalar bozor qudratini cheklash uchun qonunchilikka o'zgartishlar kiritish tavsiya etildi. Ayni vaqtda AQShda raqobat siyosati uchun mas'ul shaxslar (FTC raisi Lina Khan va DOJ Monopoliyaga qarshi kurashish boshqarmasi rahbari Jonatan Kanter) raqamli bozorlardagi monopoliyalarga qarshi qat'iy choralar tarafdori ekani bilan tanilgan (Kanter, 2023). Bu esa yaqin yillarda AQSh qonunchiligida ham muayyan yangilanishlar kutish mumkinligini ko'rsatadi.

Osiyo va boshqa mintaqalar. Raqamli bozorlar masalasi Osiyo-Tinch okeani mintaqasida ham dolzarb. Masalan, Singapur Raqobat va iste'molchilar komissiyasi (CCCS) 2021–2022-yillarda o'zining bir qator yo'riqnomalariga qo'shimchalar kiritib, raqamli bozorlarni tahlil qilishda tarmoq effektlari, ma'lumotlar va ko'p platformalik kabi omillarga alohida e'tibor berilishini qayd etdi. Shu bilan birga, Singapur raqamli bozorlar uchun sun'iy intellekt va ma'lumotlar haqida maxsus eslatma chiqardi, unda SIni qo'llash-

da raqobat qonunlarini buzmaslik bo'yicha ko'rsatmalar berdi (Crémer et al., 2019). Xitoy Xalq Respublikasida 2021-yilda "Alibaba", "Tencent" kabi *tech-gigant*larga qarshi qat'iy choralar ko'rilib ("Alibaba" monopoliyaga qarshi rekord jarimaga tortildi), onlayn platformalarning noo'rin raqobat amaliyotlari cheklab qo'yildi. Rossiya 2020–2023-yillarda o'zining beshinchi antimonopoliya paketi doirasida "raqamli platforma" tushunchasini qonunga kiritib, raqamli platforma egalarining monopol faoliyatini to'xtatishga oid qoidalarni belgiladi. Xususan, Rossiyada 2023-yil iyul oyida qabul qilgan qonunchilikka ko'ra, yirik onlayn platforma egalari o'z xizmatidan asossiz ravishda chetlatib qo'yish, foydalanuvchilarga noqulay shartlar to'plash kabi xatti-harakatlar taqiqlandi. Bu normalar ko'rinishidan O'zbekiston qonunchiligiga kiritilgan qoidalarga (masalan, yuqorida ta'kidlangan platforma egalari raqobatni cheklovchi harakatlarini taqiqlash) o'xshashdir.

O'zbekiston. O'zbekiston raqobat qonunchiligida 2023-yilda amalga oshirilgan keng ko'lamli islohotlar doirasida raqamli bozorlar bilan bog'liq yangi tushunchalar paydo bo'ldi. "Raqobat to'g'risida"gi Qonunning 4-moddasiga "raqamli platforma operatori" degan atama qo'shilib, Vazirlar Mahkamasiga bunday operatorning ustun mavqeyini aniqlash tartibini belgilash vakolati berildi (International Competition Network, 2017). 2024-yil 1-mayda mazkur tartib tasdiqlandi va unda qaysi mezonlarga ko'ra raqamli platforma ustun deb e'tirof etilishi ko'rsatib o'tildi (foydalanuvchilar soni, platforma orqali tranzaksiyalar ulushi va boshqalar). Natijada 2024–2025-yillarda Raqobat qo'mitasi tomonidan ilk bor bir qator platformalar (masalan, "Yandex Go" taksi servisi, "Click" va "Payme" to'lov tizimlari, "Uzum Market" savdo platformasi hamda "Allplay" (*Allmedia*) striming xizmati) raqamli platforma sifatida ustun mavqega ega deb topildi va ularning ro'yxati e'lon qilindi. Shu bilan birga, yangi

qonunning 18-moddasida raqamli platforma operatoriga ustun mavqedan foydalanib raqobatni cheklashga yo'naltirilgan harakatlar taqiqlanishi alohida norma sifatida belgilandi (Australian Competition and Consumer Commission, 2019). Xususan, raqamli platforma egalari xizmatidan foydalanish uchun biznes foydalanuvchilarga faqat o'zi belgilagan axborot texnologiyalari yoki raqamli mahsulotlardan foydalanish talabini qo'yishi man etildi (Australian Competition and Consumer Commission 2019). Bu qoida ko'pincha platformalar tomonidan qo'llanadigan "faqat meniki" shartini (masalan, ilova do'konlarida faqat platformaning to'lov tizimini qo'llash talabini) bartaraf etishga qaratilgan. Shuningdek, Vazirlar Mahkamasi bunday xatti-harakatlarni aniqlash tartibini ham belgilashi nazarda tutilgan (Australian Competition and Consumer Commission, 2019).

O'zbekiston qonunchiligiga, shuningdek, "ustun muzokara kuchi" tushunchasi kiritilib, bu bozor ulushi bilan bog'liq bo'lmagan holda ham ayrim yirik xaridor yoki broker subyektlarning yetkazib beruvchilarga (yoki aksincha) shartlarni majburan belgilash qudratini cheklashga yo'naltirilgan me'yorlardir (International Competition Network, 2017). Buning raqamli bozorlarga aloqasi shundaki, yirik savdo platformalari (masalan, onlayn savdo maydonchalari) ko'plab kichik bizneslar ustidan muzokara kuchiga ega bo'lib, ular belgilagan komission to'lovlari va shartlarini qabul qilishdan boshqa iloj qoldirmaydi. Yangi qonun bunday holatlarni ham antimonopoliya nazoratiga olishga zamin yaratdi.

Xulosa qilib aytganda, xalqaro tajriba raqamli bozorlardagi iqtisodiy konsentratsiyani jilovlash uchun huquqiy vositalarni takomillashtirish yo'lida ekanini ko'rsatmoqda. Yevropa Ittifoqi va ayrim yetakchi davlatlar (Germaniya, Buyuk Britaniya, Avstraliya va boshqalar) allaqachon maxsus qonunlar va qoidalarni qabul qilishdi yoki tayyorlashmoqda. Masalan, Buyuk Britaniya 2023-yilda qabul qilgan "Raqamli bozorlar, raqobat va

iste'molchilar to'g'risida"gi qonunida raqamli bozorlar uchun maxsus raqobat rejimini joriy qildi (Cr  mer et al., 2019). Bu rejimga muvofiq, Strategik bozor ahamiyatiga ega deb topilgan platformalar (masalan, "Google", "Meta" kabi) uchun alohida xatti-harakat kodekslari belgilanadi. Germaniya va Yaponiyada ham shunga o'xshash tartiblar mavjud. Singapur va Koreya Respublikasi esa o'z raqobat qonuni qo'llanmasini yangilash orqali raqamli platformalar bilan bog'liq masalalarni aniqroq tartibga solishga intilmoqda. O'zbekiston mazkur jarayonlardan chetda qolmay, 2023-yildagi islohotlarda asosiy tushunchalarni joriy etdi. Endilikda muhim masala ushbu normalarni samarali tatbiq etish, platformalarni aniqlash mezonlarini aniq belgilash va qonunbuzarliklarga tezkor chora ko'rishdan iborat. Tadqiqotimiz natijalariga ko'ra, shu yo'nalishda ba'zi takliflar ilgari suriladi.

Muhokama

Yuqorida keltirilgan tadqiqot natijalari asosida raqamli bozorda iqtisodiy konsentratsiyani huquqiy aniqlashdagi muammolarni tahlil qilib, ularni bartaraf etish bo'yicha takliflarni muhokama qilamiz.

Bozorni aniqlash mezonlarini kengaytirish zarurati. Raqobat organlari uchun birinchi vazifa – tegishli bozorni to'g'ri aniqlash. An'anaviy yondashuvda bu asosan tovar/xizmat substitutsiyasi va geografik chegaralar bilan belgilanardi. Ammo raqamli platformalar faoliyatida bir mahsulot doirasida bir nechta bozor mavjud bo'lishi, shuningdek, ayrim xizmatlarning bepulligi sababli odatdagi SSNIP-test (narxning kichik, ammo sezilarli oshishiga bo'lgan talab reaksiyasini aniqlash testi) qo'llanmasligi mumkin. Shu bois nazorat organlari bozorni aniqlashda foydalanuvchi auditoriyasi, ma'lumot oqimi, funksional maqsad kabi yangi mezonlarga suyanishi kerak bo'ladi. Masalan, agar bir xizmat tekin bo'lsa, unda raqobatni tahlil qilish uchun uning pul ishlash modeli qayerda (rekлама bozoridami yoki ma'lumot sotishdami)

sodir bo'layotgani tahlil qilinadi. Yevropa va Singapur tajribasida ko'rilganidek, *multi-homing* (foydalanuvchilarning bir vaqtning o'zida bir nechta platformadan foydalanish imkonini) darajasi ham bozor chegarasini belgilashda hisobga olinadi. Agar foydalanuvchilar bir nechta platformadan bemalol foydalansa, bozor raqobatbardosh; aksincha, bitta platformaga "bog'lanib" qolishsa, bozor shu platforma doirasida cheklanadi. Demak, O'zbekiston Respublikasi Raqobatni rivojlantirish va iste'molchilar huquqlarini himoya qilish qo'mitasi raqamli bozorlarda tekshiruv o'tkazganda bozorni aniqlash uchun yangicha savollarga e'tibor qaratishi zarur: platforma bir tomonlama bozorni egallaganmi yoki ko'p tomonlama bozornimi? Uning foydalanuvchilari alternativ xizmatlardan foydalanish imkoniga egami (yoki ekotizimga qamalganmi)? Platforma qaysi turdagi daromad yoki maqsad uchun ishlamoqda (reklama, ma'lumot yig'ish, to'g'ridan to'g'ri savdo va h.k.)? Shunday savollar asosida an'anaviy huquqiy tushunchalarga mos ravishda keng talqin berish lozim bo'ladi.

Ustun mavqe (dominant position) mezonlarini yangilash. Ko'pgina davlatlar qonunchiligida bozorda ustun mavqeni belgilash uchun asosiy mezon – subyektning bozor ulushi (odatda 35 foiz, 50 foiz va hokazo chegaralar). Biroq raqamli bozorlar uchun bozor ulushi har doim ham haqiqiy kuchni ko'rsatmaydi. Misol uchun, "WhatsApp" messenjeri yillar davomida daromad keltirmagan bo'lsa-da, uning bozordagi ta'siri ulkan edi – foydalanuvchilar soni bo'yicha. Shuning uchun ustun mavqe mezonlariga foydalanuvchilar soni, ularning platformada o'tkazadigan vaqti, ma'lumotlar bazasi hajmi, tarmoq effektining mavjudligi kabi ko'rsatkichlarni qo'shish kerakligi ilmiy adabiyotlarda ta'kidlanmoqda. OECD 2022-yilgi hisobotida dunyo tajribasida paydo bo'lgan yangi tushunchalar keltirilgan: "bozor darvozaboni (*gatekeeper*)", "shoxband bozor kuchi (*bottleneck power*)", "portfel qudrati (*portfolio power*)", "strategik

bozor holati (*strategic market status*)", "muqarrar savdo hamkori (*unavoidable trading partner*)" kabi tushunchalar amaliyotga kirib kelmoqda. Masalan, Buyuk Britaniya yangi qonunida "*Strategic Market Status*" (SMS) atamasi joriy qilinib, raqobatga hal qiluvchi ta'sir ko'rsata oladigan platformalar SMS sifatida belgilanishi mumkinligi nazarda tutilgan. Germaniyaning yuqorida eslatilgan 19(a)-moddasi ham o'xshash mazmunda – agar kompaniya bir nechta bozor uchun infratuzilma vazifasini o'tayotgan bo'lsa (masalan, "Facebook" ijtimoiy tarmog'i media va reklama bozori uchun infratuzilma), unga nisbatan maxsus qoidalar qo'llanadi. O'zbekiston qonunchiligi ham aynan shunday yondashuvni qabul qildi, deyish mumkin – "raqamli platforma operatorining ustun mavqeyi" tushunchasi joriy etildi. Biroq amaliy jihatdan bu mezonlar qanday qo'llanishi hal qiluvchi ahamiyatga ega. Raqobatni rivojlantirish va iste'molchilar huquqlarini himoya qilish qo'mitasining 2024-yilgi nizomida platformaning ustunligini belgilashda ko'rsatkichlar keltirilgan: platforma orqali bozorning muayyan foizi qamrab olingan bo'lsa (masalan, to'lov tizimlari bozorida tranzaksiyalarning 40 foizdan ortig'i), foydalanuvchilar soni muayyan miqdordan yuqori bo'lsa, platforma ustun deb topilishi mumkin. Bu yondashuv to'g'ri yo'lda ekanini e'tirof etgan holda, yana ba'zi takomillashtirishlar maqsadga muvofiq:

1) platformaning vertikal integratsiyasi va o'zaro bog'liq xizmatlari ko'lami ham hisobga olinishi (agar platforma bir nechta bozorni qamrasa, uning qudrati oshadi);

2) foydalanuvchilarning platformani almashtirish xarajatlari baholanishi lozim (agar bir platformadan ikkinchisiga o'tish qiyin bo'lsa, birinchisi monopol kuchga ega bo'ladi);

3) platforma ekotizimida mustaqil ishtirokchilarning qanchalik platformaga qaram ekani (masalan, dasturchilar faqat bir ilova do'koniga bog'liq bo'lsa) ko'rsatkich sifatida

olinishi mumkin. Shu kabi mezonlarni rasmiy metodikalarga kiritish ustun mavqeni aniqroq belgilashga yordam beradi.

Birlashmalarni nazorat qilish tartibini moslashtirish. Raqamli sohadagi “killer” birlashmalarni bartaraf etish uchun birlashmalarni nazorat qilish (*merger control*) tizimini isloh qilish talab etiladi. O‘zbekiston qonunchiligiga ko‘ra, hozircha xo‘jalik subyektlari qo‘shilishiga doir bitimlar agar ular belgilangan moliyaviy mezonlardan yuqori bo‘lsa, oldindan davlatdan rozilik olinishi lozim (2023-yilgi qonunning 27-moddasi). Bu mezonlar asosan subyektlarning aktivlari yoki tushumlarining yig‘indisi bilan bog‘liq. Raqamli kompaniyalarning esa ko‘p hollarda daromadi uncha katta bo‘lmay turib ham bozor ahamiyati katta bo‘lishi mumkin. Masalan, yuqorida zikr etilgan “Instagram”ni “Facebook” sotib olgan paytda “Instagram”ning daromadi deyarli yo‘q edi, demak, bu bitim hozirgi qonun bo‘yicha nazoratga tushmasdi. Shu sababdan, xorijiy amaliyotga o‘xshash tarzda bitim qiymati bo‘yicha mezon joriy etish o‘rinlidir. Ya‘ni agar yirik kompaniya biror startapni ma‘lum summadan yuqori qiymatga sotib olmoqchi bo‘lsa (masalan, 100 mlrd so‘mdan ortiq yoki shunga o‘xshash), unda uning moliyaviy ko‘rsatkichlaridan qat‘i nazar, Raqobat qo‘mitasiga murojaat qilishi shart bo‘lsin. Bu orqali potentsial xavfli bitimlar e‘tibordan chetda qolmaydi. Ikkinchidan, raqobat organlari birlashmalarni baholashda “potensial raqobat” konsepsiyasiga ko‘proq e‘tibor berishlari lozim. Ya‘ni sotib olinayotgan kompaniya hozir kichik bo‘lsa-da, kelajakda real raqobatchiga aylanish imkoniyati bor-yo‘qligini strategik baholash talab etiladi. FTCning “Facebook/WhatsApp ishi” shu nuqtayi nazardan qiziq: FTC dastlab 2014-yilda ushbu bitimni maqullagan bo‘lsa-da, 2020-yilda fikrini o‘zgartirib, aslida “WhatsApp” “Facebook” monopoliyasiga tahdid bo‘lishi mumkin edi, degan iddaoni ilgari surdi. Bu kechikkan bo‘lsa ham, saboq tariqasida O‘zbekistonda ham qaysidir

platforma boshqa bir yangi servisni qo‘shib olsa, oddiy integratsiya sifatida ko‘rilmasdan, uning bozorga ta‘siri har tomonlama ko‘rib chiqilmog‘i lozim.

Raqamli monopoliya va raqobatga qarshi xatti-harakatlarni aniqlash. Raqamli platformalarning bozordagi ustun mavqeyidan foydalanib raqobatga zarar yetkazish usullari an‘anaviy monopoliyalarni suiiste‘mol qilishdan farq qilishi mumkin. Masalan, ustun kompaniya odatda narxni oshirish orqali monopol foyda oladi, degan tushuncha mavjud. Lekin raqamli bozorda platforma xizmat narxini oshirmasligi, aksincha, nol narxda taklif qilish orqali ham raqiblarni siqib chiqarishi mumkin (o‘zining ulkan moliyaviy resurslari hisobidan zarariga ishlash evaziga). Bunday xatti-harakatni hozirgi qonunchilikda “demping” yoki “raqobatni cheklash” sifatida ko‘rish mumkin, lekin isboti murakkab. Shu tufayli, monopoliyaga qarshi kurashish organlari raqamli platformalarning narxdan tashqari raqobat usullarini ham diqqat bilan kuzatishi kerak. Masalan, platforma boshqa mustaqil sotuvchilarning mahsulotlarini o‘z platformasida taqiqlab qo‘yadimi, qidiruvda ularni pastroqqa tushiradimi, o‘z xizmatlarini majburiy bir paketga birlashtirib sotyaptimi (*bundling*), foydalanuvchi ma‘lumotlarini raqobatchiga bermay qo‘yib, ularni bozorga kiritmayaptimi – bularning barchasi raqobatga qarshi suiiste‘mol sifatida baholanishi kerak. O‘zbekiston Respublikasining 2023-yil 3-iyuldagi “Raqobat to‘g‘risida”gi Qonunida raqobatni cheklovchi harakatlar ro‘yxatiga bunday holatlar to‘liq aks ettirilganini aytish qiyin – chunki moddalar asosan klassik bozorlar uchun yozilgan (masalan, asossiz narx pasaytirish, yetkazib berishni rad etish, monopol yuqori narx belgilash va boshqalar). Platformalarning o‘ziga xos xatti-harakatlari (algoritmik preferensiyalar, ma‘lumot blokirovkasi, ekotizim ichida begona xizmatlarni cheklash va h.k.)ni aniq identifikatsiya qilish uchun qonunga asoslanib Vazirlar Mahkamasi darajasida maxsus

yo'riqnomalar ishlab chiqish maqsadga muvofiq. Masalan, "Ustun raqamli platformalarning raqobatga zid xatti-harakatlarini aniqlash tartibi" kabi nizom qabul qilinsa, Raqobat qo'mitasi tekshiruv o'tkazishda nimaga e'tibor berishini belgilab oladi (qonun ham shunday nizom qabul qilishni nazarda tutadi) (Australian Competition and Consumer Commission, 2019).

Xalqaro hamkorlik va yurisdiksiya masalasi. Raqamli platformalar aksariyat hollarda transmilliy xususiyatga ega – ya'ni bitta mamlakat doirasida cheklanmay, butun mintaqa yoki global bozor uchun xizmat ko'rsatadi. Bu ularga qarshi huquqiy choralalar ko'rishda muayyan qiyinchilik tug'diradi: masalan, O'zbekistonda millionlab foydalanuvchilari bo'lgan "Telegram", "YouTube", "Instagram" kabi servislar bor, ammo ularning huquqiy shaxsi bu yerda emas, ular O'zbekistonda rasmiy faoliyat ko'rsatmaydi. Shunga qaramay, raqobat organi agar ularni bozor subyekti deb topsa, nazorat harakatlari o'tkazishi mumkin (chunki iste'molchilar va mahalliy biznesga ularning ta'siri bor). Biroq bunday tadbirlar samara berishi uchun xalqaro hamkorlik: masalan, yirik platformalarni bahamjihat tartibga solish uchun mintaqaviy kelishuvlar, xalqaro tashkilotlar doirasida ma'lumot almashish, xorijiy anti-monopoliya organlari qarorlaridan foydalanish zarur. Ayni paytda Yevrosiyo Iqtisodiy Ittifoqi (YOII – EAEU) raqamli bozorlarda raqobat siyosatini uyg'unlashtirish haqida gapirmoqda. O'zbekiston YOIIga kuzatuvchi davlat sifatida undagi tajribani kuzatib, kerak bo'lsa, YOII Komissiyasining raqamli bozorlar bo'yicha tavsiyalarini implementatsiya qilishi mumkin. Xuddi shunday, 2023-yil oktabr oyida Toshkentda bo'lib o'tgan "Rivojlantirayotgan iqtisodiyotlarda raqamli bozorlarni tartibga solish" konferensiyasi doirasida xalqaro ekspertlar bilan fikr almashildi – bunday tadbirlar davom ettirilib, natijada mintaqaviy standartlar yaratilishi maqsadga muvofiq.

Yuqorida keltirilgan tahlillar asosida taklif qilish mumkinki, raqamli bozorda raqobatga oid huquqiy siyosat integratsiyalashgan yondashuvni talab etadi. Faqat monopoliyaga qarshi qonun-qoidalarini qo'llash bilan cheklanmasdan, uni soha regulatsiyasi, ma'lumotlarni himoya qilish va iste'molchilar huquqlarini himoya qilish choralari bilan uzviy bog'lash kerak. Chunki ko'plab hollarda platformalar faqat bozor konsentratsiyasiga emas, balki foydalanuvchilarning shaxsiy ma'lumotlarini suiiste'mol qilish yoki soxta axborot tarqatish kabi muammolarni ham keltirib chiqaradi. Yevropa Ittifoqida bu masalalarga kompleks yondashilib, DMA (raqobat uchun) bilan birga DSA – Raqamli xizmatlar to'g'risidagi akt (platformalarda noqonuniy kontent va foydalanuvchi huquqlarini tartibga solish) va GDPR (ma'lumotlarni himoya qilish qoidalarini) joriy etilgan. O'zbekistonda ham xuddi shunday, raqamli sohadagi turli qonunchilik tashabbuslarini uyg'unlashtirish lozim. Axborot texnologiyalari, telekommunikatsiya, reklama va shaxsiy ma'lumotlar to'g'risidagi qonunlar bilan raqobat qonuni uyg'un ishlasa, platformalar ustidan samarali nazorat ta'minlanadi.

Xulosa

Raqamli bozorda iqtisodiy konsentratsiya va uni huquqiy aniqlash masalalari bo'yicha o'tkazilgan tadqiqotdan qator asosiy xulosalarga kelindi.

Raqamli bozorlar tabiatan yuqori konsentratsiyaga moyil. Tahlillar ko'rsatdiki, raqamli platformalarning biznes modeli va texnologik xususiyatlari (tarmoq effektlari, ma'lumotlar yig'ilishi, ko'p tomonlama platformalilik) bozorning tez "yig'ilishiga" olib keladi. Bunday sharoitda bir yoki bir necha yirik o'yinchi butun segmentni egallashi osonlashadi. An'anaviy bozorlar bilan solishtirganda, raqamli bozorda yangi subyekt chiqib raqobat yaratishi qiyinroq, chunki u boshidan foydalanuvchilar va ma'lumotlar bazasiga ega gigantlar bilan bellashishi lozim bo'ladi. Shu sababli raqobat huquqi nuqtayi

nazaridan raqamli bozorlarni “xavf ostidagi raqobat muhiti” deb baholash va maxsus yondashuvni qo'llash zarur.

“Iqtisodiy konsentratsiya” tushunchasini keng talqin etish talab etiladi. Hozirgi amaliyotda iqtisodiy konsentratsiya ko'pincha yirik korporativ birlashmalar bilan bog'lanadi. Tadqiqotimizda aniqlangandek, raqamli sohada konsentratsiya nafaqat M&A bitimlari, balki platformalarning organik o'sishi, ekotizim integratsiyasi va startaplarni sotib olishi orqali ham sodir bo'ladi. Shu bois qonunchilikda iqtisodiy konsentratsiya tushunchasini talqin qilishda ana shu hodisalarni ham qamrab olish lozim. Xususan, raqobat organi nazoratiga tortiladigan holatlar qatoriga yirik platformalarning bozor qudratini oshiruvchi har qanday harakati (qo'shib olish, birlashish, hamkorlik bitimlari, eksklyuziv kelishuvlar va h.k.)ni kiritish foydadan xoli bo'lmaydi. Bu borada xalqaro standartlar (masalan, ICN va OECD tavsiyalari)dan foydalanish mumkin.

Dominantlik mezonlariga yangi indiktorlar qo'shilishi kerak. Raqamli bozorlarda ustun mavqeni belgilashda faqat bozor ulushiga tayanish yetarli emasligi isbotlandi. Shuning uchun amaliy huquqda quyidagi indikatorlarni e'tiborga olish tavsiya etiladi: foydalanuvchilar soni va faolligi (*monthly active users* – MAU kabi ko'rsatkichlar), platformada o'tkaziladigan vaqt (*engagement*), tarmoq effektining darajasi (foydalanuvchilarning qanchasi bir platformada to'planishi), ma'lumotlar bazasi hajmi va eksklyuzivligi (platformaga tegishli noyob ma'lumotlar), ko'p platformalilik (bir kompaniyaning bir nechta bog'liq bozorlardagi ulushi), foydalanuvchilarning almashish xarajatlari (*switching cost*). O'zbekiston Raqobat qo'mitasi yangi joriy etilgan raqamli platformalar ustun mavqeyi mezonlarida bu kabi indikatorlarni qanchalik hisobga olgani amaliyotda sinaladi. Taklifimiz shuki, ushbu yo'nalishda metodik ko'rsatmalar ishlab chiqib, konkret raqamli sohalar uchun (masalan, onlayn savdo, to'lov tizimlari, ijtimoiy tarmoqlar va h.k. uchun)

dominantlikni baholash mezonlarini batafsil belgilash lozim.

Raqamli birlashmalar nazorati kuchaytirilishi lozim. Tadqiqot raqamli platformalarning raqib yoki potensial raqib startaplarni sotib olishi raqobatga sezilarli zarar keltirishini ko'rsatdi. Bunday bitimlarning ko'pchiligi ilgari nazoratdan chetda qolgani tajriba bo'ldi (chunki moliyaviy mezonlarga tushmagan). Kelgusida bu xatolarga yo'l qo'y-maslik uchun birlashmalar nazorati tizimini moslashtirish zarur: 1) bitim qiymati bo'yicha chegaraviy miqdor mezonini joriy etish; 2) potensial raqobat tamoyilini baholash; 3) kerak bo'lganda birlashmalarni shartli ravishda tasdiqlash (masalan, ma'lum servislarni ajratish sharti bilan) yoki umuman taqiqlash amaliyotini qo'llash. Shu bilan birga, Raqobat organining malakasi va resurslarini oshirish ham muhim, chunki raqamli sohada birlashmalarni aniqlash va tahlil qilish uchun maxsus bilim va ma'lumot bazasi (startaplar ekotizimi, venchur investitsiyalar bozorini tushunish va hokazo) kerak bo'ladi.

Ex-ante tartibga solish va an'anaviy anti-monopol choralarni uyg'unlashtirish kerak. Raqamli bozorlardagi konsentratsiyani jilovlash uchun faqat yuz bergan qonunbuzarliklarni jazolash (*ex-post antitrust*) yetarli emasligi ko'rinib qoldi. Yevropa tajribasi *ex-ante* (oldindan) qoidalar o'rnatish samarali bo'lishini isbotlamoqda. O'zbekiston sharoitida ham raqamli platformalar uchun ma'lum qoidalar to'plamini belgilash maqsadga muvofiqdir. Masalan, agar platforma ustun mavqega ega deb tan olingan bo'lsa, unda oshkoralik talablariga rioya qilish (algoritmning asosiy tamoyillari diskriminatsiyasiz bo'lishi), foydalanuvchilarga erkin tanlash imkonini berish (masalan, dasturiy ta'minotlarda *default* sozlamalarni o'zgartirishga ruxsat), ma'lumotlarning portativligi (foydalanuvchi o'z ma'lumotlarini boshqa xizmatga ko'chira olishi) kabi prinsiplarni majburiy qo'llash mumkin. Ayni paytda qonunchiligimizda bunday qoidalar yo'q, ammo

raqobat organi platformalar bilan komplains (monopoliyaga qarshi talablar bajarilishini ta'minlash) bo'yicha ishlashi zarur. Yevropa DMA dagi majburiyatlar tahlil qilinib, ulardan bizda ham tatbiq etish imkoniyati ko'rib chiqilishi lozim. Masalan, dastlab platformalarni o'zlari raqobat qonunlariga rioya etishini ta'minlashga chaqiruvchi "*compliance order*" tarzida qo'llab, takroran buzilishlarda esa qat'iy jarima yoki cheklovlar joriy etish mexanizmi ishlab chiqilishi mumkin.

Milliy qonunchilikni takomillashtirish bo'yicha takliflar. Yuqoridagi xulosalarga asoslanib, O'zbekiston qonunchiligiga quyidagi o'zgartish va qo'shimchalarni kiritish taklif etiladi:

a) "Raqobat to'g'risida"gi Qonunning tegishli moddalariga raqamli bozorlar uchun alohida normalar qo'shish (masalan, ustun raqamli platformalarning majburiyatlari to'g'risida alohida modda kiritish);

b) iqtisodiy konsentratsiya nazorati bo'yicha nizomga bitim qiymatining chegaraviy miqdorini kiritish;

d) raqamli platformaning ustun mavqeyini aniqlash mezonlarini kengaytirish va aniq

raqamlar bilan belgilash (masalan, oyiga milliondan ortiq faol foydalanuvchi, to'lov tizimida tranzaksiyalar umumiy hajmining 50 foizdan ortig'i va h.k.);

e) Raqobat qo'mitasi huzurida raqamli bozorlardagi raqobatni monitoring qilish bo'yicha maxsus bo'linma tashkil etish (ku-chayib borayotgan raqamli sektorga ixtisos-lashgan tarzda yondashish uchun).

Umuman olganda, raqamli bozorda iqtisodiy konsentratsiya tushunchasini huquqiy aniqlash jahon miqyosidagi yangi chaqiriqlardan biridir. O'zbekiston raqobat siyosati bu borada endi shakllanmoqda va xalqaro tajribani inobatga olgan holda rivojlanishi lozim. Maqolada keltirilgan tahlillar va takliflar ushbu jarayonga ilmiy hissa qo'shish maqsadini ko'zlagan. Raqamli bozorlarni samarali tartibga solish va unda sog'lom raqobatni qo'llab-quvvatlash orqali nafaqat iste'molchilar huquqlari himoya qilinadi, balki innovatsion rivojlanishga zamin yaratiladi. Shu bois qonunchilik va huquqni qo'llash amaliyotini zamon talabiga mos tarzda yangilab borish – raqamli davr raqobat huquqining bosh vazifalaridan biriga aylanishi darkor.

REFERENCES

1. Australian Competition and Consumer Commission. (2019). *Digital platforms inquiry: Final report* (p. 623). Canberra.
2. Competition Authority & Federal Cartel Office. (2016, May). *Competition law and data: Joint report* (p. 55).
3. Belleflamme, P., & Peitz, M. (2021). *The economics of platforms and networks* (p. 275). Cambridge University Press.
4. Cr mer, J., de Montjoye, Y., & Schweitzer, H. (2019). *Competition policy for the digital era* (Report for the European Commission, p. 147). European Commission.
5. Competition and Consumer Commission of Singapore. (2022). *Guidelines on Market Definition*. CCCS.
6. European Parliament & Council. (2022). Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act). *Official Journal of the European Union*, L 265, 1–66.
7. Ezrachi, A., & Stucke, M. E. (2017). Artificial intelligence & collusion: When computers inhibit competition. *University of Illinois Law Review*, 2017(5), 1775–1810.

8. Furman, J., et al. (2019, March). *Unlocking digital competition: Report of the Digital Competition Expert Panel* (Report for UK HM Treasury, 150 p.). HM Treasury.
9. International Competition Network. (2017). *Report on big data and competition* (p. 34).
10. Kanter, J. S. (2023). Digital markets and “trends towards concentration”. *Journal of Antitrust Enforcement*, 11(2), 143–148.
11. Khan, L. M. (2017). Amazon’s antitrust paradox. *Yale Law Journal*, 126(3), 710–805.
12. OECD. (2022). *The evolving concept of market power in the digital economy* (p. 48). OECD Publishing.
13. Prüfer, J., & Schottmüller, C. (2021). Competing with big data. *Journal of Industrial Economics*, 69(4), 967–1008.
14. Russian Federation. (2023). *Federal Law No. 301-FZ “On amendments to the Federal Law on protection of competition” (Fifth Antimonopoly Package)*. 10 July 2023.
15. Shapiro, C., & Varian, H. (1999). *Information rules: A strategic guide to the network economy* (p. 352). Harvard Business School Press.
16. Stigler Committee on Digital Platforms. (2019). *Final report*. Stigler Center, University of Chicago.
17. United Kingdom. (2023). *Digital Markets, Competition and Consumers Act 2023* (Chapter 30). Received Royal Assent on 26 October 2023.
18. US House of Representatives Majority Staff. (2020). *Investigation of competition in digital markets* (Subcommittee on Antitrust, Commercial and Administrative Law, p. 449). Washington, DC: U.S. Government Printing Office.

Kelib tushgan / Получено / Received: 20.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./ALFH6833

UDC: 347(045)(575.1)

RAQAMLI PLATFORMALAR OPERATORLARINING FOYDALANUVCHI KONTENTI UCHUN DELIKT JAVOBGARLIGI

Allakuliyev Mirjalol Davronbekovich,

Toshkent davlat yuridik universiteti

mustaqil izlanuvchisi

ORCID: 0009-0009-3362-2643

e-mail: m.allakuliev@adliya.uz

Annotatsiya. Ushbu maqola zamonaviy delikt huquqining eng murakkab va dolzarb muammolaridan birini, ya'ni foydalanuvchilar tomonidan raqamli platformalarda joylashtirilgan zararli kontent uchun javobgarlikni taqsimlash muammosini o'rganadi. Muallif tuhmat, nafrat qo'zg'atish, intellektual mulk huquqlarining buzilishidan jabrlanganlarning huquqlarini himoya qilish zarurati bilan so'z erkinligini ta'minlash va raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish imperativlari o'rtasidagi ziddiyatni tahlil qiladi. Shuningdek, muallif AQSh, Yevropa Ittifoqi, Buyuk Britaniya, Germaniya va boshqa yurisdiksiyalar qonunchiligini qiyosiy-huquqiy tahlil qilish asosida tartibga solishning uchta asosiy modelini ajratib ko'rsatadi: 230-bo'lim bo'yicha platformalarning keng immunitetining Amerika modeli, xabardor qilish va olib tashlash mexanizmi bilan javobgarlikdan ozod qilishning Yevropa modeli va differensial javobgarlikning Germaniya modeli. Tadqiqot O'zbekiston qonunchiligida raqamli platformalarning javobgarligini tartibga soluvchi maxsus normalarning tanqidiy mavjud emasligini aniqlaydi va O'zbekiston qonunchiligini modernizatsiya qilish bo'yicha kompleks chora-tadbirlarni taklif etadi.

Kalit so'zlar: raqamli platformalar, ijtimoiy tarmoqlar, vositachilar javobgarligi, foydalanuvchi kontenti, onlayn diffamatsiya, kontent moderatsiyasi, fikr bildirish erkinligi, xabardor qilish va olib tashlash (notice and takedown), 230-bo'lim, Raqamli xizmatlar to'g'risidagi akt

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОПЕРАТОРОВ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ЗА ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕНТ

Аллакулиев Миржалол Давронбекович,

самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В настоящей статье исследуется одна из наиболее сложных и актуальных проблем современного деликтного права – распределение ответственности за вредоносный контент, размещаемый пользователями на цифровых платформах. Автор анализирует противоречие между необходимостью защиты прав лиц, пострадавших от клеветы, разжигания ненависти и нарушений прав интеллектуальной собственности, с одной стороны, и императивами обеспечения свободы выражения мнений и развития цифровой экономики – с

другой. На основе сравнительно-правового анализа законодательства США, Европейского союза, Великобритании, Германии и иных юрисдикций автор выделяет три основные модели правового регулирования: американскую модель широкого иммунитета платформ в соответствии с разделом 230, европейскую модель освобождения от ответственности, основанную на механизме уведомления и удаления контента (notice and takedown), а также германскую модель дифференцированной ответственности. В ходе исследования установлено критическое отсутствие в законодательстве Республики Узбекистан специальных норм, регулирующих ответственность цифровых платформ, в связи с чем предложен комплекс мер по модернизации национального законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: цифровые платформы, социальные сети, ответственность посредников, пользовательский контент, онлайн-диффамация, модерация контента, свобода выражения мнений, уведомление и удаление (notice and takedown), раздел 230, Акт о цифровых услугах

TORT LIABILITY OF DIGITAL PLATFORM OPERATORS FOR USER CONTENT

Allakuliev Mirjalol Davronbekovich,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. This article examines one of the most complex and relevant problems of modern tort law, namely the distribution of responsibility for harmful content posted by users on digital platforms. The author analyzes the contradiction between the need to protect the rights of victims of defamation, hate speech, and intellectual property infringements, on the one hand, and the imperatives of safeguarding freedom of expression and fostering the development of the digital economy, on the other. Based on a comparative legal analysis of the legislation of the USA, the European Union, Great Britain, Germany, and other jurisdictions, the author identifies three main models of legal regulation: the American model of broad platform immunity in accordance with Section 230, the European model of exemption from liability based on the notification and removal of content (notice and takedown) mechanism, and the German model of differentiated liability. During the study, it was revealed that the legislation of the Republic of Uzbekistan critically lacks special norms regulating the responsibility of digital platforms, in connection with which a set of measures to modernize national legislation in this area was proposed.

Keywords: digital platforms, social networks, intermediary liability, user-generated content, online defamation, content moderation, freedom of expression, notice and takedown, Section 230, Digital Services Act

Kirish

Raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi va Internet tarmog'ining keng qo'llanishi axborotni yaratish, tarqatish va iste'mol qilish usullarini tubdan o'zgartirdi, butun dunyo bo'ylab milliardlab odamlar uchun asosiy muloqot muhitiga aylangan raqamli platformalar ekotizimini vujudga keltirdi. Ijtimoiy tarmoqlar, videoxosting, onlayn-marketpleyslar, blog-platformalar, forumlar va foydalanuvchilar kontentiga asoslangan boshqa xizmatlar so'z erkinligi, fikr almashish, ijtimoiy o'zaro ta'sir va

iqtisodiy faoliyat uchun misli ko'rilmagan imkoniyatlar yaratdi (Benkler, 2006). Har bir internet foydalanuvchisi global auditoriyaga yetib boradigan noshirga aylanishi mumkin bo'lgan axborot ishlab chiqarish va tarqatishni demokratlashtirish ko'pchilik tomonidan so'z erkinligi va fikrlar xilma-xilligi g'oyalarini ro'yobga chiqaradigan raqamli asrning eng katta yutug'i sifatida baholanmoqda (Balkin, 2018). Biroq kontent yaratish va tarqatishning xuddi shu erkinligi uchinchi shaxslarning huquqlari va qonuniy manfaatlariga zarar yetkazish xavfini keltirib

chiqaradi. Raqamli platformalar fuqarolar va tashkilotlarning sha'ni, qadr-qimmati va ish-bilarmonlik obro'sini tugatuvchi diffamatsion materiallarni tarqatish, millatlararo va diniy nafratni qo'zg'atish, zo'ravonlik va terrorizmga chaqirish, bolalarga oid pornografiya va boshqa noqonuniy kontentni tarqatish, mualliflik huquqini buzish, iste'molchilarni chalg'ituvchi reklama va qalbaki mahsulotlarni sotish orqali aldash uchun ishlatiladi (Citron et al., 2011). Internet tomonidan taqdim etilgan anonimlik yoki psevdonimiya tajovuzkor va noqonuniy xatti-harakatlar uchun ijtimoiy va huquqiy to'siqlarni kamaytiradi, bu esa onlayn taqiqlash hodisasiga olib keladi (Suler, 2004).

Raqamli platformada zararli kontent e'lon qilinganda, javobgarlikni taqsimlash bo'yicha fundamental savol tug'iladi: platforma kontent muallifi bilan teng darajada javobgar bo'lishi kerakmi yoki u faqat foydalanuvchilari e'lon qilgan narsalar uchun javobgar bo'lmagan neytral texnik vositachimi? An'anaviy delikt huquqi birlamchi noshir, ya'ni nashr mazmunini nazorat qiluvchi va uning uchun to'liq javobgar bo'lgan shaxs hamda ikkilamchi tarqatuvchi, masalan, kitob do'koni yoki gazeta kioski o'rtasida aniq farqni ishlab chiqdi (Restatement (Second) of Torts § 581, 1977). Biroq raqamli platformalar ushbu toifalarning hech biriga teng ravishda mos kelmaydi.

Bir tomondan, platformalar kontentni mustaqil ravishda yaratmaydi, balki faqat foydalanuvchilarni joylashtirilishi uchun faqat texnik infratuzilmani ta'minlaydi, bu esa ularni passiv vositachilarga yaqinlashtiradi. Boshqa tomondan, zamonaviy platformalar kontentni saqlash va uzatishdan tashqari, moderatsiya mexanizmlari orqali uni faol ravishda saralaydi, tavsiya algoritmlari yordamida tarbiyalaydi, maqsadli reklama orqali monetizatsiya qiladi va ko'pincha foydalanuvchi nashrlarining sarlavhalari yoki tavsiflarini tahrirlaydi yoki sharhlaydi, ularga

faol nashriyotchilar xususiyatlarini beradi (Gillespie, 2018). Bundan tashqari, platformalar auditoriyani jalb qiladigan va reklama daromadlarini keltiradigan foydalanuvchi kontentidan bevosita iqtisodiy foyda oladi (Zuboff, 2019).

Raqamli platformalar javobgarligini huquqiy tartibga solish bir nechta raqobatdosh qadriyatlar va manfaatlar o'rtasida muvozanatni topishi kerak. Birinchidan, noqonuniy kontentdan zarar ko'rganlarning huquqlarini samarali himoya qilish zarur. Ikkinchidan, foydalanuvchilarning so'z erkinligini saqlab qolish va platformalar javobgarlik xavfidan qo'rqib, har qanday potensial bahsli kontentni bloklaydigan umumiy senzura rejimini yaratmaslik zarur (Balkin, 2014). Uchinchidan, raqamli iqtisodiyotning innovatsion rivojlanishini ta'minlash va platformalarga, ayniqsa, kichik va o'rta platformalarga, milliardlab foydalanuvchi kontentini monitoring va nazorat qilish bo'yicha haddan tashqari yuk yuklamaslik zarur (Goldsmith & Wu, 2006).

O'zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksi sha'ni, qadr-qimmati va ish-bilarmonlik obro'sini tugatuvchi ma'lumotlarni tarqatish uchun delikt javobgarligi to'g'risida umumiy normalarni o'z ichiga oladi, ming yigirma birinchi moddada ma'naviy zararni, zarar yetkazuvchining aybi nisbatidan qat'i nazar, qoplashni belgilaydi. Biroq qonunchilik foydalanuvchilar tomonidan bunday ma'lumotlar tarqatiladigan vositachi sifatidagi raqamli platformalar javobgarligini tartibga soluvchi maxsus normalarga ega emas. Bu huquqiy noaniqlikni keltirib chiqaradi va platformalarga nashriyotchi sifatidagi javobgarlik to'g'risidagi umumiy normalarni qo'llash xavfini yaratadi, bu mamlakatda internet-sanoatining rivojlanishini tahdidli oqibatlarga olib kelishi mumkin.

Ushbu tadqiqotning dolzarbligi O'zbekistonda raqamli platformalar javobgarligini tartibga solishning muvozanatli yondashuvini ishlab chiqish zarurati bilan bog'liq

bo'lib, u xalqaro tajriba va eng yaxshi amaliyotlarni, shuningdek, milliy huquqiy tartib, madaniy an'analar va raqamli iqtisodiyotni rivojlantirishning strategik maqsadlarini hisobga oladi. Ishning maqsadi foydalanuvchi kontenti uchun platformalar javobgarligi muammolarini kompleks tahlil qilish, rivojlangan yurisdiksiyalarda qo'llanadigan huquqiy tartibga solishning turli modellarini o'rganish va fuqarolar huquqlarini samarali himoya qiluvchi, so'z erkinligini saqlovchi va raqamli texnologiyalarning innovatsion rivojlanishi uchun rag'batlar yaratuvchi huquqiy muhitni yaratishda O'zbekiston qonunchiligini modernizatsiya qilish bo'yicha aniq takliflarni ishlab chiqishdir.

Metodlar

Javobgarlik masalalarini tahlil qilishdan oldin, raqamli platformalarning heterojenligini va ularning funksional xususiyatlari, kontent ustidan nazorat darajasi va biznes-modellaridagi farqlarini tan olish zarur, bu differensiallashgan huquqiy tartibga solish zaruriyatini keltirib chiqaradi. Raqamli platformalar umumiy atamasi ostida passiv xosting-provayderlardan tortib, foydalanuvchi kontentini faol kuratorlik qiluvchi, reytinglashtiruvchi va monetizatsiya qiluvchi yuqori integratsiyalashgan ijtimoiy tarmoqlargacha g'oyat xilma-xil xizmatlar birlashtirilgan (Keller, 2019).

Spektrning bir uchida veb-saytlar xosting, bulutli saqlash yoki tarmoq aloqasi provayderlari kabi asosiy texnik infratuzilma provayderlari joylashgan bo'lib, ular kontent mazmunini nazorat qilmasdan avtomatik uzatish yoki vaqtinchalik keshlashni amalga oshiradilar. Bu xizmatlar telefon tarmog'i yoki pochta xizmatiga o'xshash neytral aloqa kanallari sifatida ishlaydi va ular kontentning noqonuniy tabiati haqida bilmasalar va mexanik ravishda harakat qilsalar, ular orqali uzatiladigan kontent uchun ularning javobgarligi an'anaviy ravishda istisno etiladi (European Parliament & Council of the EU, 2000).

Spektrning qarama-qarshi uchida yuqori tahririyat nazoratiga ega platformalar joylashgan bo'lib, ular foydalanuvchilar tomonidan joylashtirilgan kontentni faol ravishda tanlab, kuratorlik qiladi va tahrir qiladi, batafsil tahririyat siyosatlarini qo'llaydi, nashr oldidan kontentni tekshirish uchun professional moderatorlarni yollaydi va aslida o'z axborot mahsulotini yaratish uchun foydalanuvchi kontentidan xomashyo sifatida foydalanadigan an'anaviy nashriyotchilar sifatida ishlaydi. Bunday platformalar uchun javobgarlikdan ozod qilish argumentlari ancha zaifdir va ular an'anaviy media javobgarligiga o'xshash javobgarlikni o'z zimmlariga olishlari kerak (Tushnet, 2008).

Bu qutblar o'rtasida minimal moderatsiyaga ega forumlar va e'lonlar taxtalari, kontentni yaratish uchun foydalanuvchilarga vositalar taqdim etadigan, lekin shikoyatlar olguncha uning mazmunini nazorat qilmaydigan blog-platformalar, foydalanuvchi shikoyatlari bo'yicha reaktiv kontentni o'chirish bilan birgalikda avtomatlashtirilgan moderatsiya tizimlaridan foydalanadigan ijtimoiy tarmoqlar, noqonuniy kontentni aniqlash uchun algoritmik tizimlarni qo'llaydigan videoxostinglar, sotuvchilar va tovarlarning qonuniyligini tekshiradigan onlayn-marketpleyslarni o'z ichiga olgan juda xilma-xil oraliq shakllar mavjud (Matias, 2019). Bu toifalarning har biri uchun platformaning kontent ustidan nazorat darajasini va uning noqonuniy materiallarning nashr etilishining oldini olish qobiliyatini aks ettiruvchi turli javobgarlik rejimlari asoslanishi mumkin.

Differensiallashning tanqidiy muhim omili joylashtirilayotgan kontent tabiati va u bilan bog'liq xatarlardir. Forumdagi matnli xabarlarini e'lon qilish bolalarga oid pornografiya yoki ekstremistik materiallarni o'z ichiga olishi mumkin bo'lgan videokontent joylashtirishdan yoki qalbaki, yoki xavfli bo'lishi mumkin bo'lgan tovarlarni marketpleysda sotishdan boshqa xatarlarni keltirib chiqaradi va boshqa nazorat choralarini talab

qiladi. Shunga mos ravishda, huquqiy tartibga solish yuqori xavfli kontent toifalariga ixtisoslashgan platformalar uchun monitoring va nazorat bo'yicha qattiqroq majburiyatlar belgilashi, umumiy kommunikatsion platformalar uchun esa liberal tartibni saqlab qolishi mumkin (Helberger et al., 2018).

Yana bir muhim omil platformaning hajmi va kontent nazorat tizimlarini joriy etish bo'yicha uning texnik va moliyaviy imkoniyatlaridir. Facebook, YouTube yoki Amazon kabi milliardlab dollar daromad va minglab xodimga ega bo'lgan yirik global platformalar noqonuniy materiallarni aniqlash uchun sun'iy intellektni qo'llash va bahsli kontentni tekshirish uchun moderatorlar armiyasini yollashni o'z ichiga olgan murakkab avtomatlashtirilgan va qo'lda moderatsiya tizimlarini yaratish uchun resurslarga ega (Roberts, 2019). Aksincha, kichik va o'rta platformalar, startaplar va notijorat xizmatlar o'xshash tizimlarni joriy etish uchun moliyaviy va texnik imkoniyatlarga ega bo'lmasligi mumkin va ularga bir xil majburiyatlarni yuklash ularning bozordan tashlanishiga va raqamli ekotizimning bir necha gigantlar qo'lida mustahkamlanishiga olib kelishi mumkin (Bridy, 2018).

Natijalar

Bu mulohazalar barcha platformalar uchun asosiy majburiyatlarni belgilovchi, lekin yirik platformalar, yuqori xavfli kontent ixtisoslashtirilgan platformalar va yuqori tahririyat nazoratiga ega platformalar uchun kuchaytirilgan talablarni nazarda tutuvchi differensiallashgan tartibga solish zarurligini asoslaydi. Bunday yondashuv Yevropa Ittifoqi tomonidan yaqinda qabul qilingan Raqamli xizmatlar to'g'risidagi aktda amalga oshirilgan bo'lib, u platformaning hajmi va roliga qarab darajalangan majburiyatlar tizimini joriy etadi (European Parliament & Council of the European Union, 2022).

Amerika Qo'shma Shtatlari tarixan raqamli platformalar javobgarligini tartibga solishning eng liberal yondashuvini tanladi, ming

to'qqiz yuz to'qson oltinchi yildagi Kommunikatsiyalarda odob to'g'risidagi Qonunning ikki yuz o'ttizinchi bo'limida foydalanuvchilar tomonidan joylashtirilgan kontent uchun interaktiv kompyuter xizmatlarining keng immunitetini mustahkamladi (Communications Decency Act, 47 U.S.C. § 230, 1996). Ikki yuz o'ttizinchi bo'lim ikkita asosiy qoidani belgilaydi: birinchidan, interaktiv kompyuter xizmati provayderi yoki foydalanuvchisi boshqa axborot kontenti provayderi tomonidan taqdim etilgan har qanday axborotning noshiri yoki ma'ruzachisi sifatida ko'rib chiqilmasligi kerak; ikkinchidan, hech qanday provayder yoki interaktiv kompyuter xizmati foydalanuvchisi provayder yoki foydalanuvchi nopok, haddan tashqari zo'ravon, ta'qib qiluvchi yoki boshqa yo'l bilan nomaqbul deb hisoblagan materialga kirishni cheklash yoki mavjudligini cheklash bo'yicha har qanday ixtiyoriy vijdonan harakat asosida javobgar bo'lmasligi kerak (United States Congress, 1996).

Bu qoidalar internet platformalari uchun juda keng immunitetni yaratdi, ularni platformada joylashtirilgan uchinchi shaxslarning kontentiga asoslangan fuqarolik da'volaridan, shu jumladan, diffamatsiya, shaxsiy hayotga bostirib kirish, hissiy stress yetkazish, oshkoralik huquqini buzish va boshqa ko'plab deliktlar to'g'risidagi da'volardan himoya qildi (Zeran v. America Online, Inc., 1997). Amerika sudlari ikki yuz o'ttizinchi bo'limni juda keng talqin qildi, hatto platforma kontentni tashkil etish yoki strukturalash, foydalanuvchilar tomonidan taqdim etilgan sarlavhalar yoki tavsiflarni tahrirlash yoki noqonuniy kontentdan bevosita tijorat foydasi olishda faol rol o'ynagan hollarda ham immunitetni qo'lladilar (Fair Housing Council of San Fernando Valley v. Roommates.com, LLC, 2008).

Bunday keng immunitetning asoslashi internetdagi so'z erkinligini himoya qilish va innovatsion onlayn-xizmatlarning rivojlanishini rag'batlantirish zarurati edi. Qonunchilarning ta'kidlashlariga ko'ra, agar

platformalar barcha foydalanuvchi kontenti uchun javobgar bo'lsalar, ular yo barcha nashrlarning oldindan umumiy senzurasini amalga oshirishga majbur bo'lishadi, bu interaktiv xizmatlarning hozirgi ko'rinishda ishlashini imkonsiz qiladi, yoki har qanday nazorat urinishlari tahririyat javobgarligini o'z zimmalariga olish deb talqin etilishidan xavotirlangan holda kontentni moderatsiya qilishdan butunlay voz kechishlari kerak edi (Lemley & Volokh, 2018). Ikki yuz o'ttizinchi bo'lim bu dilemmani hal qildi, platformalarga immunitetni yo'qotish xavfisiz nomaqbul kontentni moderatsiya qilish imkoniyatini kafolatladi, shuningdek, bu bilan ularni noqonuniy yoki zararli materialni ixtiyoriy ravishda olib tashlashga rag'batlantirdi.

Platformalar immunitetining Amerika modeli AQSh internet-sanoatining shakllanishida va Amerika texnologiya kompaniyalarining global yetakchilariga aylanishida muhim rol o'ynadi. Ommaviy da'volar xavfidan himoyalangan platformalar foydalanuvchilar kontentining yangi formatlarini sinab ko'rishi, o'z xizmatlarini milliardlab foydalanuvchilarga kengaytirishi va har bir ehtimoliy noqonuniy nashr uchun halokatli sud jarayonlaridan qo'rqmasdan innovatsion biznes modellarini yaratishlari mumkin edi (Kosseff, 2019). Ikki yuz o'ttizinchi bo'lim tarafdorlarining erkin va ochiq internetning asosi bo'lib, uning bekor qilinishi yoki sezilarli darajada cheklanishi raqamli makonni qat'iy nazorat qilnadigan muhitga aylantirish va javobgarlik xavfini o'z zimmasiga olishga qodir bo'lgan bir nechta yirik platformalarning hukmronligiga olib keladi (Ruane, 2021).

Biroq keyingi yillarda 230-bo'lim turli mafkuraviy pozitsiyalardan turib qattiq tanqidga uchramoqda. Konservativ tanqidchilar asosiy texnologik platformalarning o'ng qanot qarashlarini senzura qilishda va moderatsiya qoidalarini tanlab qo'llashda ayblab, immunitet platformalarning siyosiy betaraflik va so'z erkinligi tamoyillariga rioya qilish shartiga bog'liq bo'lishi kerakli-

gini ta'kidlaydilar (Ammori, 2014). Liberal tanqidchilar platformalarning dezinformatsiya, nafrat qo'zg'atish, ta'qib va boshqa zararli kontent bilan kurashish bo'yicha harakatlarining yetarli emasligini, keng immunitet mas'uliyatli moderatsiya uchun rag'batlarni yo'q qilishi va platformalarga zararli kontentga qarshi kurashish bo'yicha sa'y-harakatlarining yetarli emasligini hamda keng immunitet mas'uliyatli moderatsiya uchun rag'batlarni yo'q qiladi va platformalarga tegishli xavflarni o'z zimmasiga olmagan holda zararli kontentdan foyda olish imkonini beradi, deb ta'kidlaydilar (Citron & Wittes, 2017).

Onlayn diffamatsiya, ta'qib va boshqa huquqbuzarliklardan jabrlanganlar kompensatsiya olishning amaliy imkoniyati yo'qligiga duch kelmoqdalar, chunki zararli kontentning anonim yoki taxallusli mualliflari ko'pincha noma'lum yoki to'lovga layoqatsiz bo'lib, zararni qoplash uchun yetarli resurslarga ega yagona subyektlar bo'lgan platformalar mutlaq immunitet bilan himoyalangan (Citron, 2009). Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, onlayn ta'qib va diffamatsiya jabrlanuvchilarning ruhiy salomatligi, martabasi va shaxsiy hayotiga jiddiy salbiy ta'sir ko'rsatadi, ammo huquqiy tizim ularni zaif qilib qo'yadi va raqamli aloqaning barcha xavflarini potensial jabrlanuvchilarga yuklaydi (Duggan, 2017).

Ushbu tanqidga javoban Amerika Kongressida 230-bo'limni isloh qilish yoki bekor qilish to'g'risida bir necha marta qonun loyihalari taqdim etildi, ammo islohot yo'nalishi bo'yicha konsensus yo'q. Takliflar daxlsizlikni to'liq bekor qilishdan tortib, uni platformalar tomonidan kontent moderatsiyasida shaffoflik va adolatlikning ma'lum standartlariga bog'lash, noqonuniy kontentning ayrim toifalari uchun istisnalar yaratish va platformaning hajmiga qarab tabaqalashtirilgan rejimni joriy etishgacha farq qiladi (Blumenthal & Hawley, 2022). Ikki ming yigirma beshinchi yil holatiga ko'ra

230-bo'limning keng ko'lamli islohoti qabul qilinmadi va platformalarning Amerika keng immunitet modeli saqlanib qolmoqda, garchi uning kelajagi qizg'in siyosiy munozaralar mavzusi bo'lib qolmoqda.

Yevropa Ittifoqi raqamli platformalarning javobgarligini tartibga solishning mutlaq immunitetga emas, balki ma'lum protsessual talablarga rioya qilish sharti bilan shartli ozod qilishga asoslangan boshqa yo'lini tanladi. Ikki mingdan elektron tijorat bo'yicha Direktiva uchta vositachilarning uchta toifasi uchun cheklangan javobgarlik rejimini o'rnatdi: oddiy ma'lumotlar uzatish provayderlari, kesh-provayderlar va xosting provayderlari (Europen Parliament & Council of the EU, 2000). Raqamli platformalar uchun eng dolzarb toifa bu xosting provayderlari, ya'ni foydalanuvchilar tomonidan taqdim etilgan axborotni saqlovchi xizmatlardir.

Direktivaning o'n to'rtinchi moddasiga muvofiq, xosting provayderi agar u noqonuniy faoliyat yoki axborot to'g'risida faktik ma'lumotga ega bo'lmasa va zararni qoplash to'g'risidagi da'volarda noqonuniy faoliyat yoki axborot oshkor qilingan faktlar yoki holatlardan bexabar bo'lsa, yoki bunday ma'lumotni olgach, axborotni o'chirish yoki unga kirishni imkonsiz qilish uchun tezkorlik bilan harakat qilgan bo'lsa, saqlangan axborot uchun javobgar bo'lmaydi (Europen Parliament & Council of the EU, 2000). Bu xabardor qilish va olib tashlash deb nomlanuvchi rejimni yaratadi, unda platforma noqonuniy kontent haqida bilmagan bo'lsa, lekin noqonuniyligi haqida bildirishnomani olgandan so'ng uni o'chirib tashlashi shart bo'lsa, javobgarlikdan ozod qilinadi.

Direktivada, shuningdek, a'zo-davlatlar provayderlarga ular tomonidan uzatiladigan yoki saqlanadigan ma'lumotlarni nazorat qilish yoki noqonuniy faoliyatdan dalolat beruvchi faktlar yoki holatlarni faol ravishda izlash bo'yicha umumiy majburiyat yuklamasligi belgilangan (Europen Parliament & Council of the EU, 2000). Umumiy monitoring maj-

buriyatlarining ushbu taqiqi platformalarni milliardlab foydalanuvchilarning kontentini tekshirishdek og'ir yukdan himoya qilishga va platformalarga texnologik betaraflikni saqlab qolgan holda passiv vositachi sifatida harakat qilish imkonini berishga qaratilgan.

Javobgarlikdan shartli ozod qilishning Yevropa modeli mutlaq daxlsizlikka amerikacha yondashuv va noshirlar javobgarligi bo'yicha an'anaviy me'yorlar o'rtasidagi murosas hisoblanadi. Bir tomondan, u platformalar nashrdan oldin foydalanuvchilarning barcha kontentini amalda nazorat qila olmasligini va foydalanuvchilar tomonidan joylashtirilgan barcha noqonuniy materiallar uchun avtomatik ravishda javobgar emasligini tan oladi. Boshqa tomondan, u platformalar noqonuniy kontent haqidagi xabarlariga tezkor javob berish bo'yicha muayyan majburiyatlarga ega ekanligini va ularga ma'lum bo'lgan aniq qoidabuzarliklarni to'liq e'tiborsiz qoldira olmasligini belgilaydi (Edwards, 2011).

Biroq Direktivani amalda qo'llash bir qator jiddiy muammolarni yuzaga chiqardi. Birinchidan, mazmunning noqonuniyligi to'g'risidagi faktik bilim tushunchasi noaniq bo'lib qolmoqda va turli a'zo-davlatlar va sudlar tomonidan turlicha talqin qilinmoqda. Ba'zi yurisdiksiyalar faqat kontentning mavjudligi haqida xabar berishni, boshqalari uning noqonuniyligini batafsil asoslashni, uchinchilari esa noqonuniylik to'g'risidagi sud qarorini talab qiladi (Peguera, 2009). Ikkinchidan, kontentni tezda o'chirishni tashkil etadigan yagona standartlar mavjud emas va platformalar shikoyatlarga javob berishni kechiktirishi mumkin, bu esa rasmiy javobgarlikdan qochadi (Urban & Quilter, 2006). Uchinchidan, xabardor qilish va olib tashlash mexanizmi suiiste'mol qilish xavfini keltirib chiqaradi, bunda shikoyatchilar qonuniy kontentni olib tashlash uchun asossiz so'rovlar yuboradilar va platformalar javobgarlikdan qo'rqib, shikoyatning asosililigini tekshirmasdan bahsli materialni olib tashlaydilar (Laidlaw, 2010).

Mazkur muammolar va raqamli ekotizim evolyutsiyasiga javoban Yevropa Ittifoqi ikki ming yigirma ikkinchi yilda Elektron tijorat to'g'risidagi Direktiva bilan o'rnatilgan rejimni modernizatsiya qiluvchi va kengaytiruvchi Raqamli xizmatlar to'g'risidagi aktni qabul qildi (European Parliament & Council of the European Union, 2022). Aktda vositachilar uchun shartli ozod qilishning asosiy prinsipi saqlanib qolgan, biroq platformalarning protsessual majburiyatlari batafsil bayon etilgan va platformaning hajmi va roliga qarab differensiallashtirilgan rejim joriy etilgan.

Raqamli xizmatlar to'g'risidagi akt xabarnoma va kontentni o'chirish tartibiga batafsil talablarni belgilaydi, jumladan, xabarnomada noqonuniy kontentning aniq joylashuvi, uning noqonuniyligini asoslash, ariza beruvchining aloqa ma'lumotlarini ko'rsatish va ma'lumotlarning to'g'riligi haqida vijdonan bayonot berish majburiyatlarini o'z ichiga oladi (European Parliament & Council of the European Union, 2022). Platformalar aniq va foydalanish mumkin bo'lgan xabardor qilish tartiblarini ta'minlashi va ularni ortiqcha kechiktirmasdan qayta ishlashi kerak. Kontentlari o'chirilgan foydalanuvchilar o'chirish sabablari ko'rsatilgan xabarnoma olishlari va platformaning qarori ustidan shikoyat qilish imkoniyatiga ega bo'lishlari kerak (European Parliament & Council of the European Union, 2022).

Yevropa Ittifoqida qirq besh milliondan ortiq foydalanuvchini qamrab olgan yirik platformalar uchun qonun kuchaytirilgan majburiyatlarni belgilaydi, xususan, ularning xizmatlari tomonidan yaratilgan tizimli xavflarni, shu jumladan, noqonuniy kontentni tarqatish, asosiy huquqlarga salbiy ta'sir va ularning xizmatlarini manipulyatsiya qilishni har yili baholash zarurligini ta'kidlaydi (European Parliament & Council of the European Union, 2022).

Platformalar aniqlangan xavflarni kamaytirish uchun oqilona, muvozanatli va samarali choralarni ko'rish kerak, bu interfeys

dizaynini, tavsiya algoritmlarini, foydalanish shartlarini va kontentni moderatsiya qilish talablarini moslashtirishni o'z ichiga olishi mumkin (European Parliament & Council of the European Union, 2022). Juda katta platformalar, shuningdek, reyting va tavsiya algoritmlarining shaffofligini ta'minlashi, foydalanuvchilarga profillashtirishga asoslanmagan muqobil reyting tizimlarini tanlash imkonini berishi va tadqiqotchilarga tizimli xavflarni o'rganish uchun tadqiqotchilarga ma'lum ma'lumotlarga kirishni ta'minlashi kerak (European Parliament & Council of the European Union, 2022).

Raqamli xizmatlar to'g'risidagi akt bugungi kunga qadar raqamli platformalarning javobgarligini har tomonlama tartibga solish, jabrlanuvchilarning huquqlarini himoya qilish, so'z erkinligini saqlash va platformalarning shaffofligi va hisobdorligini ta'minlash o'rtasidagi muvozanatni saqlashga qaratilgan eng katta urinish bo'lib qolmoqda. Biroq yangi rejimning samaradorligi amalga oshirish va huquqni qo'llash sifatiga, shuningdek, nazorat qiluvchi organlarning tezkor texnologik o'zgarishlarga moslashish qobiliyatiga bog'liq bo'ladi (Kuczerawy, 2023).

Germaniya 2017-yilda NetzDG deb nomlanuvchi Ijtimoiy tarmoqlarda ijro standartlari to'g'risidagi qonunni qabul qilib, noqonuniy kontentga qarshi kurashish uchun platformalarga qat'iyroq talablar qo'yishda Yevropa mamlakatlari orasida yetakchi rol o'ynadi (Network Enforcement Act, 2017). Qonun, ayniqsa, migratsiya inqirozi va o'ng qanot populizmining o'sishi sharoitida ijtimoiy tarmoqlarda nafratli nutq, tuhmat va boshqa noqonuniy kontent tarqalishi ko'lamidan xavotirlar, shuningdek, platformalar tomonidan ixtiyoriy kontentni moderatsiya qilish choralarining samarasizligi sababli qabul qilindi (Heldt, 2019).

NetzDG Germaniyada ikki milliondan ortiq foydalanuvchi ro'yxatdan o'tgan ijtimoiy tarmoqlarga murojaat qiladi va aniq noqonuniy kontentni o'chirish uchun qat'iy

muddatlarni belgilaydi. Platformalar shikoyat olingan kundan boshlab yigirma to'rt soat ichida aniq noqonuniy kontentni va yetti kun ichida boshqa noqonuniy kontentni o'chirib tashlashi yoki bloklashi shart (Network Enforcement Act, 2017). Bolalar pornografiyasi yoki zo'ravonlikka oid to'g'ridan to'g'ri tahdidlar kabi qo'shimcha tekshiruv yoki huquqiy baholashni talab qilmaydigan kontent ochiqdan ochiq noqonuniy hisoblanadi. Boshqa potensial noqonuniy kontent uchun platforma belgilangan muddatda huquqiy baholash o'tkazishi kerak.

Qonunda noqonuniy kontentni olib tashlash majburiyatlariga muntazam ravishda rioya qilmaslik, ayniqsa, jiddiy qoidabuzarliklar uchun ellik million yevrogacha yetadigan sezilarli ma'muriy jarimalar ko'zda tutilgan (Network Enforcement Act, 2017). Bundan tashqari, platformalar shaffoflik bo'yicha yarim yillik hisobotlarni, jumladan, kelib tushgan shikoyatlar soni, ularni ko'rib chiqish muddatlari, o'chirilgan kontent miqdori va qaror qabul qilish tartib-qoidalarini e'lon qilishlari shart (Federal Republic of Germany, 2017). Platformalar, shuningdek, foydalanuvchilar uchun shikoyatlarni yuborishning samarali tartiblarini yaratishi, rasmiy so'rovlarni qabul qilish uchun Germaniyadagi aloqada bo'lgan shaxsni tayinlashi va kontentni o'chirish to'g'risidagi qarorlar ustidan shikoyat qilish imkoniyatini ta'minlashi kerak.

NetzDG Germaniyada ham, xalqaro miqyosda ham qizg'in munozaralarga sabab bo'ldi. Qonun tarafdorlarining ta'kidlashicha, u platformalarni yanada mas'uliyatli kontentni mo'tadillashtirishga samarali undaydi va foydalanuvchilarni qonun qabul qilinishidan oldin deyarli jazosiz tarqalgan nafratli nutq va boshqa zararli kontentdan himoya qiladi (Schwemer, 2018). Shaffoflik hisoboti ma'lumotlari shuni ko'rsatadiki, qonun kuchga kirgandan so'ng platformalar noqonuniy kontentni olib tashlash hajmini sezilarli darajada oshirdi, bu esa uning belgilangan

maqsadlarga erishishdagi samaradorligini ko'rsatadi (Echikson & Knodt, 2018).

Qonun tanqidchilari haddan tashqari senzura xavfini ta'kidlab, platformalar jarimalardan qo'rqib, bahsli kontentni uning qonuniyligini sinchkovlik bilan tekshirmasdan o'chirib tashlashini, bu esa qonuniy so'z erkinligining bostirilishiga olib kelishini ta'kidlaydilar (Cole et al., 2020). Kontentni o'chirish to'g'risida qaror qabul qilishning qisqa muddatlari murakkab vaziyatlarni to'liq huquqiy baholashga imkon bermaydi, ayniqsa, satira, parodiya, tanqid kontekstida noqonuniy bayonotlarni keltirish yoki boshqa kontekstual ifoda shakllari haqida gap ketganda (Schulz, 2018). Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, NetzDG bo'yicha platformalari tomonidan o'chirilgan kontentning katta qismi qonuniy bo'lishi mumkin, lekin platformalar har qanday potensial bahsli materialni bloklashni va ehtiyot choralarini ko'rishni Afzal ko'radi (Eifert, 2020).

Bundan tashqari, NetzDG kontentning qonuniyligini aniqlash funksiyalarini xususiy kompaniyalarga topshirib, xususiy kontentni moderatsiya qilish va davlat senzurasini o'rtasidagi chegarani yo'q qilgani uchun tanqid qilingan (Saurwein et al., 2015). Platformalar davlat sanksiyalari tahdidi ostida kontentni o'chirib tashlasa, bu ularni aslida davlat senzurasini agentlariga aylantiradi, bu esa so'z erkinligi va qonun ustuvorligi nuqtayi nazaridan xavotirlarni keltirib chiqaradi. Iboralarning qonuniyligi to'g'risidagi qarorlar moliyaviy sanksiyalar bosimi ostida korporativ moderatorlar tomonidan emas, balki mustaqil sudlar tomonidan belgilangan qonuniy tartib-qoidalar asosida qabul qilinishi kerak (Klonick, 2018).

Ushbu tanqidlarga qaramay, Germaniya yondashuvi boshqa mamlakatlardagi tartibga solish tashabbuslariga ta'sir ko'rsatdi va NetzDG elementlari Fransiya, Avstriya, Singapur va boshqa bir qator yurisdiksiyalar qonunchiligiga kiritildi (Suzor et al., 2018). Yevropa Raqamli xizmatlar to'g'risidagi akti

ham NetzDG ba'zi g'oyalarini o'z ichiga oldi, garchi foydalanuvchilarning protsessual huquqlari uchun ko'proq kafolatlar bilan muvozanatli shaklda bo'lsa ham (Gorwa et al., 2020).

Milliardlab foydalanuvchilar har kuni yuz millionlab kontentni nashr etadigan zamonaviy raqamli platformalar ko'lamida barcha kontentni qo'lda moderatsiya qilishni texnik jihatdan imkonsiz va iqtisodiy jihatdan samarasiz qiladi. Bunga javoban platformalar sun'iy intellekt va mashinali o'rganish texnologiyalariga asoslangan avtomatlashtirilgan kontent moderatsiya tizimlarini keng joriy etmoqda (Gorwa et al., 2020). Ushbu tizimlar bolalar pornografiyasi, ekstremistik materiallar, nafrat qo'zg'atish, grafik zo'ravonlik yoki spam kabi potensial noqonuniy yoki qoidalarni buzadigan kontentni avtomatik ravishda aniqlash uchun matn va tasvirlarni tasniflash algoritmlaridan foydalanadi (Gillespie, 2020).

Avtomatlashtirilgan moderatsiya tezligi va masshtabliligi jihatidan aniq afzalliklarga ega. Algoritmlar real vaqt rejimida juda katta miqdordagi kontentni qayta ishlashi, boshqa foydalanuvchilar tomonidan ko'rilishidan oldin moderatsiya qilish imkonsiz bo'lgan qoidabuzarliklarni aniqlashi va bloklashi mumkin. Mashinali o'rganish tizimlari millionlab noqonuniy kontent namunalarni o'rganishi, inson moderatoriga ko'rinmaydigan qonuniyatlar va qoidabuzarlik belgilarini aniqlashi mumkin (Seering et al., 2019). Avtomatlashtirish, shuningdek, moderatorlarni zo'ravonlik yoki bolalarga nisbatan shafqatsiz munosabat tasvirlari kabi travmatik kontentni ko'rish zaruriyatidan himoya qiladi, bu tijorat moderatorlari uchun jiddiy ruhiy salomatlik muammosi hisoblanadi (Newton, 2019).

Biroq avtomatlashtirilgan moderatsiya aniqlik, adolat va shaffoflik bo'yicha jiddiy muammolarini keltirib chiqaradi. Kontentni tasniflash algoritmlari, ayniqsa, mashina o'rganishiga asoslangan algoritmlar muqar-

rar ravishda xatolarga yo'l qo'yadi, qonuniy kontent xato tufayli korrupsiyalashgan deb tasniflanganida noto'g'ri ijobiy, noqonuniy kontent aniqlanmaganida esa noto'g'ri salbiy bo'ladi (Buolamwini & Gebru, 2018). Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, hatto eng ilg'or tizimlar ham, ayniqsa, satira, kinoya, iqtibos, qayta talqin qilish yoki muloqotning madaniy o'ziga xos shakllari kabi kontekstual ifoda shakllari uchun sezilarli xatolarga yo'l qo'yadi (Sap et al., 2019).

Ayniqsa, noto'g'ri ijobiy tasniflash xatolari qonuniy kontentning o'chirilishi yoki bloklanishiga va so'z erkinligining bostirilishiga olib keladi. Noqonuniy kontentning ayrim holatlarida o'qitilgan avtomatlashtirilgan tizimlar qoidabuzarlik belgilarini haddan tashqari umumlashtirishi va noqonuniy kontent bilan bir xil kalit so'zlar, vizual dizayn elementlari yoki naqshlarni o'z ichiga olgan keng ko'lamli huquqiy bayonotlarni bloklashi mumkin (Crawford & Paglen, 2019). Masalan, irqchilik bayonotlarini o'chirib tashlash uchun o'qitilgan tizimlar irqchilik haqidagi munozaralarni, ularning tanqidi kontekstida irqchilik bayonotlarini yoki o'zini identifikatsiya qiluvchi yoki sigmatizatsiya qiluvchi atamalarni qayta ko'rib chiqish uchun munozarali lug'atdan foydalanadigan ozchilik a'zolarining bayonotlarini keltirish orqali to'sib qo'yishi mumkin (Davidson et al., 2019).

Avtomatlashtirilgan moderatsiya tizimlarining shaffof emasligi muammoni yanada kuchaytiradi. Platformalar moderatsiya algoritmlarini tijorat siri deb hisoblaydilar va ularning ishlash tafsilotlarini oshkor qilmaydilar, buni aniqlash tizimlarini chetlab o'tishga harakat qilayotgan jinoyatchilar tomonidan manipulyatsiyaning oldini olish zarurati bilan asoslaydilar (Ananny & Crawford, 2018). Biroq bu shaffoflikning yetishmasligi avtomatlashtirilgan qarorlarning adolatlilik va aniqligini tekshirish, tizimli xurofotlar va kamsituvchi qonuniyatlarni aniqlash va noto'g'ri blokirovka haqida shikoyat qilish

imkonini deyarli yo'qqa chiqaradi (Diakopoulos, 2016). Kontent avtomatlashtirilgan tizim tomonidan o'chirilgan foydalanuvchilar ko'pincha kontentning qoidabuzarlik sifatida tasniflanishiga olib kelgan aniq sabablar va omillarni tushuntirmasdan, faqat platforma qoidalarining buzilishi to'g'risida standart xabarnoma oladilar.

Bundan tashqari, avtomatlashtirilgan tizimlar, agar ular kamsituvchi amaliyotlarni aks ettiruvchi tarixiy ma'lumotlarga o'rgatilgan bo'lsa, mavjud ijtimoiy xurofotlarni takrorlashi va mustahkamlashi mumkin (Noble, 2018). Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, kontentni moderatsiya qilish algoritmlari ma'lum bir demografik guruhlar, etnik ozchiliklar yoki siyosiy qarashlar vakillari tomonidan yaratilgan kontentni muntazam ravishda tez-tez bloklashi mumkin, bu esa ta'lim ma'lumotlarida mavjud bo'lgan yoki algoritmi ishlab chiqish jarayonida kodlangan takroriy xurofotlarni keltirib chiqaradi (Flew et al., 2019). Bunday algoritmik diskriminatsiya raqamli jamoat maydoniga teng kirish va fikrlar xilma-xilligi uchun jiddiy oqibatlarga olib kelishi mumkin.

Avtomatlashtirilgan kontent moderatsiyasini tartibga solish kontent hajmini qayta ishlashni avtomatlashtirishning texnologik zarurligini tan olish va haddan tashqari senzura va kamsitishdan yetarli darajada himoya qilishni ta'minlash o'rtasidagi muvozanatni talab qiladi. Yevropa Raqamli xizmatlar to'g'risidagi akti bu yo'nalishda qadam tashladi va platformalardan foydalanuvchilarga kontentni moderatsiya qilish qarorlariga e'tiroz bildirish va bunday qarorlarning asoslarini tushuntirish imkoniyatini berishni talab qiladi (European Parliament & Council of the European Union, 2022). Biroq huquqni qo'llash jarayonida avtomatlashtirilgan moderatsiya tizimlarining shaffofligi va tushunarlilik bo'yicha batafsil talablarni joriy etish va ishlab chiqish kerak bo'ladi.

Raqamli platformalarning foydalanuvchi kontenti uchun javobgarligi muammolarini

tahlil qilish va xorijiy tartibga solish tajribasini o'rganish asosida O'zbekistonda noqonuniy kontentdan jabr ko'rgan shaxslarning huquqlarini himoya qilish, so'z erkinligini saqlash va raqamli iqtisodiyotni rivojlantirishni rag'batlantirish o'rtasida muvozanatni ta'minlaydigan zamonaviy huquqiy muhitni yaratish bo'yicha aniq takliflar to'plamini shakllantirish mumkin.

Muhokama

Birinchi va eng muhim taklif foydalanuvchilar – O'zbekiston Respublikasining "Raqamli platformalar va foydalanuvchilar kontenti uchun javobgarlik to'g'risida"gi maxsus qonunini qabul qilish bo'lib, unda foydalanuvchilar tomonidan yaratilgan kontent bilan bog'liq raqamli platformalarning huquqiy maqomi, ularning huquq va majburiyatlari, kontentni moderatsiya qilish tartibi, qoidabuzarliklar uchun javobgarlik mexanizmlari tizimli ravishda tartibga solinadi. Qonun O'zbekiston sharoitiga moslashtirilgan shartli ozod qilishning Yevropa modeliga asoslanishi, noqonuniy kontent uchun jazosiz qolish xavfini keltirib chiqaradigan mutlaq immunitetning Amerika modelini ham, interaktiv xizmatlar faoliyatini imkonsiz qiladigan noshirlar sifatida platformalarning avtomatik javobgarligining an'anaviy modelini ham rad etishi kerak.

Qonunda foydalanuvchilar tomonidan joylashtirilgan kontent uchun xosting xizmatlarini ko'rsatuvchi raqamli platforma provayderi, agar u kontentning noqonuniy ekanligi haqida faktik ma'lumotga ega bo'lmasa yoki tegishli xabarnoma orqali bunday ma'lumotni olgandan so'ng kontentni o'chirish yoki unga kirishni bloklash bo'yicha zudlik bilan harakat qilmasa, ushbu kontent uchun javobgar bo'lmasligini belgilash kerak. Tegishli xabarnoma deganda, noqonuniy kontentning aniq joylashuvini, uning noqonuniyligini huquq buzilishi normalariga havolalar bilan asoslashni, ariza beruvchining aloqa ma'lumotlarini va taqdim etilgan ma'lumotlarning to'g'riligini vijdonan bayon

qilishni o'z ichiga olgan belgilangan shakldagi xabarnoma tushunilishi kerak.

Qonunda kontentning xususiyati va xarakteriga qarab platforma xabarnomalariga javob berishning tabaqalashtirilgan muddatlari belgilanishi kerak. Bolalar pornografiyasi, zo'rvonlik bilan bevosita tahdid qilish va terrorizmni qo'zg'atuvchi ekstremistik materiallar kabi ochiqdan ochiq noqonuniy va o'ta xavfli kontent toifalari uchun platforma xabarnoma olinganidan keyin yigirma to'rt soat ichida kontentni o'chirishi yoki unga kirishni bloklashi kerak. Potensial noqonuniy kontentning boshqa toifalari uchun platforma tekshiruv o'tkazishi va yetti ish kuni ichida qaror qabul qilishi kerak. Agar platforma olingan xabarnomaga qaramay, kontent qonuniy ekanligiga vijdonan ishongan bo'lsa, u olib tashlash so'rovini rad etishi mumkin, lekin da'vogarga o'z qarorining asosli tushuntirishini taqdim etishi kerak.

Qonunda kontentlari o'chirilgan yoki bloklangan foydalanuvchilar uchun protsessual kafolatlar belgilanishi kerak. Foydalanuvchi, agar bu uning aniq xavfsizligini himoya qilishga zid bo'lmasa, aniq sabablar va huquqiy asoslar, shikoyat qiluvchining ismi-sharifi va qaror ustidan shikoyat qilish imkoniyati to'g'risidagi ma'lumotlar ko'rsatilgan holda kontentni olib tashlash to'g'risida xabarnoma olishi kerak. Foydalanuvchi kontentni o'chirish to'g'risidagi qaror ustidan shikoyat qilish huquqiga ega bo'lishi kerak va platforma shikoyatni o'n to'rt kundan ortiq bo'lmagan oqilona muddatda ko'rib chiqishi va asosli qaror qilishi kerak. Agar platforma shikoyatni rad etsa, foydalanuvchi mustaqil nosudlov nizolarni hal qilish organi yoki sudga murojaat qilish huquqiga ega bo'lishi kerak.

Ikkinchi taklif – Yevropa Raqamli xizmatlar to'g'risidagi qonunida nazarda tutilgan mexanizmga o'xshash akkreditatsiyadan o'tgan ishonchli signallar tizimini yaratish. Ishonchli ogohlantirishlar sifatida noqonuniy kontentning ma'lum sohalarida maxsus tajri-

baga ega bo'lgan tashkilotlar, masalan, nafrat qo'zg'atishga qarshi kurashishga ixtisoslashgan huquqni muhofaza qilish organlari, bolalar huquqlarini himoya qilish tashkilotlari va intellektual mulk huquqlarini himoya qilish tashkilotlari sifatida tan olinishi mumkin. Akkreditatsiya qilingan ishonchli signalchilar tomonidan yuborilgan xabarnomalar platformalar tomonidan ustuvor ravishda ko'rib chiqilishi va tezlashtirilgan tekshiruvdan o'tkazilishi kerak, bunda ishonchli signalchi tomonidan yuborilgan xabarnomalarning aniqlik statistikasi monitoringi amalga oshirilishi va tizimli ravishda yuborish uchun asossiz xabarnomalar maqomi bekor qilinishi mumkin.

Uchinchi taklif O'zbekistonda ma'lum miqdorda faol foydalanuvchilarni qamrab olish mezonini bo'yicha aniqlanadigan, masalan, bir milliondan ortiq foydalanuvchiga ega bo'lgan yirik raqamli platformalar uchun shaffoflik majburiyatlarini belgilashdir. Yirik platformalar buzilishlar toifalari bo'yicha taqsimlangan holda olingan noqonuniy kontent haqidagi xabarnomalar soni, o'chirilgan kontent miqdori, xabarnomalariga javob berish o'rtacha vaqti, foydalanuvchilarning kontent o'chirishga qarshi shikoyatlari soni va ularni ko'rib chiqish natijalari, avtomatlashtirilgan kontent moderatsiyasi vositalaridan foydalanish to'g'risidagi statistikani o'z ichiga olgan shaffoflik to'g'risidagi yarim yillik hisobotlarni e'lon qilishlari kerak. Hisobotlar ommaga ochiq bo'lishi va tahlil qilish uchun tartibga soluvchi organga taqdim etilishi kerak.

To'rtinchi taklif – kontentni moderatsiya qilishning avtomatlashtirilgan tizimlaridan foydalanishda maxsus talablarni belgilash. Qonun platformalarning noqonuniy kontentni aniqlash va o'chirish uchun avtomatlashtirilgan vositalardan foydalanish huquqini tan olishi kerak, lekin haddan tashqari senzura va algoritmik diskriminatsiyaga qarshi kafolatlar belgilanishi lozim. Avtomatlashtirilgan moderatsiyadan foydalanadigan platformalar foydalanuvchilarga inson-moderator tomo-

nidan qarorni qayta ko'rib chiqishni so'rash imkoniyatini ta'minlashi kerak. Avtomatlashtirilgan tizim tomonidan qabul qilingan kontent o'chirish to'g'risidagi qarorlar kontentni huquqbuzarlik sifatida tasniflash sabablarini aniq tushuntirish bilan birga bo'lishi kerak. Platformalar tizimli noto'g'ri qarashlar va kamsituvchi qonuniyatlarni aniqlash va ularni bartaraf etish choralarini ko'rish maqsadida avtomatlashtirilgan moderatsiya tizimlarining muntazam auditlarini o'tkazishlari kerak.

Beshinchi taklif O'zbekiston Respublikasi axborot-kommunikatsiya texnologiyalarini rivojlantirish agentligida platformalar tomonidan belgilangan majburiyatlarga rioya qilinishini nazorat qilish, platformalar harakatlari to'g'risidagi shikoyatlarni ko'rib chiqish, tizimli buzilishlar tergovlarini o'tkazish va ma'muriy sanksiyalarni qo'llash uchun mas'ul bo'lgan Raqamli platformalarni tartibga solish bo'yicha ixtisoslashtirilgan Departamentni yaratishdir. Departament platformalardan ma'lumot so'rash, inspeksiya o'tkazish, buzilishlarni bartaraf etish bo'yicha ko'rsatmalar berish va jarimalar solib qo'yish vakolatlariga ega bo'lishi kerak. Sanksiyalar muvozanatli va samarali bo'lishi, lekin bozorga yangi platformalarning kirishi uchun yengilib bo'lmaydigan to'siqlar yaratmasliklari uchun haddan tashqari bo'lmasligi kerak.

Oltinchi taklif kontent moderatsiyasi to'g'risidagi qarorlarga nisbatan foydalanuvchilar va platformalar o'rtasidagi nizolarni suddan tashqari hal qilish tizimini yaratishdir. O'zbekiston Savdo-sanoat palatasida yoki boshqa mustaqil organda kontentni o'chirish yoki bloklash to'g'risidagi foydalanuvchilar shikoyatlarini tezkor ko'rib chiqishi va tavsiya qarorlarini chiqarishi mumkin bo'lgan kontent moderatsiyasi to'g'risidagi nizolarni hal qilish bo'yicha ixtisoslashtirilgan organ yaratilishi kerak. Organ qarorlari huquqan majburiy bo'lmasligi kerak bo'lsa-da, platformalar ularni vijdonan ko'rib chiqishlari va tavsiyalarga rozi bo'lmagan taqdirda asosli

tushuntirishlar berishlari shart. Foydalanuvchilar suddan tashqari protsedura natijalaridan qat'i nazar sudga murojaat qilish huquqini saqlab qolishlari kerak.

Yettinchi taklif – O'zbekiston Respublikasining Fuqarolik kodeksiga raqamli platformalarga nisbatan jinoiy javobgarlik normalarini qo'llashni aniqlashtirgan holda o'zgartirishlar kiritish. 57-bobni raqamli platformalar to'g'risidagi maxsus qonunda mustahkamlangan prinsiplarga muvofiq foydalanuvchilar kontenti uchun platformalar javobgarligining alohida rejimini belgilovchi yangi modda bilan to'ldirish taklif etilmoqda. Moddada noqonuniy kontent haqidagi xabarlariga javob berish bo'yicha belgilangan tartiblarga rioya qilgan platforma, agar uning noqonuniyligi haqida faktik ma'lumotga ega bo'lmagan yoki bunday ma'lumotni olgandan keyin tezkorlik bilan harakat qilgan bo'lsa, ushbu kontent uchun javobgar emasligi aniq ko'rsatishi kerak. Bu huquqiy aniqlikni yaratadi va platformalarni foydalanuvchilarning barcha kontenti hajmi uchun halokatli da'volar xavfidan himoya qiladi.

Xulosa

O'tkazilgan tadqiqot raqamli platformalarda joylashtirilgan noqonuniy kontentdan zarar ko'rganlarning huquqlarini himoya qilish zarurati hamda so'z erkinligini ta'minlash, innovatsiyalarni rag'batlantirish va platformalarga haddan tashqari tartibga soluvchi yukni yuklamaslik zarurlari o'rtasidagi fundamental qarama-qarshilikni aniqladi. Oflayn nashriyotchilar va tarqatuvchilar dunyosi uchun ishlab chiqilgan delikt huquqining an'anaviy toifalari passiv texnik vositachilarning xususiyatlarini va faol kontentni kuratorlarning xususiyatlarini birlashtiradigan raqamli platformalar uchun nomuvofiq ekanligi aniqlandi.

Qiyosiy-huquqiy tahlil ushbu qarama-qarshilikni hal qilishning turli yondashuvlarini ko'rsatdi: platformalarning Amerika keng immunitet modelidan shartli ozod qilishning Yevropa modeligacha va noqonuniy

kontentni o'chirishning qattiq muddatlarini belgilovchi Germaniya modeligacha. Har bir model raqobatdosh qadriyatlar va manfaatlar o'rtasidagi turli muvozanatlarni aks ettirib, o'zining afzalliklari va kamchiliklariga ega.

Madaniy qadriyatlar va ijtimoiy barqarorlikni saqlab qolgan holda raqamli iqtisodiyotni rivojlantirishga intilayotgan O'zbekiston uchun aniq muddatlar va shaffoflik talablarini belgilagan Germaniya yondashuvining elementlari bilan to'ldirilgan Yevropa shartli ozod qilish modelining moslashtirilgan namunasi eng maqbul ko'rinadi. Taklif etilgan chora-tadbirlar majmui raqamli platformalar to'g'risidagi maxsus qonunni qabul qilish, kontentning xususiyati va xarakteriga qarab kontentni moderatsiya qilishning tabaqalashtirilgan tartib-taomillarini belgilash, foy-

dalanuvchilar uchun protsessual kafolatlarni yaratish, yirik platformalar uchun shaffoflik talablarini joriy etish, avtomatlashtirilgan moderatsiya tizimlaridan foydalanish standartlarini belgilash va ixtisoslashtirilgan nazorat va suddan tashqari organlarni yaratishni o'z ichiga oladi.

Ushbu takliflarni amalga oshirish qonun chiqaruvchi organlar, hukumat, sud tizimi, texnologiya sanoati va fuqarolik jamiyatining muvofiqlashtirilgan sa'y-harakatlarini talab qiladi. Biroq bu harakatlar so'z erkinligi va innovatsion rivojlanish uchun rag'batlantirishni saqlab qolgan holda raqamli makonda fuqarolarning huquqlarini samarali himoya qilishni ta'minlaydigan muhitni yaratish, O'zbekistonni zamonaviy raqamli huquqqa ega progressiv yurisdiksiya sifatida joylashtirish uchun zarurdir.

REFERENCES

1. Ammori, M. (2014). The "new" New York Times: Free speech lawyering in the age of Google and Twitter. *Harvard Law Review*, 127, 2259–2295.
2. Ananny, M., & Crawford, K. (2018). Seeing without knowing: Limitations of the transparency ideal and its application to algorithmic accountability. *New Media & Society*, 20(3), 973–989.
3. Balkin, J. M. (2014). Old-school/new-school speech regulation. *Harvard Law Review*, 127, 2296–2342.
4. Balkin, J. M. (2018). *Free speech is a triangle*. *Columbia Law Review*, 118, 2011–2056.
5. Benkler, Y. (2006). *The wealth of networks: How social production transforms markets and freedom*. Yale University Press.
6. Blumenthal, R., & Hawley, J. (2022). Platform Accountability and Consumer Transparency Act, S. 797, 117th Cong.
7. Bridy, A. (2018). Remediating social media. *Georgetown Law Technology Review*, 2, 487–532.
8. Buolamwini, J., & Gebru, T. (2018). Gender Shades: Intersectional accuracy disparities in commercial gender classification. *Proceedings of Machine Learning Research*, 81, 77–91.
9. Citron, D. K., & Norton, H. L. (2011). Intermediaries and hate speech. *Boston University Law Review*, 91, 1435–1484.
10. Citron, D. K., & Wittes, B. (2017). The Internet will not break: Denying Bad Samaritans § 230 immunity. *Fordham Law Review*, 86, 401–423.
11. Citron, K. D. (2009). Cyber civil rights. *Boston University Law Review*, 89, 61–125.
12. Cole, M., Etteldorf, C., & Ullrich, C. (2020). *Cross-border dissemination of online content*. In *Cross-border dissemination of online content* (pp. 234–256). Nomos.
13. United States Congress. (1996). Communications Decency Act, Pub. L. No. 104-104, § 230, 110 Stat. 133 (codified as amended at 47 U.S.C. § 230).
14. Crawford, K., & Paglen, T. (2019). *Excavating AI* (pp. 1–35). AI Now Institute.

15. Davidson, T., Bhattacharya, D., & Weber, I. (2019). Racial bias in hate speech and abusive language detection datasets. *Proceedings of the AAAI Conference on Web and Social Media*, 13(1), 163–172.
16. Diakopoulos, N. (2016). Accountability in algorithmic decision making. *Communications of the ACM*, 59(2), 56–62.
17. European Parliament & Council of the European Union. (2000). Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (E-Commerce Directive) (OJ L 178, p. 1). Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2000/31/oj>
18. Duggan, M. (2017). *Online harassment 2017*. Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/internet/2017/07/11/online-harassment-2017/>
19. Echikson, W., & Knodt, O. (2018). *Germany's NetzDG: A key test for combatting online hate*. CEPS Research Report.
20. Edwards, L. (2011). Role and responsibility of internet intermediaries. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*, 2, 1–18.
21. Eifert, M. (2020). Reclaim autonomy! *German Law Journal*, 21, 45–62.
22. European Parliament & Council of the European Union. (2022). *Regulation (EU) 2022/2065 on a single market for digital services (Digital Services Act)*. EUR-Lex. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R2065>
23. Fair Housing Council v. Roommates.com, LLC, 521 F.3d 1157. (2008). 9th Cir.
24. Flew, T., Martin, F., & Suzor, N. (2019). Internet regulation as media policy: Rethinking the question of digital communication platform governance. *Journal of Digital Media & Policy*, 10(1), 33–50.
25. Gillespie, T. (2018). *Custodians of the internet: Platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media*. Yale University Press.
26. Gillespie, T. (2020). Content moderation, AI, and the question of scale. *Big Data & Society*, 7(2), 1–5.
27. Goldsmith, J., & Wu, T. (2006). *Who controls the Internet? Illusions of a borderless world*. Oxford University Press.
28. Gorwa, R., Binns, R., & Katzenbach, C. (2020). Algorithmic content moderation: Technical and political challenges in the automation of platform governance. *Big Data & Society*, 7(1), 1–15.
29. Helberger, N., Pierson, J., & Poell, T. (2018). Governing online platforms. *Information, Communication & Society*, 21, 163–176.
30. Heldt, A. (2019). Reading between the lines and the numbers. *Internet Policy Review*, 8, 1–20.
31. Keller, D. (2019). Platform content regulation. *Internet Policy Review*, 8, 1–22.
32. Klonick, K. (2018). *The new governors*. *Harvard Law Review*, 131, 1598–1670.
33. Kosseff, J. (2019). *The twenty-six words that created the Internet*. Cornell University Press.
34. Kuczerawy, A. (2023). The Digital Services Act. *Computer Law & Security Review*, 48, 105–785.
35. Laidlaw, E. B. (2010). A framework for identifying internet information gatekeepers. *International Review of Law, Computers & Technology*, 24, 263–276.
36. Lemley, M. A., & Volokh, E. (2018). Law, virtual reality, and augmented reality. *University of Pennsylvania Law Review*, 166, 1051–1138.
37. Matias, J. N. (2019). The civic labor of volunteer moderators online. *Social Media + Society*, 5, 1–12.
38. Federal Republic of Germany. (2017). Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken [Act to Improve Enforcement of the Law in Social Networks; Network Enforcement Act, NetzDG], 1 October 2017, Bundesgesetzblatt I S. 3352 (Ger.). https://www.bmjbv.de/SharedDocs/Downloads/DE/Gesetzgebung/RefE/NetzDG_engl.pdf?__blob=publicationFile
39. Newton, C. (2019, February 25). *The trauma floor*. The Verge. <https://www.theverge.com/2019/2/25/18229714/cognizant-facebook-content-moderator-interviews-trauma-working-conditions-arizona>
40. Noble, S. U. (2018). *Algorithms of oppression* (pp. 89–123). New York, NY: NYU Press.

41. Peguera, M. (2009). The DMCA safe harbors and their European counterparts. *Columbia Journal of Law & the Arts*, 32, 481–512.
42. Restatement (Second) of Torts § 581. (1977). *Transmission of defamatory matter published by third person*. American Law Institute.
43. Roberts, S. T. (2019). *Behind the screen: Content moderation in the shadows of social media*. Yale University Press.
44. Ruane, K. A. (2021). How broad a shield? CRS Report R45650. Congressional Research Service.
45. Sap, M., Card, D., Gabriel, S., Choi, Y., & Smith, N. A. (2019). The risk of racial bias in hate speech detection. *Proceedings of the Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 57, 1668–1678.
46. Saurwein, F., Just, N., & Latzer, M. (2015). *Governance of algorithms*. *Policy & Internet*, 7, 394–411.
47. Schulz, W. (2018). Regulating intermediaries to protect privacy online. *Internet Policy Review*, 7, 1–13.
48. Schwemer, S. F. (2018). Germany's NetzDG. *Transatlantic High Tech Law & Policy*, 1, 1–12.
49. Seering, J., Wang, T., Yoon, J., & Kaufman, G. (2019). *Moderator engagement and community development in the age of algorithms*. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 3, Article 1–25.
50. Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *Cyberpsychology & Behavior*, 7(3), 321–326.
51. Suzor, N., Van Geelen, T., & Myers West, S. (2018). *Evaluating the legitimacy of platform governance*. *Social Media + Society*, 4, 1–14.
52. Tushnet, R. (2008). Power without responsibility: Intermediaries and the First Amendment. *George Washington Law Review*, 76, 986–1016.
53. Urban, J. M., & Quilter, L. (2006). Efficient process or “chilling effects”? *Santa Clara Computer & High Technology Law Journal*, 22, 621–693.
54. *Zeran v. America Online, Inc.*, 129 F.3d 327. (1997). (4th Cir). <https://www.eff.org/issues/cda230/cases/zeran-v-america-online-inc>
55. Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism*. PublicAffairs.

Kelib tushgan / Получено / Received: 17.11.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./CXBL4766

UDC: 349.6(045)(575.1)

YEROSTI SUVLARI BILAN BOG'LIQ QONUNCHILIKNI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI

Otamirzayev Oybek Murodullo o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Ekologiya huquqi kafedrası o'qituvchisi
ORCID: 0009-0003-6947-3949
e-mail: otamirzaev2107@gmail.com

Annotatsiya. Bugungi kunda yerosti suvlari bilan bog'liq munosabatlarni huquqiy tartibga solish zarurati tobora ortib bormoqda, chunki bu resurslar davlat iqtisodiyotida muhim ahamiyatga ega. Mazkur soha bo'yicha qonunchilikdagi ziddiyatlarni bartaraf etish, bo'shliqlarni to'ldirish hamda xorij tajribasi asosida u bilan bog'liq munosabatlarni tartibga solish bugungi kunning davr talabidir. Tadqiqot jarayonida yerosti suvlarining strategik muhimligi, ulardan oqilona foydalanish mexanizmlari hamda muhofaza choralariga alohida e'tibor qaratildi. Xususan, Germaniya, Buyuk Britaniya, Ozarbayjon va boshqa yirik yurisdiksiyalar amaliyoti o'rganilib tahlil qilindi. Tadqiqotda statistik, qiyosiy-huquqiy, tarixiy-huquqiy va empirik tahlil metodlaridan foydalanilgan holda milliy qonunchilikni takomillashtirish masalalari o'rganildi. Natijada yerosti suvlari bilan bog'liq munosabatlarni tartibga solishdagi asosiy normativ huquqiy hujjat O'zbekiston Respublikasi Suv kodeksining ahamiyati, yerosti suvlari muhofazasida tutgan o'rni va unga o'zgartirishlar kiritish muhokama etildi. Yuqoridagi davlatlarning ilg'or qonunchiligidan ko'rinadiki, sohaga nazariy, amaliy, shuningdek, huquqiy jihatdan o'zgartirishlar kiritish zaruriyati yuzaga kelmoqda. Shuningdek, muallif yerosti suvlaridan foydalanish bilan bog'liq mavjud qonunchilikni takomillashtirish yuzasidan bir qator takliflarni keltirgan.

Kalit so'zlar: suv qonunchiligi, yerosti suvlari, yer qa'ri, tabiiy resurs, yerosti suvlarini muhofaza qilish

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННОГО С ПОДЗЕМНЫМИ ВОДАМИ

Отамирзаев Ойбек Муродулло угли,
преподаватель кафедры «Экологическое право»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В настоящее время необходимость правового регулирования отношений, связанных с подземными водами, неуклонно возрастает, поскольку данные ресурсы имеют важное значение для экономики государства. Современные реалии требуют устранения противоречий в законодательстве, восполнения пробелов, а также регулирования указанных отношений с учётом зарубежного опыта. В ходе исследования особое внимание уделено стратегической значимости подземных вод, механизмам их рационального использования и мерам по их охране. В частности, изучены и проанализированы практика Германии, Великобритании, Азербайджана и других крупных юрисдикций. На основе применения

статистического, сравнительно-правового, историко-правового и эмпирического методов исследованы вопросы совершенствования национального законодательства. В результате рассмотрены значение Водного кодекса Республики Узбекистан как основного нормативно-правового акта, регулирующего отношения, связанные с подземными водами, его роль в их охране, а также необходимость внесения в него изменений. Анализ опыта вышеуказанных государств свидетельствует о назревшей потребности внесения теоретических, практических и правовых изменений в данную сферу. Кроме того, автор выдвигает ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего использование подземных вод.

Ключевые слова: водное законодательство, подземные воды, недра, природные ресурсы, охрана подземных вод

ISSUES OF IMPROVING LEGISLATION RELATED TO GROUNDWATER

Otamirzaev Oybek Murodullo ugli,

Lecturer of the Department of Environmental Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. Today, the need for legal regulation of relations related to groundwater is growing, since these resources are of great importance in the state economy. Eliminating contradictions in the legislation in this area, filling gaps, and regulating relations related to it on the basis of foreign experience is a pressing need of the day. During the research, special attention was paid to the strategic importance of groundwater, mechanisms for its rational use, and protection measures. In particular, the practice of Germany, Great Britain, Azerbaijan, and other major jurisdictions was studied and analyzed. The study examined issues of improving national legislation using statistical, comparative legal, historical-legal, and empirical analysis methods. As a result, the importance of the Water Code of the Republic of Uzbekistan, the main regulatory legal document regulating relations related to groundwater, its role in groundwater protection, and amendments to it were discussed. The advanced legislation of the above countries shows that there is a need to introduce theoretical, practical, and legal changes in the field. The author also made a number of proposals for improving the existing legislation related to the use of groundwater.

Keywords: water legislation, groundwater, subsoil, natural resource, groundwater protection

Kirish

Bugungi kunda yerosti suvlarining muhofazasida asosiy o'rinni qonunchilikni takomillashtirish egallaydi. Bu orqali kelgusida qonunchilikdagi kollizion holatlar kelib chiqishining oldini olish, qonunchilikdagi kamchiliklarni bartaraf etish mumkin. Ularni takomillashtirish, qonunchilikdagi bo'shliqlarning oldini olish orqali yerosti suvlarining huquqiy muhofazasi kuchaytiriladi va foydalanish qoidalari qat'iylashtiriladi (Narzullayev, 2021).

Tabiat obyektlari muhofazasining to'g'ri yo'lga qo'yilganligi undagi davlat boshqaruvi va nazoratining shakllanishi bilan ifodalana-

di. Xususan, Sh. Fayziyevning e'tiroficha, har qanday davlatning ekologik siyosati atrof tabiiy muhit sohasidagi davlat boshqaruvi va nazorati bilan chambarchas bog'liq hamda ekologik siyosat ekologiya sohasidagi davlat boshqaruvi va nazoratining tizimli ifodasidir (Fayziyev, 2004).

So'nggi yillarda mamlakatimizda amalga oshirilayotgan keng qamrovli islohotlar doirasida davlat hokimiyati va boshqaruvi organlarining suvga doir munosabatlari, suvdan foydalanish va uni muhofaza qilishni tartibga solish sohasidagi vakolatlari takomillashtirilib, bu o'zgartirishlar qonunlarda aks ettirilmoqda.

Bu bilan davlat hokimiyati va boshqaruvi organlarining suvga doir munosabatlarni tartibga solish sohasidagi vakolatlari kuchaytirilmoqda. Bunda hukumat zimmasiga suv xo'jaligini rivojlantirish, suvni oqilona boshqarish, suvdan samarali foydalanish, suv tanqisligining salbiy ta'sirini yumshatish va suvga doir boshqa dasturlarni tasdiqlash, shuningdek, suvni tejaydigan texnologiyalarni joriy qilishni davlat tomonidan qo'llab-quvvatlash tartibini tasdiqlash masalalari yuklatildi.

Tabiat resurslarining bir ko'rinishi sifatida yerosti suvlarini muhofaza qilish va undan oqilona foydalanish munosabatlarida davlat va jamoatchilik nazorati hamkorligini hamda ularning sifatli ishlashini ta'minlash bugun-ning dolzarb masalasidir.

Metodlar

Yerosti suvlari bilan bog'liq munosabatlarni tartibga solishni tadqiq etishda bir qancha metodlardan foydalanildi. Jumladan, qiyosiy-huquqiy metod orqali muammoga samarali yechimlar taklif etildi. Xorijiy davlatlar tajribasidan o'tgan va yetarli huquqiy mexanizmlari yaratilgan qonunchilik to'la o'rganilib, ularni milliy qonunchiligimizga joriy etish istiqbollari tahlil qilindi.

Germaniya tajribasi o'laroq, Gamburg viloyatida 1964-yilda amalga oshirilgan ishlar yerosti suvlarini asrashda muhim qadam bo'lgan (UNESCO, 2022). Shahar hokimiyati tomonidan suv ta'minotini yaxshilash maqsadida daryo suvlarini tozalab, yerostiga o'tkazish ishlari amalga oshiriladi. Buning natijasida bugun shaharda 470 ta suv chiqaradigan yerosti nasos qudug'ini ishlatish orqali yiliga 120 mln m³ suvdan foydalaniladi. Shuningdek, ushbu yerosti suv omborlarining qonunchilikda alohida muhofazasi belgilanib, ularning ifloslanishi yoki sho'rlanishining oldi olinadi. Suv ta'minoti korxonasi 1400 ga yaqin kuzatuv quduqlaridan iborat o'z tarmog'i orqali nazoratni amalga oshiradi.

Xitoyning suv qonunlari ham yerosti suvlari darajasini nazorat qilish va kamayi-

shining oldini olish choralari ko'radi. Yer sathi cho'kishining oldini olish uchun yerosti suvlari nasoslarini nazorat qilish, boshqarish va rejalashtirish kuchaytirilgan (Xie, 2009). Agar kon yoki yerosti muhandislik ishlari yerosti suvlarining kamayishi va cho'kishiga olib keladigan bo'lsa, yashash va mehnat sharoitlariga zarar yetkazsa, mas'ul tashkilotlar zararni qoplashlari shartligi belgilangan.

Yaponiya qonunchiligida ham yerosti suvlaridan haddan tashqari tartibsiz foydalanish yoki qazilma ishlari davomida suv haydash natijasida yer cho'kib ketishining oldini olishga qaratilgan choralar nazarda tutilgan. 1956-yilgi "Sanoat suvidan foydalanish to'g'risida"gi va 1962-yilgi "Bino qurishda suvdan foydalanish to'g'risida"gi qonunlarda yerosti va yerusti suvlaridan foydalanishning turli tartiblari belgilandi (Japan International Cooperation Agency, n.d.).

Qozog'istonda sanoat obyektlarini texnologik suv bilan ta'minlashni huquqiy tartibga solish sohasidagi cheklovlar yerosti suvlariga yukni kamaytirish va yerosti suvlarining kamayishi jarayonlarini sekinlashtirish, ayrim hollarda esa oldini olish imkonini beradi. Ya'ni sanoat obyektlarini texnologik suv bilan ta'minlash masalalarini tartibga soluvchi qonunchilik yerosti suvlarini qazib olish bo'yicha quyidagi cheklovlarni shakllantirish va ta'kidlash imkonini beradi: 1) yerosti suvlari hajmini cheklash; 2) yerosti suvlarining alohida toifasini ishlab chiqarish va texnik suvlarni belgilash; 3) yerosti suvlarini qazib olish maqsadlarini belgilash: a) mineralning texnologik sxemasiga muvofiq qatlamga quyish, b) kon ishlarini ishlatish jarayonida suvsizlantirish maqsadlari uchun; 4) sanoat obyektlarini texnologik suv bilan ta'minlash uchun foydalaniladigan yerosti suvlarini qazib olish uchun alohida ruxsatnomani olishning huquqiy asosini yaratish belgilangan. Bu harakatlar yerosti suvlari muhofazasi va undan oqilona foydalanishda muhim o'rin tutadi (Borodina, 2018).

Ozarbayjon Respublikasi Suv kodeksining 88-moddasiga muvofiq, agar gaz, neft va boshqa foydali qazilmalar konlarini qidirish va ulardan foydalanish bilan bog'liq burg'ilash va boshqa foydali qazilma ishlarini bajarish chog'ida yerosti suv qatlamlari aniqlansa, foydali qazilmalarni qazib oluvchi tashkilotlar bu haqda darhol tegishli ijro etuvchi hokimiyat organlarini xabardor qilishi va belgilangan tartibda yerosti suvlarini muhofaza qilish choralari ko'rishi shart etib belgilangan (Azerbaijan Republic, 1997). Biroq milliy qonunchiligimizda – Suv kodeksi va "Yer qa'ri to'g'risida"gi Qonunda bu kabi norma mavjud emas. Faqatgina "Yer qa'ri to'g'risida"gi Qonunda ruxsatnomada ko'rsatilmagan boshqa qimmatbaho qazilmalar aniqlangan taqdirda yer qa'ridan foydalanish markazini xabardor qilish ko'rsatilgan, xolos.

Natijalar

Izlanishlar natijasida yerosti suvlari bilan bog'liq qonunchilikni takomillashtirish yuzasidan qator takliflar ilgari surilmoqda. Bu esa qonunchilikni yaxshilashga va amaliyotda turli tushunmovchiliklarning oldini olishga xizmat qiladi. Yerosti suvlari muhofazasida huquqiy, ekologik va siyosiy konsepsiyani ajratib olish zarur (Baaner et al., 2025).

Xususan, O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining "Yerosti suvlaridan foydalanishga oid ruxsat etuvchi hujjatlarni berish tartibini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi 9-sonli qaroriga ko'ra: "Yerosti suvlaridan maxsus shaklda foydalanganlik uchun ruxsatnomaning amal qilish muddati yerosti suvlarini olish texnologiyasi va limiti, sanitariya-gigiyena va atrof-muhitni muhofaza qilish talablariga rioya qilgan holda, yakka quduqlar yoki zaxiralari tasdiqlangan guruhli suv olish inshootlari, shu jumladan, galereya, buloq va termominal suv quduqlari uchun 5 yil muddatga beriladi. Yerosti suvlari zaxiralari baholanmagan vaziyatlarda 2 yil muddatga berilishi belgilandi". Qonunchiligimizda ushbu talab

bilan bog'liq kollizion holatlar mavjudligini ta'kidlash lozim.

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti-ning 2022-yil 7-dekabrda "Yerosti suv resurslarini muhofaza qilish va ulardan oqilona foydalanishni tartibga solish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida" 439-sonli qarori bilan yerosti suvlaridan umumiy tartibda, ruxsatnoma olmasdan foydalanish shakli sifatida jismoniy shaxslar tomonidan chuqurligi 25 metrgacha bo'lgan quduqlarni burg'ilash hamda sutkasiga 5 metr kubgacha hajmdagi yerosti suvlarini shaxsiy ehtiyojlar uchun yakka tartibda suv olishga ruxsat etilgan.

Mazkur qoidani yana bir asosi sifatida O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining "Yerosti suvlaridan foydalanishga oid ruxsat etuvchi hujjatlarni berish tartibini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi 9-sonli qarori bilan qabul qilingan "Yerosti suvlaridan maxsus foydalanish yoki ularni maxsus iste'mol qilish uchun ruxsatnoma berish bo'yicha davlat xizmatlari ko'rsatish" Ma'muriy reglamentining 4-bandiga asosan, jismoniy shaxslar tomonidan chuqurligi 25 metrgacha bo'lgan quduqlardan sutkasiga 5 kub metr hajmdagi yerosti suvlaridan umumiy foydalanilganda tatbiq etilmaydi deb belgilangan.

Yuqoridagi ikki asosdan jismoniy shaxslar yerosti quduqlaridan umumiy foydalanishlari uchun sutkasiga 5 kub metr, ya'ni 5000 litrgacha foydalanishlari hamda yerosti quduqlarining chuqurligi 25 metrdan oshmasligi shartligini tushunish mumkin. Xulosa qilib aytganda, foydalanish miqdori sutkasiga 5 kub metrdan oshsa yoki quduq tubi 25 metrdan oshgan taqdirda jismoniy shaxslar suvdan maxsus foydalanish uchun ruxsatnoma olishi talab etiladi. Bu tartib Suv kodeksining 56-moddasida maxsus foydalanish talablaridan biri sifatida ham belgilangan. Ammo yerosti suv qatlamlarining joylashuv chuqurligi turli mintaqalarda turlicha ekanligini, shuningdek, fuqarolarning teng huquqligini

ta'minlash maqsadida bu normani yuqoridagi ikki normativ-huquqiy hujjatdan chiqarib tashlash maqsadga muvofiq bo'ladi (Abduvaliyev, 2020).

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Yerosti suv resurslarini muhofaza qilish va ulardan oqilona foydalanishni tartibga solish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida" 439-sonli qarori 8-bandi bilan "Hududlarda yerosti suvlariga quduqlarni burg'ilash va ulardan samarali foydalanish sohasida davlat nazoratini kuchaytirish maqsadida Inspeksiya shtat jadvaliga tizim tashkilotlari boshqaruv xodimlari sonini mos ravishda qisqartirish hisobidan 13 ta inspektor lavozimini kiritish" vazifasi kiritilgan edi, biroq hanuzgacha Inspeksiya 1 nafar shtat asosida faoliyat yuritmoqda. Bu esa butun respublikada 1 nafar inspeksiya xodimi tomonidan yerosti suvlari bilan bog'liq huquqbuzarliklarni o'z vaqtida aniqlash, oldini olish hamda noqonuniy foydalanishlarga chek qo'yishni imkonsiz qilib qo'ymoqda. Bu sohada alohida yondashuv asosida nazoratni kuchaytirish maqsadida yerosti suvlari ustidan nazorat inspektorlarini joriy etish lozim.

Shuningdek, Tog'-kon, geologiya va sanoat xavfsizligini nazorat qilish inspeksiyasi faoliyatini samarali yuritishda boshqa tashkilotlar bilan hamkorlikni kuchaytirish zarur. Misol uchun, gidrogeologiya stansiyalari va Suv xo'jaligi vazirligining yerosti suvlari bilan bevosita bog'liq tashkiliy tuzilmalari (masalan, melioratsiya ekspeditsiyalari) bilan birgalikda yerosti suvlarining muhofazasi yo'lida qo'shma kelishuvlar imzolash va uni yagona integratsiyalashgan tizim orqali kuzatish rejimini yaratish zarur. Hamkorlik orqali sohada qonuniylik tamoyillari samarali o'rnatilishiga imkon yaratilishi tabiiy.

Bugungi kunda qishloq xo'jaligida zamonaviy suv tejovchi texnologiyalardan keng foydalanishga alohida e'tibor berilmoqda. Xususan, tomchilatib sug'orish amaliyotini joriy etish uchun imtiyozli kreditlar ajratil-

moqda. Shuningdek, suvsizlikka chidamli navlarni yaratish yo'lida qator ijobiy o'zgarishlarni ko'rish mumkin. Biroq ba'zi holatlarda qishloq xo'jaligi ekinlarini o'z vaqtida suv bilan ta'minlay olmaslik holatlari mavjud va natijada uzoq qilingan mehnat va xarajalar tufayli yer egalari, yerdan foydalanuvchilar va yer ijarachilari og'ir vaziyatga tushib, sohaga nisbatan ishonchsizlik kayfiyati ham shakllanishiga sabab bo'lmoqda (Rosegrant et al., 2009). Bizningcha, bu holatning oldini olish uchun Yer kodeksining 39-modda (Yer egasi, yerdan foydalanuvchi, ijarachi va yer uchastkasi mulkdorining huquqlari)siga 11-band sifatida "yer uchastkasidan suv qonunchiligi normalariga rioya etgan holda, faqat xo'jalik yoki maishiy ehtiyojlari (tadbirkorlik maqsadi bundan mustasno) uchun yerosti suv olish inshootlarini barpo etish" kiritilishi lozim. Bu ularning huquqlarini himoya qilishda va hosildorlikda ko'zlangan natijaga erishishda muhim qadam bo'ladi (Otamirzaev, 2021).

Buyuk Britaniya yer qa'ri qonunchiligiga ko'ra, yer qa'ri bilan bog'liq ishlarni amalga oshirish qator prinsiplarga asoslanadi. Milliy qonunchiligimizda ham "Yer qa'ri to'g'risida"gi Qonunning 4-moddasida yerosti boyliklariga egalik qilish va ularni tasarruf etishning, shuningdek, yer qa'ridan foydalanish hamda uni muhofaza qilishning asosiy prinsiplari belgilangan. Buyuk Britaniya yer qa'ri qonunchiligidagi bir qator prinsiplarni milliy qonunchiligimizga kiritish maqsadga muvofiq bo'lardi. Jumladan, xavflarni boshqarish (risk-management) prinsipini joriy etish maqsadga muvofiq. Chunki ushbu prinsip yer qa'ridan foydalanuvchi va egalik qiluvchilarga xavflarni boshqarish jarayonida quyidagi imkoniyatlarni beradi:

1) ekologik va ijtimoiy xavflarni baholash hamda yangi loyihalar va muhim imkoniyatlar bilan bog'liq jarayonlardagi o'zgartirishlar yuzasidan manfaatdor tomonlarga maslahatlar berish va jamoatchilikka baholash natijalarini e'lon qilish;

2) tavakkalchilikka asoslangan qazish jarayonini xavfli minerallarni qazishda tabiatga zarar yetkazmaydigan shaklda amalga oshirish uchun zarur texnologiyalarga ega foydalanuvchilarga qazilma ishlarini topshirish;

3) qazilma ishlarini amalga oshirish jarayonida ishchilarga, mahalliy aholiga hamda tabiatga yetkaziladigan yoki yetishi mumkin bo'lgan xavflarning oldini olish, minimallashtirish yoki yumshatishga asoslangan xalqaro standart yoki boshqaruv tizimini joriy etish;

4) favqulodda vaziyatlarda javob choralari ishlab chiqish, saqlash va sinovdan o'tkazish rejalarini yaratish.

Atrof-muhitni asrash prinsipi orqali ekologik munosabatlarning iqtisoddan ustunligi asosida har qanday qazilma va qidiruv ishlarini amalga oshirish davomida tabiatni asrash, tabiat obyektlariga bo'ladigan xavflarni baholash, ularning oldini olish choralari ko'rish lozim.

Shular asosida "Yer qa'ri to'g'risida"gi Qonunning 4-moddasiga quyidagi o'zgartirishlar kiritish lozim deb hisoblaymiz. Yerosti boyliklariga egalik qilish va ularni tasarruf etishning, shuningdek, yer qa'ridan foydalanish va uni muhofaza qilishning asosiy prinsiplari qatoriga quyidagi ikki prinsipni kiritish zarur:

- 1) xavflarni boshqarish prinsipi;
- 2) atrof-muhitni asrash prinsipi.

Bu prinsiplarni faqatgina "Yer qa'ri to'g'risida"gi Qonunning 4-moddasiga kiritish emas, balki qonunning barcha normalariga singdirish lozim. Bu prinsiplar nafaqat tabiatdan foydalanuvchilarning huquqlari himoyasi va atrof-muhit muhofazasi ta'minlanishiga, balki qazilma ishlarini amalga oshirishda talabgorlar ro'yxatida xorijiy investorlarning ko'payishiga, mamlakatimiz iqtisodiy salohiyatining oshishiga, sanoatning rivojlanishi hamda fuqarolarning yashash sharoitlari yaxshilanishiga xizmat qiladi.

Muhokama

Yerosti suvlarining strategik ahamiyati hamda asosan ichimlik suvi sifatida ishlatili-

shini hisobga olgan holda uning muhofazasi nozik masaladir (Klimach & Zebek, 2024).

Izlanishlar natijasida ko'rishimiz mumkin, yerosti suvlari sathi kamaygan hududlarda kelgusida turli xildagi o'simliklar yoki qishloq xo'jaligi mahsulotlarini yetishtirish murakkablashib boradi. Germaniya tajribasini qo'llagan holda yerosti suvlari sathini oshirishda xavfsiz va turli kimyoviy ifloslanishlarsiz to'ldirish muhim o'rin tutadi. Bu bilan qurg'oqchilikning oldini olish, atrof-muhitni asrab-avaylash va insonlar uchun qulay sharoitlarni yaratish mumkin.

Xitoy va Yaponiya tomonidan qo'llanilgan usullar asosan ekologik nazoratni kuchaytirishga e'tibor qaratadi. Yerosti suvlari sathini kuzatish, ularni olishga qaratilgan har bir suv inshootiga suv hisoblagichlar o'rnatish, hisoblagichlarsiz suv olish holatlariga nazorat va javobgarlikni kuchaytirish, olinayotgan suvlarning samarali ishlatilishini yo'lga qo'yish, suvlardan qayta-qayta foydalanish mexanizmlarini yo'lga qo'yish bugunning muhim vazifasidir.

Xususan, O'zbekiston Respublikasi Suv kodeksining 57-moddasi 3-qismida: "Tasdiqlanmagan zaxiralardagi foydalanishga yaroqli bo'lgan yerosti suvlaridan foydalanishda guruhli suv olish inshootlari uchun suvdan maxsus foydalanish uchun ruxsatnoma ikki yildan ko'p bo'lmagan muddatga beriladi", – deb belgilan bo'lsa, kodeksning 143-moddasi bilan ishga tushirish taqiqlangan obyektlar qatoriga yerosti suv zaxiralari tasdiqlanmagan guruhli suv olish inshootlari, shuningdek, mineral va termal suv quduqlari kiritilgan. Fikrimizcha, Suv kodeksi 143-moddasi 7-xatboshisini qonunchilikdan chiqarib tashlash maqsadga muvofiq, chunki tasdiqlanmagan yerosti suvlaridan 2 yilgacha foydalanish mexanizmi hozirga qadar amaliyotda bo'lib, bu bo'yicha ruxsatnomalar berib kelinmoqda. Bu ikki normalarning zidligi natijasida sohada turli tushunmovchiliklar kelib chiqmoqda (Otamirzayev, 2025).

Sh. Saydullayev ta'kidlaganidek, qonun hujjatlari o'rtasidagi kolliziyalar huquqni tushunishda turli yondashuvlar, qarashlarning mavjudligida va milliy huquq tizimi doirasidagi turli normalarning to'qnashuvida yuzaga keladi (Saydullayev, 2024). Bu turli tushunmovchiliklar, muhokamalar hamda hududlarda turli talqin etilishiga olib keladi. Suv kodeksi doirasida va yerosti suvlari qonunchiligi doirasida normalarni mukammal tarzda bo'lishi kelgusida soha rivojiga xizmat qiladi.

Xulosa

Yerosti suvlari bilan bog'liq qonunchilikni tahlil qilish, mavjud muammo va kamchiliklarni aniqlash natijasida bu yo'nalishda bir qator yangi normalarni kiritish va mavjud qonunchilikning ayrim qismlarini takomillashtirish zarurati ko'zga tashlanadi. Bu fuqarolarning yerosti suvlariga bo'lgan teng huquqliligini ta'minlashga xizmat qilibgina qolmay, qonunchilikdagi ziddiyatlarni

bartaraf etishda ham muhim ahamiyat kasb etadi.

Yerosti suvlari muhofazasini kuchaytirish hamda soha ustidan davlat nazorati o'rnatilishida barcha huquqiy hujjatlarni yagona kodifikatsiya shakliga keltirish amaliy yechimlardan biri bo'lib xizmat qiladi. Natijada aholining davlat boshqaruviga nisbatan ishonchi yanada oshadi (Ness, 2023).

Buyuk Britaniya, Ozarbayjon, Qozog'iston, Yaponiya kabi yerosti suvlari bo'yicha ilg'or qonunchilikka ega davlatlarning tajribasini o'rgangan holda, milliy qonunchiligimizni takomillashtirish, ulardagi zarur qoidalarini yerosti suvlarini muhofaza qilishda amaliyotga joriy etish masalalariga e'tibor qaratildi. Yuqoridagilardan xulosa qilish mumkinki, qonunchiligimizdagi ziddiyatli normalar va bo'shliqlarni bartaraf etish hamda xorijiy davlatlarning yerosti suvlaridan foydalanish bilan bog'liq ilg'or tajribalarini joriy etish soha rivojiga xizmat qiladi.

REFERENCES

1. Abduvaliev, M. (2020). Constitutional concepts of the right to freedom of movement from one place to another and legal restrictions (example of registration system). *Review of Law Sciences*, 4, 6–9.
2. Baaner, L., Anker, H. T., & Ejrnæs, R. (2025). The Water Framework Directive's protection of groundwater-dependent terrestrial ecosystems. *Ambio*, 54(5), 808–817.
3. Borodina, A. (2018). *Pravovoe regulirovanie ispolzovaniya i okhrany podzemnykh vod v Respublike Kazakhstan v usloviyakh perekhoda k "zelenoy ekonomike"* [Legal regulation of the use and protection of groundwater in the Republic of Kazakhstan in the context of transition to a green economy] [Doctoral dissertation]. Almaty.
4. Fayziev, Sh. X. (2004). *Teoreticheskie problemy pravovogo obespecheniya ekologicheskoy politiki Respubliki Uzbekistan* [Theoretical problems of legal support of environmental policy of the Republic of Uzbekistan] (p. 45). [Monograph]. Tashkent: TSUL Publ.
5. Japan International Cooperation Agency. (n.d.). *Japan's experiences on water supply development: Overview*. https://www.jica.go.jp/Resource/english/our_work/thematic_issues/water/c8h0vm0000fgpuk7-att/materials_01_01.pdf
6. Klimach, A., & Zėbek, E. (2024). Utility of water-based databases for underground water management: Legal and system perspective. *Sustainability*, 16(11), 4608.
7. Narzullaev, O. Kh. (2021). Protection of biological resources and problems of legal regulation of the use of biodiversity. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*, 3(2), 1–6.
8. Ness, S. E. (2023). Water we cannot see: Codifying a progressive public trust to protect groundwater resources from depletion. *Vanderbilt Law Review*, 76.

9. Otamirzaev, O. (2021). General legal description of groundwater in Uzbekistan. *International Journal of Human Capital and Innovative Management*, 2(2), 42–48.
10. Otamirzayev, O. (2025). *Yer osti suvlari holatida huquqiy bir nazar [A legal perspective on groundwater]* [Conference presentation]. Republican Scientific and Practical Conference on the topic of New Age Science: Innovative Ideas and Solutions for Humanity. https://konferensiyalar.uz/Respublika_anjumani/paper/view/26
11. Rosegrant, M. W., Ringler, C., & Zhu, T. (2009). Water for agriculture: Maintaining food security under growing scarcity. *Annual Review of Environment and Resources*, 34(1), 205.
12. Saydullayev, S. A. (2024). *Davlat va huquq nazariyasi [Theory of state and law]* (p. 264). Tashkent: TSUL Publ.
13. UNESCO. (2022). *Groundwater: Making the invisible visible*. Paris: UNESCO.
14. Azerbaijan Republic. (1997). Vodniy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki [Water Code of the Azerbaijan Republic]. <https://faolex.fao.org/docs/pdf/aze32664R.pdf>
15. Xie, J., Liebenthal, A., Warford, J. J., Dixon, J. A., Wang, M., Gao, S., Wang, S., Jiang, Y., & Ma, Z. (2009). *Addressing China's water scarcity: Recommendations for selected water resource management issues*. World Bank. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/996681468214808203/pdf/471110PUB0CHA0101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf>

Kelib tushgan / Получено / Received: 17.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./ZLEN8119

UDC: 349.6(045)(575.1)

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОТХОДОВ

Рахматова Дилафруз Ихтиёр кизи,

базовый докторант

Ташкентского государственного

юридического университета

ORCID: 0009-0006-2291-2475

e-mail: dilya.rakhmatova@bk.ru

Сайфуллаев Феруз Ботир угли,

пресс-секретарь компании

санитарной очистки ООО «Angren Bunyod Fayz»

ORCID: 0009-0005-6770-4699

e-mail: sayfullayevferuzbek@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с юридическим понятием электронных отходов, а также правовые аспекты обращения с ними в Республике Узбекистан. Кроме того, анализируются основы состава электронных отходов, их классификация и выделение данной категории в качестве самостоятельной фрагментальной группы в структуре общих бытовых отходов. Отмечено, что электронные отходы, или э-отходы, представляют собой использованные электронные устройства и компоненты, подлежащие утилизации, – батареи, зарядные устройства, компьютеры, мобильные телефоны, телевизоры, бытовая техника, игровые консоли и другая электроника. Электронные отходы уже стали серьёзной проблемой во всём мире, особенно в развивающихся странах, где они нередко используются для извлечения ценных материалов, несмотря на отсутствие у предпринимателей необходимого оборудования и технических средств безопасности. Из-за воздействия опасных веществ, выделяющихся при такой деятельности, лица, занимающиеся переработкой в неформальных условиях, сталкиваются с серьёзными рисками для здоровья. Таким образом, э-отходы формируют растущий массив техногенного сырья, требующего правового регулирования и создания эффективных механизмов обращения. При этом электронные отходы необходимо рассматривать не только с позиции отходов, подлежащих удалению или обезвреживанию, но и как потенциально важный вторичный источник получения металлов, относящихся к невозобновляемым природным ресурсам.

Ключевые слова: электронные отходы, мониторинг, охрана природы, устойчивое развитие, усовершенствование законодательства, твёрдые бытовые отходы, Директива Европейского союза, прогнозы, циркулярная экономика

ELEKTRON CHIQINDILARNING HUQUQIY TUSHUNCHASI

Raxmatova Dilafruz Ixtiyor qizi,
Toshkent davlat yuridik universiteti
tayanch doktoranti

Sayfullayev Feruz Botir o'g'li,
“Angren Bunyod Fayz” MChJ
Sanitar tozalash kompaniyasi
Matbuot xizmati kotibi

Annotatsiya. Maqolada elektron chiqindilarning huquqiy tushunchasi, O'zbekiston Respublikasida ularni qayta ishlashning huquqiy jihatlari bilan bog'liq masalalar ko'rib chiqilgan. Bundan tashqari, elektron chiqindilar tarkibining asoslari, uning tasnifi va ushbu toifaning umumiy maishiy chiqindilar tarkibida fragmental guruh sifatida ajratilishi tahlil etilgan. Elektron chiqindilar yoki e-chiqindilar utilizatsiya qilinishi kerak bo'lgan, foydalanish muddati tugagan elektron qurilmalar va komponentlar – batareyalar, zaryadlash qurilmalari, mobil telefonlar, kompyuterlar, televizorlar, maishiy texnika, o'yin pristavkalari va boshqa elektronikalardir. Elektron chiqindilar allaqachon butun dunyda, ayniqsa, rivojlanayotgan mamlakatlarda katta muammoga aylandi. Bu mamlakatlarda tadbirkorlar zarur jihozlari va texnik xavfsizlik vositalari bo'lmasa-da, elektron chiqindilardan qimmatbaho materiallarni ajratib olish uchun foydalanadi. Bu faoliyat natijasida ajralib chiqadigan xavfli moddalar ta'siri norasmiy qayta ishlash bilan shug'ullanuvchilar sog'lig'iga jiddiy xavfni yuzaga keltiradi. Shunday qilib, elektron chiqindilar huquqiy tartibga solish va samarali boshqarish mexanizmlarini yaratishni talab qiladigan texnogen xomashyoning tobora ko'payib borayotgan manbasini shakllantirmoqda. Bunda elektron chiqindilar nafaqat yo'q qilinishi yoki zararsizlantirilishi kerak bo'lgan chiqindi nuqtayi nazaridan, balki qayta tiklanmaydigan tabiiy resurslarga tegishli metallarni olishning potensial muhim ikkilamchi manbayi sifatida ham ko'rib chiqilishi zarur.

Kalit so'zlar: elektron chiqindilar, monitoring, tabiatni muhofaza qilish, barqaror rivojlanish, qonunchilikni takomillashtirish, qattiq maishiy chiqindilar, Yevropa Ittifoqi Direktivasi, prognozlar, aylanma iqtisodiyot

THE LEGAL CONCEPT OF ELECTRONIC WASTE LEGAL CONCEPT OF ELECTRONIC WASTE

Rakhmatova Dilafruz Ikhtiyor kizi,
Basic Doctoral student at
Tashkent State University of Law

Sayfullaev Feruz Botir ugli,
Press Secretary of the sanitary
cleaning company Angren Bunyod Fayz LLC

Abstract. The article examines issues related to the legal concept of electronic waste, as well as the legal aspects of its handling in the Republic of Uzbekistan. Furthermore, the foundations of electronic waste composition, their classification, and the identification of this category as an independent fragmented group within the structure of general household waste are analyzed. It is noted that electronic waste, or e-waste, represents used electronic devices and components subject to disposal – batteries, chargers, computers, mobile phones, televisions, household appliances, game consoles, and other electronics. Electronic waste has already become a serious problem worldwide, especially in developing countries, where it is often used to extract valuable materials, despite the lack of necessary

equipment and technical safety tools for entrepreneurs. Due to the effects of hazardous substances released during such activities, individuals engaged in processing in informal settings face serious health risks. Thus, e-waste forms a growing mass of technogenic raw materials, requiring legal regulation and the creation of effective management mechanisms. At the same time, electronic waste should be considered not only from the perspective of waste subject to removal or neutralization, but also as a potentially important secondary source for obtaining metals related to non-renewable natural resources.

Keywords: *electronic waste, monitoring, environmental protection, sustainable development, improving legislation, solid household waste, European Union Directive, forecasts, circular economy*

Введение

Сегодня основной мировой проблемой становится не выход приборов из строя, а их выход «из моды». Буквально ежедневно на рынке появляются новые смартфоны, ноутбуки, планшеты и другие устройства с ещё более продвинутыми функциями, вынуждая пользователей менять их всё быстрее. В такой ситуации проблема утилизации электронных отходов становится всё более острой.

В 2019 году объём электронных отходов, согласно отчёту Глобального мониторинга электронных отходов ООН, достиг отметки в 53,6 млн тонн, увеличившись на 21 % за последние пять лет. Это составляет около 7,3 кг выброшенной бытовой техники и электронных устройств на каждого жителя Земли. В случае сохранения текущей динамики роста к 2030 году общемировой объём электронных отходов может достичь 70–75 млн тонн (Recycle.net, n.d.).

Электронные отходы (э-отходы) представляют собой любые устройства, содержащие электрические или электронные компоненты и утратившие потребительскую ценность – заброшенные, отслужившие свой срок или более не используемые. С развитием технологий и увеличением потребления эти отходы стали значительной экологической проблемой. Можно с уверенностью утверждать, что рост количества электронных отходов представляет собой одну из наиболее существенных экологических угроз не только для Узбекистана, но и для всего мира.

В условиях стремительного технологического прогресса объём электроники, приходящей в негодность, возрастает экспоненциально. По данным Национального комитета по экологии и изменению климата Республики Узбекистан, в 2024 году объём образования электронных отходов достиг 14,1 тыс. тонн.

На протяжении длительного времени весь поток электронных отходов направлялся на объекты захоронения (полигоны, свалки). Доля электронных отходов в общем объёме твёрдых бытовых отходов (ТБО) в среднем составляет около 0,3 %, однако размещение отходов электронного оборудования на полигонах усиливает негативное воздействие на окружающую среду вследствие миграции тяжёлых и токсичных металлов. Отходы, содержащие свинец, ртуть, кадмий и другие токсичные вещества, представляют серьёзную угрозу для окружающей среды и здоровья человека (Ivanova, 2021).

В соответствии с международными стандартами к электронным отходам относятся следующие категории:

- 1) личные электронные устройства: мобильные телефоны и аксессуары, компьютеры, планшеты;
- 2) бытовая и офисная техника: холодильники, стиральные и посудомоечные машины, принтеры, факсы, телевизоры, аудиосистемы;
- 3) профессиональное оборудование: медицинская техника, средства связи и информационных технологий, промышленная электроника;

4) комплектующие и аксессуары: батареи, зарядные устройства, светодиодные лампы, жёсткие диски и другие компоненты электронных устройств.

Методы

В ходе исследования были использованы общенаучные и специальные методы научного познания: исторический, системный, научно-правовой, аналитический, логико-юридический и другие, которые позволили обеспечить достоверность и обоснованность результатов настоящего исследования.

В качестве основного материала исследования использовано национальное законодательство Республики Узбекистан, регулирующее сферу обращения с отходами, включая законы «Об отходах», «Об охране окружающей среды», подзаконные нормативно-правовые акты, а также действующие государственные стандарты. Проанализированы положения указов и постановлений Президента и Кабинета Министров, определяющие институциональные и административные механизмы управления отходами.

Так, национальная политика в области обращения с отходами в Республике Узбекистан регулируется различными нормативно-правовыми актами. Значимым шагом стал Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию системы управления отходами и снижению их негативного воздействия на экологическую ситуацию» от 4 января 2024 года № УП-5. Эти меры направлены на цифровизацию системы платежей по ТБО, поэтапное внедрение их сортировки в крупных городах, развитие зелёных инвестиций в сфере переработки и утилизации отходов, включая отходы электрического и электронного оборудования. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию и комплексной систематизации сферы переработки отходов» от 26 марта

2025 года № УП-56 определяет задачи по развитию в 2025–2027 годах системы обращения с отходами, включая создание адресного перечня экопромышленных зон для сбора, сортировки, обезвреживания, переработки, сжигания, утилизации и уничтожения отходов.

Результаты

С юридической точки зрения электронные отходы подлежат регулированию на уровне международного, национального и местного законодательства.

В теории управление в области обращения с отходами изучается, в частности в международном экологическом праве. Хотя содержание отходов в основном остаётся неизменным, их правовая природа и юридическая квалификация варьируются в зависимости от суверенных юрисдикций. Легальное превращение опасных отходов в товар, пригодный для вторичной переработки, способствует их глобальному обращению и перераспределению. Например, европейские пластиковые отходы превращаются в перерабатываемый товар в первичном секторе Египта и в итоге в производственный ресурс во вторичном секторе Китая (European Parliament and of the Council, 2012).

По мнению юриста-исследователя А.П. Ивановой, в международном праве отсутствует единое определение отходов (Ivanova, 2021). Существующие определения, закреплённые в различных международных соглашениях, напрямую зависят от их предмета. Они дают крайне мало с точки зрения концептуального или теоретического понимания отходов как правового объекта. Во-первых, такие определения настолько специфичны, что непригодны для более широкого применения: опасные, ядерные, морские или наземные отходы конструируются как специализированные и сегментированные юридические категории, что не позволяет сформировать единую глобальную правовую

основу управления отходами. Во-вторых, наблюдается неоднозначность, связанная с использованием терминов «вещество» или «объект», подлежащий «удалению». В континентальном гражданском праве одноразовый предмет может быть синонимом брошенного предмета, тогда как в общем праве понятие «удаление» включает в себя продажу с целью получения прибыли.

В результате такого функционального определения отходов и отсутствия кодификации в международном праве договоры по управлению отходами стали интерпретироваться государствами как допускающие перемещение и превращение отходов в товар по всему миру. Поскольку попытки сократить, устранить или предотвратить распространение «одноразовых отходов» систематически терпели неудачу, субъекты международного права стали рассматривать отходы как товар, перемещающийся через границы исходя из их относительной стоимости (European Parliament and of the Council, 2012).

Первой задачей любой политики в области обращения с отходами должно быть минимизирование негативных последствий генерации и управления отходами для здоровья человека и окружающей среды. Политика в области отходов также должна быть ориентирована на снижение использования ресурсов и способствовать практическому применению иерархии обращения с отходами (European Parliament and of the Council, 2008).

Таким образом, основная цель природоохранных соглашений нередко сводится не столько к защите окружающей среды, сколько к эффективному управлению и коммерциализации отходов промышленной деятельности. Ярким примером является Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. Исторически эта нормативно-правовая база

сформировалась в ответ на глобализацию обмена отходами, которая с 1970-х годов развивалась на фоне снижения транспортных расходов и одновременного роста затрат на удаление отходов в странах Севера. Такая ситуация привела к феномену, который получил название «токсичный колониализм», когда корпорации глобального Севера обходили строгие внутренние экологические нормы, направляя токсичные отходы на свалки глобального Юга.

Известные случаи, такие как инцидент с захоронением отходов в Хианском море и «дело Ко-Ко» (European Parliament and Council, 2012), наглядно продемонстрировали необходимость международного регулирования торговли опасными отходами (Carrey, 2006).

Касательно международных соглашений, призванных обеспечить более тщательный надзор над перемещением электронных отходов между государствами, следует отметить, что в отсутствие единообразных международных норм многие виды отходов в зависимости от целого ряда факторов могут рассматриваться либо как отходы, либо как опасные отходы. По общему правилу, установленному приложением VIII к Базельской конвенции 1989 года, электронные отходы относятся к категории «опасных», и, следовательно, все их трансграничные перемещения должны регулироваться положениями данной Конвенции. Вместе с тем приложение IX предусматривает исключения из этого общего правила: электрические и электронные агрегаты, предназначенные для «непосредственного повторного исследования», квалифицируются как неопасные отходы. Эта же норма подчеркивает, что в ряде государств электронные изделия, предназначенные для непосредственного повторного использования, вовсе не рассматриваются как отходы (Amankwah-Amoah, 2016).

Электронные отходы уже представляют собой серьёзную глобальную проблему, особенно в развивающихся странах, где они используются для извлечения ценных материалов при отсутствии у предпринимателей надлежащего оборудования и достаточных средств обеспечения безопасности. Воздействие опасных веществ, выделяющихся в процессе неформальной переработки, приводит к серьёзным рискам для здоровья работников. Электронные приборы могут содержать до 60 различных элементов, опасных при неправильном обращении; при их неконтролируемой утилизации загрязняются почвы и водные ресурсы, что, в свою очередь, негативно отражается на ведении сельского хозяйства во многих развивающихся странах.

Исследования показывают, что работники нередко подвергаются воздействию токсичных веществ именно вследствие слабости правовых систем, отсутствия должного контроля и недостаточного обеспечения средствами индивидуальной защиты. Одним из факторов, усугубляющих ситуацию, является недостаточная подготовка персонала в сфере охраны труда (Amankwah-Amoah, 2016).

Обращение с электронными отходами в Европейском союзе регулируется Директивой об отходах электрического и электронного оборудования (WEEE), принятой в 2012 году. Директива формирует комплексную правовую основу для повторного использования, рециркуляции и рекуперации электронных отходов. Она вводит механизм «расширенной ответственности производителей», согласно которому производители обязаны обеспечивать сбор и возврат оборудования, срок эксплуатации которого истёк (McElligott, 2020). Списанные солнечные панели подлежат бесплатному для потребителя сбору. Несмотря на имеющиеся дискуссии относительно эффективности

системы расширенной ответственности производителей, она рассматривается как перспективная модель для формирования глобальных стандартов обращения с отходами солнечных панелей.

Принятие директивы стимулировало исследования и разработку технологий утилизации солнечных панелей, направленных на снижение затрат переработки и увеличение объёмов вторичных материалов (McElligott, 2020). При этом регулятивный эффект директивы распространяется и за пределы Евросоюза: любой производитель, намеренный выводить солнечные панели на европейский рынок, обязан соответствовать её требованиям, вне зависимости от страны происхождения оборудования.

Однако Директива WEEE не лишена недостатков. В государствах – членах ЕС наблюдаются различия в подходах к определению электронных отходов, что позволяет экспортёрам выбирать юрисдикции с более гибким регулированием и избегать квалификации своей продукции как отходов (McElligott, 2020). Дополнительную проблему создаёт отсутствие в ряде стран детализированных инструкций для правоохранительных органов о том, как различать электронные отходы и бывшие в употреблении электронные устройства, предназначенные для повторного использования. Эти пробелы позволяют недобросовестным экспортёрам маскировать электронные отходы под поддержанную электронику.

В национальном законодательстве Республики Узбекистан регулирование электронных отходов осуществляется посредством широкого круга нормативных правовых актов экологической направленности. К ним относятся: Законы Республики Узбекистан «Об охране природы», «Об экологической экспертизе», «Об охране атмосферного воздуха», «О радиационной безопасности», «О насе-

лении», «О ветеринарии», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии», «Об экологическом контроле», Земельный кодекс Республики Узбекистан и другие нормативно-правовые документы. Центральное место среди актов, регулирующих обращение, сбор и утилизацию отходов, занимает Закон Республики Узбекистан «Об отходах» от 5 апреля 2002 года.

В рамках реализации государственной политики по охране окружающей среды и совершенствованию системы управления отходами принят ряд стратегических и программных актов. В их числе Указы Президента Республики Узбекистан: «О мерах по совершенствованию системы управления отходами и снижению их негативного воздействия на экологическую ситуацию» от 4 января 2024 года № УП-5; «Об утверждении Стратегии “Цифровой Узбекистан – 2030” и мерах по её эффективной реализации» от 5 октября 2020 года № УП-6079; «О Стратегии “Узбекистан-2030”» от 11 сентября 2023 года № УП-158; «Об утверждении Концепции охраны окружающей среды Республики Узбекистан до 2030 года» от 30 октября 2019 года № УП-5863; «О мерах по дальнейшему совершенствованию и комплексной систематизации сферы переработки отходов» от 24 марта 2025 года № УП-56.

Нормативное регулирование также обеспечивается постановлениями Президента и Правительства Республики Узбекистан, среди которых: постановление Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии по обращению с твёрдыми бытовыми отходами в Республике Узбекистан на период 2019–2028 годов» от 17 апреля 2019 года № ПП-4291, постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан «О совершенствовании системы мониторинга окружающей природной среды в Республике Узбекистан» от 5 сентября 2019 года № 737; «Об утверждении Положения о

порядке формирования и использования средств Фонда экологии, охраны окружающей среды и обращения с отходами» от 15 июня 2017 года № 375; «О мерах, направленных на улучшение экологической обстановки в отдельных отраслях промышленности, снижение негативного воздействия отходов на окружающую среду и здоровье населения, эффективное использование альтернативных источников энергии» от 20 июля 2023 года № 300; «О мерах дальнейшего совершенствования контроля за обращением с отходами, отдельными видами опасной продукции и химическими веществами на территории Республики Узбекистан» от 30 декабря 2024 года № 916.

Обсуждение

Экологические последствия электронных отходов могут представлять серьёзную угрозу для окружающей среды и здоровья человека. Поскольку состав электронных отходов условно подразделяется на следующие группы металлов: тяжёлые (свинец, ртуть, кадмий, медь), лёгкие, щелочные, драгоценные, щелочноземельные и редкоземельные, – некоторые из них (алюминий, европий, индий, иттрий, хром, цинк) характеризуются высокой токсичностью для живых организмов и способны к биоаккумуляции.

Значимость проблемы в условиях глобализации и технологического прогресса усиливается тем, что страны с развитыми экономиками зачастую экспортируют свои отходы в развивающиеся государства, где нередко отсутствуют эффективные механизмы переработки и утилизации. Это приводит к экологическим последствиям, связанным с загрязнением окружающей среды, а также создаёт риски для здоровья людей, работающих с такими отходами без надлежащей защиты.

Одним из основных факторов, способствующих росту объёмов электронных отходов, является сокращающийся срок

службы электрического и электронного оборудования (Amankwah-Amoah, 2016). Многие продукты устаревают значительно быстрее, чем ранее, что приводит к постоянному увеличению количества отходов.

Для эффективного управления и формирования уникального правового механизма регулирования электронных отходов в стране необходимо определить классификацию электронных отходов.

Классификация э-отходов действительно может различаться в зависимости от законодательства и стандартов разных стран. Хотя в законодательстве Республики Узбекистан отсутствует единое определение и классификация электронных отходов, в целом в международной юридической практике выделяются несколько общих категорий:

1. Классификация по типу оборудования: 1) большая бытовая техника (холодильники, стиральные машины, плиты и др.); 2) малая бытовая техника (тостеры, пылесосы, микроволновые печи и др.); 3) ИТ-оборудование (компьютеры, принтеры, мониторы, серверы и др.); 4) телефоны и мобильные устройства (смартфоны, планшеты, зарядные устройства и др.); 5) аккумуляторы (стартерные, тяговые, стационарные, AGM (Absorbent Glass Mat), гелевые); 6) аудио- и видеотехника (телевизоры, аудиосистемы, видеокамеры и др.); 7) игровые устройства (приставки и аксессуары); 8) умные устройства (устройства интернета вещей (IoT), носимые технологии и др.); 9) приборы, связанные с возобновляемыми источниками энергии (солнечные панели и др.).

Директива 2012/19/ЕС Европейского парламента и Совета от 4 июля 2012 года «Об отходах электрического и электронного оборудования» (WEEE) классифицирует электрическое и электронное оборудование (EEE) на следующие категории (European Parliament and Council, 2012):

1) большие бытовые приборы (стиральные машины, холодильники и др.); 2) малые бытовые приборы (утюги, часы, весы и др.); 3) оборудование информационных технологий и телекоммуникаций (компьютеры, планшеты, телефоны и др.); 4) потребительское оборудование и фотоэлектрические панели (телевизоры, музыкальные инструменты, фотоэлектрические модули и др.); 5) осветительное оборудование (светильники, лампы и др.); 6) электрические и электронные инструменты (кроме крупных стационарных промышленных инструментов); 7) игрушки, оборудование для отдыха и спорта (видеоигры, игровые автоматы и др.); 8) медицинские устройства (кроме всех имплантируемых и инфекционных продуктов); 9) инструменты мониторинга и контроля (датчики дыма, регуляторы отопления, термостаты и др.); 10) автоматические диспенсеры (устройства, автоматически выдающие напитки, деньги и другие продукты).

2. Классификация по степени опасности

2.1. Опасные отходы – устройства, которые могут содержать токсичные материалы и требуют осторожного обращения и специализированной утилизации. К ним относятся: 1) старые CRT-мониторы, содержащие значительное количество свинца в стекле и других компонентах. Свинец является высокотоксичным веществом и может вызывать серьезные проблемы со здоровьем, включая хронические заболевания и нарушения нервной системы; 2) плазменные телевизоры, которые могут включать ртуть или другие опасные химические вещества (например, фосфоры), представляющие угрозу при неправильной утилизации. Ртуть опасна своей способностью накапливаться в организме даже в малых дозах, вызывая поражения нервной системы; 3) батареи, содержащие токсины, такие как кадмий, свинец или литий. При

неправильной утилизации эти вещества способны загрязнять почву и водные ресурсы, создавая серьёзные экологические риски; 4) электронные платы, включающие свинец, бромированные антипирены и другие опасные соединения, требующие специальных методов переработки.

2.2. Неопасные отходы – устройства и материалы, которые не содержат токсичных веществ в опасных концентрациях либо содержат их в минимальных количествах, не представляющих серьёзной угрозы для здоровья человека и окружающей среды. Тем не менее даже неопасные отходы требуют ответственного обращения и утилизации. К ним относятся: 1) ЖК-мониторы и телевизоры, содержащие небольшое количество токсичных веществ (например, ртуть в подсветке), но считающиеся неопасными при соблюдении стандартов утилизации; 2) старые ноутбуки и компьютеры, не включающие существенных уровней свинца, кадмия или иных опасных материалов. Однако и в них могут присутствовать такие вещества в малых количествах; 3) аксессуарные и периферийные устройства (мыши, клавиатуры, кабели и др.), не содержащие опасных веществ. Обычно они изготовлены из пластика и металлов, пригодных для переработки; 4) неработающие мелкие бытовые приборы (тостеры, вентиляторы и др.), не содержащие опасных компонентов и подлежащие утилизации как обычные бытовые отходы.

3. Классификация по возможности переработки

Переработка электронных отходов играет важную роль в охране окружающей среды и рациональном использовании ресурсов. В зависимости от конструкции и состояния устройства электроприборы могут быть отнесены к перерабатываемым или неперерабатываемым.

3.1. Перерабатываемые устройства – те, из которых возможно извлечение цен-

ных материалов. Например: 1) металлы (медь, алюминий, золото, серебро), содержащиеся в проводах, платах и других компонентах (смартфоны, планшеты); 2) пластики, используемые в корпусах и деталях устройств (компьютеры, ноутбуки); 3) стекло, содержащееся в экранах и трубках (телевизоры, мониторы).

3.2. Неперерабатываемые устройства – те, которые не подлежат переработке из-за конструкции, состояния или наличия опасных компонентов. Например: 1) старые ламповые телевизоры, частично содержащие токсичные вещества и затруднённые для разборки; 2) сильно повреждённые устройства, такие как жёсткие диски, разрушенные физически или подвергшиеся серьёзным повреждениям; 3) некоторые бытовые приборы, в которых отсутствуют легко извлекаемые ценные материалы или конструкция которых изначально не предполагает разборки.

4. Классификация оборудования по длительности использования

При классификации электронного и бытового оборудования важным критерием является количество циклов использования и возможность дальнейшей эксплуатации. В этом контексте оборудование можно разделить на две основные категории:

4.1. Отработанное оборудование – устройства, которые больше не функционируют и не могут быть использованы по назначению. Обычно они подлежат утилизации, поскольку их компоненты изношены или повреждены. К характеристикам отработанного оборудования относятся: 1) неисправное состояние – устройства не включаются или работают некорректно; 2) технические неисправности, при которых оборудование имеет серьёзные повреждения (поломка системных плат, разрушение внутренних компонентов и иные дефекты), устранение которых является нецелесообразным или невозможным.

Примерами отработанного оборудования являются: неработающие старые компьютеры и ноутбуки, неисправимые телевизоры или мониторы, бытовые приборы (стиральные машины, холодильники), не подлежащие ремонту.

4.2. Устаревшее оборудование – функционирующие устройства, которые по различным причинам больше не используются. Чаще всего это связано с заменой на более современные модели, обладающие улучшенными характеристиками или дополнительными функциями. Основные характеристики устаревшего оборудования: 1) работоспособность – устройства продолжают функционировать, но не применяются в силу морального или технического устаревания; 2) техническое устаревание – несоответствие современным стандартам, невозможность подключения к новым технологиям (например, устаревшие интерфейсы или протоколы связи). Устаревшее оборудование может быть повторно использовано, передано на переработку или применено в обучающих целях. Примеры: старый, но рабочий компьютер, заменённый на более современный; функционирующий, но устаревший аналоговый телевизор; мобильное устройство, которое работает, но заменено новым.

Заключение

Рассматривая регулирование электронных отходов с позиции международных законодательных актов, следует отметить, что Директива 2012/19/ЕС Европейского парламента и Совета представляет собой ключевой нормативный документ (Khovavko, 2016), который может служить моделью для разработки и эффективного совершенствования законодательства Республики Узбекистан в сфере обращения, переработки и утилизации электронных отходов.

Основная цель данной директивы – сокращение образования электронных отходов и содействие повторному исполь-

зованию, переработке и иной утилизации таких отходов. Основные положения и ключевые аспекты директивы WEEE включают:

1. *Расширенная ответственность производителей (EPR)*. Производители электрооборудования несут ответственность за продукцию на протяжении всего её жизненного цикла, включая этап после окончания её использования. Это предполагает финансирование систем сбора и переработки, а также участие в разработке и внедрении эффективных программ, обеспечивающих доступность пунктов приёма для потребителей.

Производители обязаны:

финансировать системы сбора и переработки отработанного электрооборудования;

разрабатывать продукцию с учётом её будущей утилизации и переработки – компоненты должны быть легко разборными и пригодными к безопасному извлечению;

минимизировать содержание токсичных элементов;

информировать потребителей о правилах обращения с отработанным оборудованием, способах его сдачи и необходимости возвращать его для переработки;

обеспечивать соблюдение европейских и национальных экологических стандартов, связанных с переработкой электрооборудования.

2. *Регистрация и отчётность*. Директива в приложении X «Информация для регистрации и отчётности, упомянутая в статье 16» устанавливает перечень сведений, предоставляемых при регистрации. К ним относятся (European Parliament and Council, 2012):

название и адрес производителя или уполномоченного представителя (почтовый индекс, населённый пункт, улица и номер, страна, телефон, факс, электронная почта, контактное лицо). В случае уполномо-

моченного представителя – также данные производителя, которого он представляет; национальный идентификационный код производителя, включая европейский или национальный налоговый номер;

категория ЕЕЕ, указанная в приложениях I или III;

тип оборудования (бытовое или иное);

торговая марка ЕЕЕ;

информация о выполнении обязательств (индивидуальная или коллективная схема), включая данные о финансовой гарантии;

способ продажи (например, дистанционная торговля);

декларация о достоверности предоставленных сведений.

Производители обязаны регистрироваться в национальных системах учёта и представлять данные о количестве выпускаемой на рынок продукции, а также о её сборе и переработке. Это включает:

учёт объёмов электрооборудования по категориям;

регулярные отчёты о количестве собранного и переработанного оборудования – данные используются для оценки эффективности систем утилизации;

прохождение национальных проверок и аудитов, которые могут включать анализ отчётности, инспекции на местах и сверку данных;

выполнение требований по отчётности под угрозой штрафных санкций.

3. Цели сбора и переработки. Директива устанавливает конкретные количественные показатели, обязательные для стран-членов ЕС. Так, минимальные уровни сбора должны были составлять:

не менее 40 % от среднего объёма продаж за предыдущие три года;

повышение до 65 % (к 2025 г.) или 85 % от общего количества образующихся электронных отходов.

Одновременно директива определяет обязательные уровни переработки

для отдельных категорий электрооборудования, среди которых: крупные бытовые приборы; малая бытовая техника; ИТ-оборудование; осветительные устройства; оборудование для игр и спорта. Для каждой категории установлены различные процентные нормы переработки, которые определяют минимальный объём извлекаемых материалов и компонентов.

4. Поощрения. Поощрения являются важным инструментом для повышения уровня сбора и переработки электронных отходов. Каждая страна ЕС может разрабатывать собственные стратегии и инициативы, стимулирующие граждан и бизнес к более активной сдаче э-отходов. В частности, к таким мерам относятся рекламные и образовательные кампании, направленные на повышение осведомлённости населения о значимости правильного обращения с электронными отходами.

Эффективной мотивационной мерой является введение системы возврата средств за сдачу э-отходов (например, программы *cash for trash*), когда граждане получают денежное вознаграждение за сдачу устаревшей или неработающей электроники. К поощрительным инструментам также относятся налоговые льготы или субсидии для предприятий, перерабатывающих э-отходы на переработку.

Кроме того, активно применяется механизм партнёрства с магазинами и производителями электроники, предусматривающий программы возврата старого оборудования при покупке нового. Эти меры помогают не только достигать количественных целей по сбору и переработке, но и формируют культуру ответственного отношения к электронным отходам, способствуют распространению принципов устойчивого развития и приближают экологию к модели циркулярности.

5. Пересмотр и адаптация целей. Важно учитывать, что требования и целевые показатели со временем могут пересмат-

риваться, что позволяет адаптировать их к новым технологическим и экономическим условиям в сфере переработки электронных отходов. Такие пересмотры направлены на снижение негативного воздействия э-отходов на окружающую среду, а также на повышение эффективности использования ресурсов. Причиной для обновления целей может быть появление новых технологий переработки, повышающих её эффективность и снижающих затраты. Адаптация включает учёт инновационных методов и оборудования, способных изменить подход к утилизации.

Одним из способов реализации адаптации является установление регулярных ревизий целей и программ, основанных на анализе деятельности, технических достижений и отзывов заинтересованных сторон – гражданского общества, бизнеса и государственных органов.

6. Защита окружающей среды. Защита окружающей среды от негативного воздействия электронных отходов является одним из ключевых аспектов современного управления отходами. В рамках директивы предусмотрен ряд мер, направленных на обеспечение экологической безопасности и охраны здоровья человека. Например, экологические стандарты предусматривают строгие нормы в отношении опасных материалов.

Дополнение VIII к Директиве 2012/19/ЕС устанавливает технические требования, упомянутые в статье 8(3). Среди них:

участки хранения (включая временное хранение) WEEE до его обработки, которые должны включать: 1) непроницаемые поверхности с обеспечением сбора проливов и, при необходимости, декантов и очистителей-дегрязеров; 2) защищённые от погодных условий покрытия;

участки для обработки WEEE должны быть оснащены: 1) весами для измерения массы обрабатываемых отходов;

2) непроницаемыми поверхностями и водонепроницаемым покрытием для сбора проливов; 3) помещениями для хранения разобранных запасных частей; 4) контейнерами для аккумуляторов, конденсаторов с РСВ/РСТ и других опасных отходов, включая радиоактивные; 5) оборудованием для обработки воды в соответствии с санитарными и экологическими нормами (Picard, 2018).

7. Поддержка инноваций и улучшений. Секрет успешного управления электронными отходами заключается в постоянном внедрении инновационных технологий и методов, повышающих эффективность переработки и повторного использования. Директива поддерживает такие инициативы, создавая благоприятные условия для научных исследований и разработок в области экологии и обращения с отходами.

Поддержка инноваций является ключевым элементом эффективной стратегии обращения с э-отходами. Стимулирование исследований, внедрение новых технологий, совершенствование процессов переработки, а также поддержка малых и средних предприятий создают условия для повышения устойчивости систем обращения с электронными отходами. Это способствует улучшению состояния окружающей среды и открывает новые возможности для экономического роста и создания рабочих мест в XXI веке.

Таким образом, Директива WEEE (2012/19/EU) представляет собой важный инструмент управления электронными отходами в Европейском союзе, направленный на снижение их воздействия на окружающую среду и здоровье людей. Установленные требования к производителям, нормативы по сбору и переработке, а также создание эффективных систем утилизации способствуют устойчивому развитию и охране окружающей среды.

REFERENCES

1. Amankwah-Amoah, J. (2016). Global business and emerging economies: Towards a new perspective on the effects of e-waste. *Technological Forecasting and Social Change*, 105, 1–30. https://www.researchgate.net/publication/292376129_Global_business_and_emerging_economies_Towards_a_new_perspective_on_the_effects_of_e-waste
2. Baldé, C.P., Forti, V., Gray, V., Kuehr, R., & Stegmann, P. (2017). *The Global E-waste Monitor 2017*. United Nations University. <https://www.itu.int/en/ITU-D/Climate-Change/Documents/GEM%202017/Global-E-waste%20Monitor%202017%20.pdf>
3. Barsalou, O., & Hennesy, P. M. (2018). International environmental law in an era of globalized waste. *Chinese Journal of International Law*, 17(3), 887–906.
4. Carrey, L. (2006, December 19). *Nigeria e-waste toxic legacy*. BBC News. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/6193625.stm>
5. European Parliament and of the Council. (2008). Directive 2008/98/EC on waste and repealing certain Directives. *Official Journal of the European Union*, L 312.
6. European Parliament and of the Council. (2012). *Directive 2012/19/EU on waste electrical and electronic equipment (WEEE), Annex X*. *Official Journal of the European Union*, L 197/38. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32012L0019>
7. Grant, K., Goldizen, F. C., Sly, P. D., Brune, M. N., Neira, M., van den Berg, M., & Norman, R. E. (2013). Health consequences of exposure to e-waste: A systematic review. *The Lancet Global Health*, 1(6). [https://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214-109X\(13\)70101-3/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214-109X(13)70101-3/fulltext)
8. Ivanova, A. P. (2021). Pravovoye regulirovaniye elektronnykh otkhodov: teoriya i praktika [Legal regulation of electronic waste: theory and practice]. *Social Sciences and humanities. Domestic and Foreign Literature*, (3), 136–145. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-elektronnyh-othodov-teoriya-i-praktika/viewer>
9. Khovavko, I. Yu. (2016). Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya v kontekste globalizatsii [The concept of sustainable development in the context of globalization]. *The Age of Globalization*, 3, 71–84.
10. Lepawsky, J. (2015). The changing geography of global trade in electronic discards. *The Geographical Journal*, 181(2). https://www.researchgate.net/publication/260605559_The_Changing_Geography_of_Global_Trade_in_Electronic_Discards_time_to_rethink_the_e-waste_problem
11. McElligott, M. A. (2020). Framework for Responsible Solar Panel Waste Management in the United States. *Oil and Gas, Natural Resources, and Energy Journal*, 5(3), 475–513.
12. National Committee on Ecology and Climate Change of the Republic of Uzbekistan. (2024). *Natsional'nyy monitoring elektronnykh otkhodov v Uzbekistane 2024* [National monitoring of e-waste in Uzbekistan 2024]. UNITAR.
13. Picard, M. (2018). International environmental law in an era of globalized waste. *Chinese Journal of International Law*, 17(3), 887–906.
14. Puckett, J., Byster, L., Westervelt, S., Gutierrez, R., Davis, S., Hussain, A., & Dutta, M. (2002). *Exporting harm: The high-tech trashing of Asia*. Basel Action Network (BAN). http://wiki.ban.org/images/e/e1/Exporting_Harm_canada.PDF
15. Recycle.net. (n.d.). *Elektronnyye otkhody: problemy dlya okruzhayushchey sredy i sposoby utilizatsii* [Electronic waste: environmental problems and disposal options]. <https://rcycle.net/othody/vidy/elektronnye-problemy-dlya-okruzhayushhej-sredy-i-sposoby-utilizatsii>

Kelib tushgan / Получено / Received: 05.11.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 05.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./VSUN5918

UDC: 343.22(045)(575.1)

JINOYAT SUBYEKTINING JINS BILAN BOG'LIQ FAKULTATIV BELGILARI

Karaketova Dilnoza Yuldashevna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoyat huquqi, kriminologiya
va korrupsiyaga qarshi kurashish
kafedrasi dotsenti,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori
ORCID: 000-0001-8586-2328
e-mail: d.yu.karaketova@gmail.com

Annotatsiya. Maqolada jinoyat sodir etgan ayollar misolida jinoyat subyekti fakultativ belgisi, ya'ni jins omili bilan bog'liq jihatlar atroflicha tahlil qilingan. Tadqiqotda ayollar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlarning statistik ko'rsatkichlari, ularning o'sish dinamikasi va hududlar kesimidagi holati yoritilgan. Shu bilan birga, olimlarning jinoyatchi ayollarning xususiyatlari haqidagi ilmiy qarashlari tahlil qilingan hamda ayollar sodir etgan jinoyatlarning sabablari ijtimoiy, psixologik va biologik omillar bilan bog'liq holda o'rganilgan. Muallif JK va sud amaliyotida ayollarga nisbatan jazo tayinlashda bir qator yengilliklar mavjudligini, aksincha, homilador ayolga nisbatan jinoyat sodir etilishi jazoni og'irlashtiruvchi holat sifatida baholanishini ta'kidlagan. Tahlil shuni ko'rsatadiki, ayollarga nisbatan jazo qo'llashda jinsga oid fakultativ belgilar va ijtimoiy-huquqiy xususiyatlar inobatga olinadi, bu esa jinoyat qonunchiligida tenglik prinsipi bilan bir vaqtning o'zida ijtimoiy himoyani ta'minlashga xizmat qiladi. Sud amaliyoti misollarida jinoyat sodir etgan shaxsning ayol ekanligi jazo tayinlashda yengillashtiruvchi holat sifatida baholangan. Tadqiqot yakunida ayollarning jinoyatchiligini tahlil qilishda ularning fiziologik, psixologik va ijtimoiy-huquqiy xususiyatlarini hisobga olish zarurligi, shuningdek, jazo tayinlashda oila mustahkamligi va farzandlar tarbiyasidagi rolni inobatga olish muhimligi ta'kidlangan.

Kalit so'zlar: ayollar jinoyatchiligi, jinoyat subyekti, fakultativ belgilar, jinoyat huquqi, jazo tayinlash, gender tenglik, homiladorlik, ijtimoiy omillar, sud amaliyoti, huquqiy tahlil

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОЛОМ

Каракетова Дилноза Юлдашевна,
доктор философии по юридическим наукам,
доцент кафедры «Уголовное право, криминология
и противодействие коррупции»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье всесторонне проанализирован факультативный признак субъекта преступления, обусловленный полом, на примере женщин, совершивших

преступления. В исследовании освещены статистические показатели преступлений, совершаемых женщинами, динамика их роста и региональная структура. Наряду с этим проанализированы научные взгляды учёных на характеристики женщин-преступниц, а также причины совершения ими преступлений, рассмотренные во взаимосвязи с социальными, психологическими и биологическими факторами. Автор подчёркивает, что в Уголовном кодексе и судебной практике при назначении наказания женщинам предусмотрен ряд смягчающих обстоятельств, тогда как совершение преступления в отношении беременной женщины оценивается как отягчающее обстоятельство. Проведённый анализ показывает, что при применении наказания к женщинам учитываются факультативные признаки, связанные с полом, и социально-правовые особенности, что одновременно служит обеспечению принципа равенства в уголовном праве и реализации социальной защиты. На примерах судебной практики показано, что факт совершения преступления женщиной нередко признаётся смягчающим обстоятельством при назначении наказания. В заключение подчёркивается необходимость учёта физиологических, психологических и социально-правовых особенностей женщин при анализе женской преступности, а также важность принятия во внимание роли женщины в укреплении семьи и воспитании детей при назначении наказания.

Ключевые слова: женская преступность, субъект преступления, факультативные признаки, уголовное право, назначение наказания, гендерное равенство, беременность, социальные факторы, судебная практика, правовой анализ

GENDER-RELATED FACULTATIVE CHARACTERISTICS OF THE CRIME SUBJECT

Karaketova Dilnoza Yuldashevna,

Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology, and Anti-Corruption,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. *The article thoroughly analyzes aspects related to the facultative characteristic of the subject of the crime, that is, the gender factor, using the example of women who have committed crimes. The study highlights statistical indicators of crimes committed by women, the dynamics of their growth, and their state by region. At the same time, the scientific views of scientists on the characteristics of female criminals were analyzed, and the causes of crimes committed by women were studied in connection with social, psychological, and biological factors. The author notes that in the Criminal Code and judicial practice there are a number of mitigations in sentencing women; on the contrary, the commission of a crime against a pregnant woman is assessed as an aggravating circumstance. Analysis shows that when applying punishment to women, optional gender characteristics and socio-legal features are taken into account, which serves to ensure social protection simultaneously with the principle of equality in criminal legislation. In examples of judicial practice, the fact that the person who committed the crime is a woman was assessed as a mitigating circumstance in sentencing. At the end of the study, it was emphasized that when analyzing female criminality, it is necessary to take into account their physiological, psychological, and socio-legal characteristics, as well as the importance of taking into account the role of family stability and the upbringing of children in sentencing.*

Keywords: *female criminality, subject of crime, optional characteristics, criminal law, sentencing, gender equality, pregnancy, social factors, judicial practice, legal analysis*

Kirish

Odatda jinoyatlar sodir etilishining aksariyati erkaklar hissasiga to'g'ri keladi. Shu bilan birga, so'nggi yillarda ayollarning ham jinoyatchiligi oshib borayotgani kuzatilmoqda. Umumiy holatga ko'ra, mamlakatimizda sodir etilayotgan jinoyatlarning 85–88 %i erkaklar ulushiga to'g'ri keladi. Ayollar tomonidan jinoyat sodir etilishi ko'pincha favqulodda holat sifatida ko'riladi hamda jazo tayinlashda qonunda va sud amaliyotida ayollarga nisbatan bir qancha yengilliklar mavjud. Shu sababli biz jinoyat subyektiining jinsiy belgisi sifatida aynan ayollar jinoyatlariga alohida to'xtalib o'tmoqchimiz.

Jamiatda ayollarning rolini oshirish, ular faoliyat olib borayotgan sohalarni kengaytirish, mamlakatimizda ayollarning huquq va manfaatlarini himoya qilish borasida islohotlar izchillik bilan amalga oshirilmoqda. O'zbekiston milliy siyosatining markazida oilalar mustahkamligini ta'minlash, ayollar huquqiy himoyasi va osoyishta hayotini kafolatlash kabi eng ezgu maqsadlar turadi. Mamlakatimizda gender tenglikka erishish borasida ham tizimli ishlar olib borilmoqda. Jumladan, o'tgan yili oliygohlarga qabul qilingan talabalarining 49 foizini qizlar tashkil etdi. Xotin-qizlarning davlat boshqaruvidagi ulushi esa birinchi marta 35 foizga yetdi.

O'z navbatida, ayollarning jamiyat hayotidagi o'rni yuksalishi bilan bir vaqtda, ayollar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlar soni ham oshib borishi ham kuzatilmoqda.

O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudi statistik ma'lumotlariga ko'ra, sudlar tomonidan ko'rib chiqilib, jazo tayinlangan shaxslar orasida ayollarning ulushi ortib bormoqda. Jumladan, 2020-yilda 3027 nafar (12,1 %), 2021-yilda 5040 nafar (12,6 %), 2022-yilda 6497 nafar (13 %), 2023-yilda 6466 nafar (15,2 %), 2024-yilda 7132 (13 %) nafar ayollarga nisbatan sud hukmi bilan jinoiy jazo tayinlangan (Abdurasulova, 2005).

Statistika agentligi ma'lumotlariga ko'ra, 2024-yil yanvar–sentyabr oylarida sodir etil-

gan jami jinoyatlarda ayollar ulushi 12,2 %ni tashkil qilgan. Bunda viloyatlar kesimida eng ko'p ayollar jinoyatchiligi ko'p sodir etilgan hududlar sifatida Farg'ona viloyatida (653 ta), Toshkent viloyatida (456 ta), Toshkent shahrida (771 ta) sodir etilgan. Eng kam ayollar jinoyatchiligi Sirdaryo (100 ta), Xorazm (104 ta) viloyatlarida hamda Qoraqalpog'iston Respublikasida (144 ta) sodir etilgan (Kuznetsova & Tyazhkova, 2002).

Metodlar

Ushbu tadqiqotda ilmiy tahlilning zamonaviy usullari, huquqiy nazariya va amaliyotda qo'llanadigan umumiy va xos ilmiy usullardan kompleks tarzda foydalanildi. Tadqiqot metodologiyasi dissertatsiyaning maqsadi va vazifalaridan kelib chiqib tanlangan bo'lib, mantiqiy tahlil va umumlashma usuli, tarixiy-qiyosiy tahlil usuli, qiyosiy-huquqiy usul, normativ-huquqiy tahlil usuli, ilmiy tahlil va doktrinal yondashuv hamda tavsiyaviy modellashtirish usuli qo'llandi.

Natijalar

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksida ayollar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlarga nisbatan javobgarlikni qo'llashda bir qancha o'ziga xosliklar mavjud.

A. Toshpulatovning ta'kidlashicha, O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining bir qancha moddalarida ayollarning jinoiy javobgarligi masalasida erkaklarga nisbatan bir qancha yengilroq yondashuv mavjudligini kuzatish mumkin. Jumladan, Jinoyat kodeksi 50-moddasining to'rtinchi qismida uzoq muddatga ozodlikdan mahrum qilish jazosi ayolga nisbatan qo'llanmasligi, oltinchi qismida esa ozodlikdan mahrum qilishga hukm etilayotgan ayollarga tayinlanadigan jazo muddati ushbu kodeks Maxsus qismining tegishli moddasida nazarda tutilgan ozodlikdan mahrum etish eng ko'p muddatining uchdan ikki qismidan ortiq bo'lmasligi belgilangan. Jinoyat kodeksining 51-moddasida umrbod ozodlikdan mahrum qilish jazosi ayolga nisbatan tayinlanmasligi nazarda tutilgan. Shuningdek, Jinoyat kodeksining 72-modda-

sining yettinchi qismiga muvofiq, o'ta og'ir jinoyati uchun hukm qilingan, shuningdek, ilgari qasddan sodir etgan jinoyati uchun ozodlikdan mahrum qilish jazosiga hukm qilingan erkaklarga nisbatan shartli hukm qo'llanmasligi belgilangan bo'lsa, bunday taqiq ayollarga nisbatan qo'llanmaydi.

Bundan tashqari, Jinoyat kodeksida homilador ayolning jinoyat sodir qilishi jazoni yengillashtiruvchi holat sifatida baholanishi, aksincha, homilador ayolga nisbatan jinoyat sodir etilishi jazoni og'irlashtiruvchi holat hisoblanishi ham belgilangan. Xo'sh, bu normalar gender tenglik masalalari bo'yicha qanday tahlil qilinishi kerak? Tenglik ikkala jins vakillari uchun ham teng javobgarlikni nazarda tutmaydimi, degan savollar kelib chiqadi (Galakhova, 2008).

Ushbu savollarga javob berish uchun jinoyat javobgarlikda ayollarning o'rni masalasiga e'tibor qaratish lozim. Jinoyat huquqida ayol uchta jihatdan ko'rib chiqiladi. Birinchidan, ayol jinoyat subyekti sifatida, ikkinchidan, ayol jinoyat obyekti sifatida, uchinchidan, ayol jazo obyekti sifatida ko'rib chiqiladi.

Mamlakatimiz jinoyat qonunchiligi jinoyat subyektlarini aniqlashda jinsga e'tibor qaratmaydi. Jinoyat kodeksining 17-moddasida jinoyat subyekti sifatida belgilangan yoshga yetganlik, jismoniy shaxs ekanlik va aqli raso-lik nazarda tutilgan. Ushbu mezonlarga javob bergan shaxs, jinsidan qat'iy nazar, jinoyat subyekti bo'lishi mumkin. Mamlakatimiz jinoyat qonunchiligida faqat 99-modda, ya'ni onaning o'z chaqalog'ini o'ldirishida faqat ayol kishi subyekt bo'lishi mumkinligi belgilangan.

Xorijiy mamlakatlar jinoyat qonunlarida ham faqat ayol kishi jinoyat subyekti hisoblanadigan normalar mavjud. Jumladan, Rossiya jinoyat kodeksining 106-moddasida (Karavaeva, 2017), Ukraina jinoyat kodeksining 117-moddasida (Abdurasulova, 2005), Qozog'iston jinoyat kodeksining 100-moddasida, Qirg'iziston jinoyat kodeksining 125-moddasida (Abdurasulova, 2005), Mol-

dova jinoyat kodeksi 147-moddasida (Lyubavina, 2014) onaning o'z chaqalog'ini qasddan o'ldirganligi uchun jinoiy javobgarlik belgilangan. Ko'rsatib o'tilgan davlatlar va mamlakatimiz jinoyat qonunchiligida ayolning o'z chaqalog'ini qasddan o'ldirganligi uchun yengillashtiruvchi javobgarlik belgilangan. V.A. Kazakova va S.M. Inshakovlar fikricha, bu jinoyatga yengillashtiruvchi javobgarlik o'rnatilishini sababi, onaning fiziologik holati va tug'ruq vaqtidagi ruhiy holati hisoblanadi (Komissarov et al., 2012).

V.B. Xatuyev esa aksincha, tug'ruq vaqtidagi fiziologik va emotsional holatlar barcha ayollar uchun xos bo'lib, onaning o'z chaqalog'ini o'ldirganligi uchun yengillashtirilgan javobgarlik belgilanishi jinoyat kodeksidagi tenglik prinsipi buzilishiga olib kelishini, aksincha, ojiz ahvoldagi shaxsning (chaqaloq) o'ldirilishi og'irlashtiruvchi holat hisoblanishi kerakligini ta'kidlaydi. Shu sababdan ham u Jinoyat kodeksidagi onaning o'z chaqalog'ini o'ldirganligi uchun alohida normani chiqarib tashlash va bunday qilmishlarni odam o'ldirish jinoyati sifatida kvalifikatsiya qilishni taklif qilgan (Sundurov & Tarkhanov, 2009).

Biz V.B. Xatuyevning fikrlariga qo'shilmaymiz, chunki tug'ruq vaqtda ayolning kuchli emotsional holatini shakllantiruvchi sabablarda subyektiv va obyektiv omillarni ajratib ko'rsatish zarur. Subyektiv omillar sifatida shaxsiy xususiyatlar, masalan, uyatchanlik, atrofdagilarning fikriga bog'liqlik, jamiyatdagi salbiy munosabatdan qo'rqish kabi holatlarni keltirish mumkin. Nikohdan oldin jinsiy aloqalarga yo'l qo'yilmasligi, ayollik nomusi to'g'risidagi ijtimoiy normalar shaxsning ichki manfaatlari, ya'ni bolani dunyoga keltirish istagi va uni hammaning qoralashiga sababchi bo'lmaslik xohishi o'rtasida ziddiyat yuzaga kelishiga olib keladi.

Boshqa tomondan, obyektiv omillar ham ta'sirga ega. Masalan, yaqin qarindoshlar tomonidan boladan qutulishni talab qilish, homiladorlik muddati o'tib ketgani sababli

shifokorlarning abort qilishdan bosh tortgan holatlari shular jumlasidandir. Shu sababdan bunday qilmishlar uchun yengillashtiruvchi javobgarlik o'rnatilishi muhimdir.

Muhokama

Ayol jinoyat obyekti sifatida alohida tadqiq qilinishi lozim bo'lgan masala hisoblanadi. To'g'ri, inson jinoyat obyekti bo'lishi mumkin emas, degan qarashlar ham mavjud. Ammo bir qator jinoyatlar borki, aynan ayol kishi ekanligi uning jinoiy tajovuzi obyekti bo'lishiga sabab bo'ladi. Jumladan, Jinoyat kodeksining 56-moddasida homiladorligi aybdorga ayon bo'lgan ayolga nisbatan jinoyat sodir etilishi jazoni og'irlashtiruvchi holat hisoblanadi. Bundan tashqari, Jinoyat kodeksining 97-moddasi ikkinchi qismi "b" bandi, 103-modda ikkinchi qismining "b" bandi, 103¹-moddaning ikkinchi qismi "a" bandi, 104-moddaning ikkinchi qismi "a" bandi, 105-moddaning ikkinchi qismi "b" bandi, 110-moddaning ikkinchi qismi "b" bandi, 114-modda, 115-modda, 126¹-moddaning beshinchi qismi "b" bandi, oltinchi qismi "a" bandi, 136-modda, 148-modda ikkinchi qismi, 235-modda ikkinchi qismining "d" bandida nazarda tutilgan jinoyatlarda tajovuz obyekti faqat ayol bo'ladi. Nima uchun qonun yuqorida ko'rsatib o'tilgan aksariyat qilmishlarda aynan homilador ayolga nisbatan jinoyat sodir etilishini jazoni og'irlashtiruvchi holat sifatida yoki maxsus qismi normasining og'irlashtiruvchi kvalifikatsiya qiluvchi belgisi sifatida belgilagan? Fikrimizcha, bu avvalo Konstitutsiya mazmunidan kelib chiqadi. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 76-moddasida onalik, otalik va bolalik davlat tomonidan muhofaza qilinishi belgilangan. Homiladorligi ayon bo'lgan ayolga nisbatan jinoyat sodir etilishi nafaqat bitta shaxsga, balki tug'iladigan bolaga ham zarar yetkazishi mumkinligi sababli bunday jinoyatlar og'irlashtiruvchi holatlar hisoblanadi.

Tadqiqotimiz jinoyat subyekti fakultativ belgilariga oid bo'lganligi sababli aynan ayol-

ning jazo obyekti bo'lish masalasiga chuqurroq yondashamiz.

Jinoyat kodeksi Umumiy qismida ayollarga nisbatan jazo tayinlashda bir qancha o'ziga xos xususiyatlar aks ettirilgan. Jumladan:

– 45¹-moddada majburiy jamoat ishlari jazosi homilador ayollarga va uch yoshga to'lmagan bolalari bor ayollarga qo'llanmasligi belgilangan;

– 46-moddada axloq tuzatish ishlari homilador ayollarga va uch yoshga to'lmagan bolalari bor ayollarga qo'llanmasligi belgilangan;

– 50-modda to'rtinchi qismida ayollarga uzoq muddatga ozodlikdan mahrum qilish jazosi qo'llanmasligi, oltinchi qismida esa ozodlikdan mahrum etishga hukm qilinayotgan ayollarga ushbu kodeks Maxsus qismining tegishli moddasida nazarda tutilgan ozodlikdan mahrum etish eng ko'p muddatining uchdan ikki qismidan ortiq bo'lishi mumkin emasligi belgilangan; sakkizinchi qismida ayollarga nisbatan jazoni o'tash koloniyalarning o'ziga xos xususiyatlari; o'ninchi qismida esa ijtimoiy xavfi katta bo'lmagan jinoyat sodir etganlik, ehtiyotsizlik oqibatida jinoyat sodir etganlik va qasddan uncha og'ir bo'lmagan jinoyat sodir etganlik uchun ozodlikdan mahrum etish tariqasidagi jazo homilador ayollarga va uch yoshga to'lmagan bolalari bor ayollarga nisbatan tayinlanmasligi belgilangan;

– 51-moddada umrbod ozodlikdan mahrum qilish jazosi ayollarga nisbatan tayinlanishi mumkin emasligi mustahkamlangan;

– 55-moddada homilador ayolning jinoyat sodir etishi jazoni yengillashtiruvchi holat sifatida, 56-moddada esa homiladorligi aybdorga ayon bo'lgan ayolga nisbatan jinoyat sodir etish jazoni og'irlashtiruvchi holat sifatida nazarda tutilgan;

– 72-moddada shartli hukmni qo'llashdagi cheklovlar ayollarga nisbatan tatbiq etilmasligi belgilangan;

– 75-moddada homiladorlik va tug'ish ta'tili berilishi munosabati bilan ayollar in-

tizomiy qismga jo'natish va majburiy jamoat ishlari hamda axloq tuzatish ishlari jazosini o'tashdan ozod qilinishi nazarda tutilgan.

Nima uchun qonun ayollarga nisbatan bunday normalarni belgilagan? K. Mirshaeva ta'kidlashicha, "Erkaklar bilan ayollar o'rtasidagi jinoyatchilikdagi muhim farq ko'proq zo'rlik ishlatib sodir qilinadigan jinoyatlarda (odam o'ldirish, talonchilik, bosqinchilik qilish, qurol ishlatib ashaddiy bezorilik qilish) yaqqol ko'rinadi. Bunday holatda ham ayollar tomonidan sodir qilinadigan jinoyatlarni biologiyalashtirishga, ya'ni ayollar jismonan erkaklarga nisbatan zaif bo'lganligi uchun kam jinoyat sodir etadilar, – deb asoslashga urinadilar. Ammo bunday yondashuv bir tomonlamadir. Ayollar erkaklarga nisbatan jismoniy kuch jihatdan orqada bo'lsa-da, ularning zo'rlik ishlatib sodir qilinadigan jinoyatlardagi uncha ko'p bo'lmagan hissasini an'anaviy urf-odatlar asosidagi tarbiya bilan bog'lab tushuntirish kerak. Bundan tashqari, ayollarda hissiy holat, ta'sirchanlik ma'lum bir fiziologik holatda kuchli bo'ladi. Bunday holat qonunchilikda ham e'tiborga olinadi. Bundan tashqari, ayollar tomonidan sodir qilinadigan jinoyatlar jinoyat motivi bilan ham farqlanadi. Ular, birinchi navbatda, rashk, o'ch olish, hasadgo'ylik, jabrlanuvchidan qutulishga harakat qilishlarida namoyon bo'ladi. Ayollar tomonidan sodir qilinadigan ko'pgina jinoyatlar jabrlanuvchining g'ayriqonuniy xatti-harakati oqibatida kelib chiqadi" (Mirshaeva, 2022).

Ayollar jinoyatchiligini tadqiq qilgan olimlar, ularga nisbatan javobgarlik va jazo masalasidagi o'ziga xosliklar yuzasidan bir qancha sabablarni keltirishgan. Jumladan, T.P. Lugovenko ayollar jinoyatchiligi erkaklar jinoyatchiligidan tubdan farq qilishini, xususan, sodir etilgan jinoyatlar soni, jinoyat qilmishining xususiyati va ijtimoiy sharoit o'zgarishi bilan jinoyat turi va xarakteriga ta'siri borligini ta'kidlagan bo'lsa (Lugovenko, 2001), V.V. Luneyev ayol organizmining de-

mografik, psixologik va psixofiziologik xususiyatlari ularning jinoyat sodir etishiga sabab bo'ladi va, o'z navbatida, jazo tayinlashda ham bu xususiyatlar inobatga olishini kerakligini ta'kidlagan (Luneev, 2009), A.M. Pastuxova va Y.A. Tronina esa ayollarning ijtimoiy hayotda tutgan o'rni haqida tarixan shakllangan qarashlar, ularning ijtimoiy funksiyasi va roldan kelib chiqib jazo tayinlashda o'ziga xosliklar mavjudligini (Pastukhova & Tronina, 2007), M.L. Podolyuk ayollarning jamiyatdagi o'rnini hisobga olgan holda yondoshish zarurligini (Podolyuk, 2010), Y.G. Telegina ma'naviy va psixologik omillarning ayollar jinoyatchiligini kelib chiqish sabablari sifatida ko'rsatib, jazo tayinlashda ham ushbu omillarga tayanish zarurligini (Telegina, 2007), G.A. Varapayeva ayollar jinoyatchiligi oilalar mustahkamligiga jiddiy ta'sir qilishi, ayollarga nisbatan jazo tayinlashda uning oilani saqlab qolish imkoniyatlaridan kelib chiqish zarurligini ta'kidlagan (Varapayeva & Vitko, 2008).

Yuqorida ko'rsatib o'tilgan barcha mualliflarning fikriga qo'shilamiz, chunki jinoyatlarning sabablari turlicha bo'lganligi bilan, umumiy jihatdan olganda ayollarning jinoyat sodir etishi sabablarini tahlil qilish va ularga nisbatan jazo tayinlashda ularning avvalo oila mustahkamligi, farzandlar tarbiyasidagi o'rni hisobga olinishi zarur.

Tadqiqot davomida o'rganilgan 500 ta sud hukmlarida yosh, jins va sog'liq bilan bog'liq fakultativ belgilar 39 %ni tashkil qilgan. Ushbu 39 % fakultativ belgilarni o'zini alohida tadqiq qilamiz. Bunda ushbu turdagi barcha hukmlarning 40,6 %ida jinoyatning ayollar tomonidan sodir etilganligi jazo tayinlashda hisobga olingan, ya'ni barcha hollarda jinoyatni sodir etgan subyekt ayol ekanligi jazoni yengillashtiruvchi holat sifatida baholangan. Sud amaliyotidan bunga ko'plab misollar keltirish mumkin.

Sudda aniqlanishicha, M.T. 2024-yil mart oyining boshlarida "Redmi 9A" rusumli uyali telefon apparatini sotib olib, ushbu uyali tele-

fon orqali “Telegram” ijtimoiy tarmog’iga ulanib, +XXX XX XXX-XX-XX abonent raqamiga bir nechta profil yaratgan. Mazkur profillari orqali “M”, “X.n”, “T.u” nomli kanallar tashkil qilgan va ularga doimiy ravishda turli xil diniy mazmundagi kitoblarning “pdf” shaklidagi nusxalari, notanish shaxslarning turli mavzulardagi ma’ruzalari, o’zbek tilida kuylangan nashida-qo’shiqlar, shuningdek, “O’zbekiston islom harakati – O’IH” (“Turkiston islom harakati – TIH”) terroristik tashkiloti yetakchisi Tohir Yo’ldoshning “O’zbekiston islomiy harakatining tarixi, aqidasi va kelajakdagi rejalari” haqidagi “Jundulloh” jihodiy studiyasiga bergan intervyulari va boshqa diniy materiallarni joylashtirib, ularni tarmoq foydalanuvchilariga tarqatgan.

Dastlabki tergov organi tomonidan M.T.ning harakatlari O’zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi 159-moddasi 1-qismi va 244¹-moddasi uchinchi qismining “g” bandi bilan kvalifikatsiya qilingan. Sud M.T.ning harakatlari dastlabki tergov organi tomonidan to’g’ri kvalifikatsiya qilingan deb hisoblagan bo’lsa-da, sudlanuvchi M.T.ning ayolligi jazoni yengillashtiruvchi holat deb topilgan holda, uni jamiyatdan ajratgan holda ham axloqan tuzatish imkoni mavjud degan xulosaga kelgan. Sud M.T.ni hozirgi kunda qilgan ishidan chin ko’ngildan pushaymon ekanligini, ayolligini hisobga olib, Jinoyat kodeksining 57-moddasini qo’llab, unga ayblanayotgan modda sanksiyasida nazarda tutilgan ozodlikdan mahrum qilish jazosi eng kam miqdoridan ham kamroq tayinlanishini qaror qilgan.

Garchi Jinoyat kodeksi 159-moddasi 1-qismi sanksiyasida bazaviy hisoblash miqdorining olti yuz baravarigacha jarima yoki ikki yildan besh yilgacha ozodlikni cheklash, yoxud besh yilgacha ozodlikdan mahrum qilish, 244¹-moddasi uchinchi qismida esa besh yildan sakkiz yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosi nazarda tutilgan bo’lsa-da, sud M.T.ga Jinoyat kodeksi 159-moddasi 1-qismi bilan 3 yil ozodlikdan mahrum qilish,

244¹-moddasi uchinchi qismining “g” bandi bilan JK 57-moddasini qo’llab, 3 yil 3 oy ozodlikdan mahrum qilish jazosi tayinlagan. Jinoyat kodeksi 59-moddasi uchinchi qismi tartibida tayinlangan jazolarni qisman qo’shish yo’li bilan uzil-kesil 3 yil 6 oy ozodlikdan mahrum qilish jazosi belgilangan (Kokand City Court, n.d.).

Xulosa

Ayollarga nisbatan jazo tayinlashdagi o’ziga xos xususiyatlar tenglik prinsipiga zid kelmaydimi, degan savollar olimlar o’rtasida bahslarga sabab bo’lgan mavzulardan hisoblanadi. Masalan, D.T. Karamanukyan fikricha, umrbod ozodlikdan mahrum qilish jazosining ayollarga nisbatan qo’llanishi mumkin emasligi, erkaklarga nisbatan diskriminatsiya hisoblanadi (Karamanyukyan, 2019). Ushbu olim shuningdek, jinoyat-ijroiya qonunchiligida ayollarning ozodlikdan mahrum qilish jazosini o’tash rejimidagi erkaklarga nisbatan yengilliklarni ham diskriminatsiya deb hisoblaydi.

K.V. Dyadyun ayollarga nisbatan jinoiy javobgarlikning o’ziga xosligi har doim ham tenglik prinsipi mazmuniga mos kelmasligini ta’kidlasa-da, umuman olganda, ayollarga nisbatan yengillashtiruvchi javobgarlik bo’lishini ma’qullagan (Dyadyun, 2017).

Biz D.T. Karamanukyan fikrlariga qo’shilmaymiz, chunki erkak va ayol o’rtasida jismoniy va emotsional farqlar mavjudligi sababli ikkala jins vakillariga nisbatan jazo tayinlashda ham o’ziga xos yondashuvlar bo’lishi kerak. Bundan tashqari, ayolning farzand tarbiyasidagi o’rni, jamiyatdagi ayollarning tutgan o’rniga nisbatan mavjud bo’lgan o’ziga xos cheklovchi qarashlar ham, ayollarni qo’shimcha himoya qilish zaruratini keltirib chiqaradi.

Tadqiqotchi I. Muslimov JK 55-moddasi birinchi qismining “z” bandida nazarda tutilgan “homilador ayolning jinoyat sodir etishi” deb nomlangan yengillashtiruvchi holatni “homiladorlik holati” deb nomlashni taklif qilgan (Muslimov, 2025).

Homiladorlik o'z-o'zidan ayollarda mavjudligi sababli mazkur taklif sud amaliyoti uchun jiddiy ahamiyat kasb etmaydi, deb hisoblaymiz. Umuman olganda, sud hukmlari tahlili shuni ko'rsatdiki, ayollarga nisbatan jazo tayinlashda barcha holatlarda jinoyat subyektining ayol ekanligi maxsus qism sanksiyasida nazarda tu-

tilgan muqobil jazolardan yengilrog'ini qo'llash yoki JK 57-moddasini qo'llab, maxsus qism moddasida nazarda tutilgan mazkur jinoyat uchun belgilangan jazoning eng kam qismidan ham kamroq yoki shu moddada nazarda tutilmagan boshqa yengilroq turdagi jazoni tayinlashga sabab bo'lgan.

REFERENCES

1. Abdurasulova, Q. R. (2005). *Jinoyatning maxsus subyekt* [Special subject of the crime]. TSIL Publ.
2. Chuchaev, A. I. (Ed.). (2013). *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal law of the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M.
3. Dyadyun, K. V. (2014). Sovershenie prestupleniya v otnoshenii beremennoy zhenshchiny kak obstanovka, otyagchayushchaya nakazanie [Committing a crime against a pregnant woman as an aggravating circumstance]. *Advocate*, (6), 38–42.
4. Dyadyun, K. V. (2017). Naznachenie nakazaniya zhenshchinam s tochki zreniya printsipov ravenstva grazhdan pered zakonom, gumanizma i spravedlivosti [Imposing punishment on women from the perspective of the principles of equality before the law, humanism, and justice]. *Leningrad Law Journal*, (2), 196–207.
5. Galakhova, A. V. (2008). Subyekt prestupleniya i ego tolkovanie v sudebnoy praktike [The subject of a crime and its interpretation in judicial practice]. *Russian Justice*, 2, 38–42.
6. Karamanyukyan, D. T. (2019). Zakonodatel'nye predposylki gendernoy diskriminatsii v Rossiyskoy Federatsii [Legislative preconditions for gender discrimination in the Russian Federation]. *Bulletin of the Omsk Law Academy*, (1), 6–12.
7. Karavaeva, Y. S. (2017). *Spetsialnyy subyekt prestupleniya: kriminologo-pravovoy podkhod* [Special subject of the crime: Criminological and legal approach] [Candidate dissertation] (p. 198). Omsk.
8. Komissarov, V. S., Krylova, N. E., & Tyazhkova, I. M. (Eds.). (2012). *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal law of the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M.
9. Kuznetsova, N. F., & Tyazhkova, I. M. (2002). *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast* [Criminal law course. General part, vol. 1: The theory of crime, p. 166]. A Mirror.
10. Lugovenko, T. P. (2001). *Lichnost zhenshchin, sovershayushchikh prestupleniya v sfere ekonomiki* [The personality of women committing crimes in the field of economics] (p. 284). Moscow: Law Book.
11. Luneev, V. V. (2009). *Kharakteristika i prichiny prestupnosti zhenshchin* [Characteristics and causes of female criminality]. In I. B. Mikhaylovskaya (Ed.). *Aktualnye problemy ugolovnogo prava i ugolovnogo protsessa: Tr. Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Current issues of criminal law and criminal procedure: Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
12. Lyubavina, M. A. (2014). *Subyekt prestupleniya* [The subject of a crime]. St. Petersburg Law Institute.
13. Mirshaeva, K. O. (2022). Ayollar jinoyatchiligi tushunchasi va uning o'ziga xos xususiyati [The concept of female criminality and its specific features]. *Journal of Legal Studies*, (1), 74.
14. Muslimov, I. T. (2025). *Sudlar tomonidan jazoni yengillashtiruvchi holatlarni hisobga olgan holda jazo tayinlash muammolari* [Problems of sentencing considering mitigating circumstances by courts] [Doctoral dissertation]. TSUL Publ.

15. Pastukhova, A. M., & Tronina, E. A. (2007). *Zhenskaya prestupnost [Female criminality]* (pp. 299–300). Perm University Press.
16. Podolyuk, M. L. (2010). Sotsialnoe protivostoyanie mezhdru rolyami i funktsiyami zhenshchin v sovremennom obshchestve (zhenskaya prestupnost) [Social confrontation between the roles and functions of women in modern society (female criminality)]. *Law: Theory and Practice*, (6), 37–40.
17. Kokand City Court. (n.d.). *Jinoyat ishlari bo'yicha 1-1503-2402/1006-sonli jinoyat ishi bo'yicha hukm [Verdict in criminal case No. 1-1503-2402/1006.]*. <https://public.sud.uz/report/CRIMINAL>
18. Sundurov, F. R., & Tarkhanov, I. A. (Eds.). (2009). *Ugolovnoe pravo Rossii [Criminal law of Russia]* (p. 751). Moscow: Statute.
19. Telegina, E. G. (2007). *Zhenskaya prestupnost v kontekste deviantnogo povedeniya [Female criminality in the context of deviant behavior]* (pp. 171–181). Saratov: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
20. Varapayeva, G. A., & Vit'ko, V.V. (2008). *Sotsial'nye faktory zhenskoy prestupnosti [Social factors of female criminality]* [Conference presentation]. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [International scientific and practical conference]. Barnaul: AAEP.

Kelib tushgan / Получено / Received: 22.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./DABM5309

UDC: 343.22:004.8(045)(575.1)

JINOYAT SUBYEKTI SIFATIDA SUN'IY INTELLEKT JAVOBGARLIGI MASALASI

Nurmanov Xolbek Rahmatilla o'g'li,

Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi

ORCID: 0009-0001-2582-7720

e-mail: xolbek.nurmanov123@gmail.com

Annotatsiya. Ushbu ilmiy maqolada muallif tomonidan jinoyatni sodir etish subyekti sifatida sun'iy intellekt javobgarligi masalasi o'rganiladi, jumladan, ushbu masalada yuridik fanda mavjud fikrlar, g'oyalar, konsepsiyalar, ilmiy munozaralar atroflicha ko'rib chiqiladi. Milliy qonunchilikda hozirgi kunda kiberjinoyatlarni sodir etish subyekti sifatida sun'iy intellekt qilmishi uchun bevosita jinoiy javobgarlik choralari belgilanmagan. Ayni chog'da rivojlangan xorijiy mamlakatlar (xususan, AQSh, Buyuk Britaniya) fan va amaliyotida, maxsus qonunlarida sun'iy intellekt javobgarligiga oid bir qator huquqiy qoidalar shakllantirilgan (jumladan, uning bevosita yoki bilvosita javobgarligi shakllari haqida) bo'lib, shu bois ushbu o'ziga xos subyektning qilmishi yuzasidan javobgarlikni belgilashda jahon amaliyotida allaqachon shakllanib ulgurgan bir qator shart va talablarni inobatga olish zarur degan xulosaga kelingan. Buning uchun muallif tomonidan milliy fuqarolik, jinoyat va boshqa qonun hujjatlariga tegishli qo'shimcha va o'zgartishlar kiritish, shuningdek, sun'iy intellektdan foydalangan holda sodir etilgan qilmishlarni to'g'ri kvalifikatsiya qilishga oid tegishli amaliy qoidalarni ishlab chiqish yuzasidan ilmiy asoslantirilgan taklif va tavsiyalar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: sun'iy intellekt, iqtisodiyot, zarar, javobgarlik, kiberjinoyat, delikt, kompyuter axboroti

ВОПРОС ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Нурманов Холбек Рахматилла угли,

самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В настоящей научной статье автором исследуется проблема ответственности искусственного интеллекта как субъекта совершения преступления, в частности, всесторонне анализируются существующие в юридической науке мнения, идеи, концепции и научные дискуссии по данному вопросу. На основе рассмотрения указанных научных подходов и теоретических позиций автор приходит к выводу о том, что в действующем национальном законодательстве на сегодняшний день не установлены меры прямой уголовной ответственности за деяния, совершённые искусственным интеллектом как субъектом киберпреступлений. В то же время в научной и правоприменительной практике развитых зарубежных государств (в частности, США и Великобритании), а также в их специальном законодательстве уже сформирован ряд правовых положений, касающихся ответственности искусственного интеллекта, включая формы его прямой и косвенной ответственности. В связи

с этим делается вывод о необходимости учитывать при определении ответственности за деяния данного специфического субъекта совокупность условий и требований, уже сложившихся в мировой практике. В целях реализации данного подхода автором выдвинуты научно обоснованные предложения и рекомендации, направленные на внесение соответствующих дополнений и изменений в национальные гражданскую, уголовную и иные отрасли законодательства, а также на разработку практических правил, касающихся правильной квалификации деяний, совершённых с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономика, вред, ответственность, киберпреступление, деликт, компьютерная информация

THE ISSUES OF LIABILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SUBJECT OF CRIME

Nurmanov Kholbek Rahmatilla ugli,

Independent Researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. *In this scientific article, the author examines the issue of the liability of artificial intelligence as a subject of crime, including the opinions, ideas, concepts, and scientific discussions existing in legal science on this issue. Currently, national legislation does not establish direct criminal liability measures for the act of artificial intelligence as a subject of committing cybercrimes. At the same time, in the science and practice of developed foreign countries (in particular, the USA and Great Britain), a number of legal provisions regarding the liability of artificial intelligence have been formed in special laws (including the forms of its direct or indirect liability); therefore, it was concluded that when determining the liability for the actions of this specific subject, it is necessary to take into account a number of conditions and requirements that have already been formed in world practice. For this purpose, the author put forward scientifically substantiated proposals and recommendations for making appropriate additions and amendments to national civil, criminal, and other legislation, as well as for developing appropriate practical rules for the correct qualification of acts committed using artificial intelligence.*

Keywords: artificial intelligence, economy, damage, liability, cybercrime, delinquency, computer information

Kirish

Dunyoda sun'iy intellekt sohasidagi ishlanmalar, ularga nisbatan intellektual mulk huquqi va mazkur mahsulotlarning huquqiy tabiati, xususan, yuridik javobgarligi masalalari kun sayin jiddiy muammoga aylanib bormoqda. Jumladan, 2015- va 2018-yilda sun'iy intellekt negizidagi avtopilot boshqaruvida "Tesla" avtomashinasi avtohalokatni sodir etishi insonlarning hayotdan ko'z yumishiga olib keldi (Shepardson, 2017). Shuningdek, 2015-yilda manipulyator roboti harakati "Volkswagen" avtomobil zavodida ishchi o'limiga sabab bo'ldi (The Guardian, 2015), 2020-yilda Liviyada harbiy uchuvchisiz boshqariladigan dron mustaqil ravishda, operator

ishtirokisiz, insonni izlab topdi va uni nobud qildi (Jha, 2020). Mazkur voqealar amalda sun'iy intellekt sohasidagi huquqiy javobgarlik masalalari tezkor sur'atlar bilan odimlab borayotgan texnologik inqilobning shiddatiga mos kela olmay qolayotgani tufayli sun'iy intellekt sohasidagi mahsulotlar va ularga bog'liq zamonaviy texnologiyalar (aqlli shahar, smart-kontrakt, raqamli iqtisod, blokcheyn va h.k.) ishlab chiqarilishi barobarida yuzaga kelayotgan chaqiriqlar, munosabatlar an'anaviy huquq normalari va institutlarni to'liq qayta ko'rib chiqish zaruratini vujudga keltirmoqda.

Jinoyat tarkibi obyektiv tomonining asosiy majburiy tarkibiy qismlaridan biri bu

aniq harakatning haqiqiy sodir etilishidir. Bugungi kunda sun'iy intellekt "harakatlarni" bajarishga qodir va bu nafaqat "kuchli" sun'iy intellektga, balki pastroq rivojlangan texnologiyalarga ham tegishli. Mashina (masalan, sun'iy intellekt roboti) o'zining gidravlik qo'li yoki boshqa moslama bilan harakat qilsa, buni harakat deb hisoblash mumkin. Va bu faqat harakat mashinaning ichki hisob-kitoblari natijasi bo'lgan holatlarga emas, balki mashina to'liq inson tomonidan boshqarilsa ham. Shunga ko'ra, hatto zaif sun'iy intellekt bilan jihozlangan mashinalar ham, motivlar va sabablardan qat'i nazar, harakatlarni amalga oshirishning haqiqiy qobiliyatiga ega (Hallevy, 2015).

Metodlar

Tadqiqotda mantiqiy, tarixiy, qiyosiy-huquqiy, aniq sotsiologik, ilmiy manbalarni kompleks tadqiq etish, statistik ma'lumotlar tahlili, qonun hujjatlarini sharhlash, qonunni qo'llash amaliyotini o'rganish kabi usullardan foydalanilgan.

SI sohasi juda ham murakkab va keng qamrovli bo'lib axborot texnologiyalaridan tashqari qator sohalar: psixologiya, neyrofiziologiya, falsafa, transgumanizm va boshqalar bilan chambarchas bog'liq. Sun'iy intellekt ham boshqa axborot texnologiyalari fanlari kabi matematik apparatdan foydalanadi. Uning uchun falsafa va robototexnika alohida ahamiyatga ega hisoblanadi.

Sun'iy intellektdan foydalanishning keng imkoniyatlari yaqin kelajakda muayyan faoliyat sohalaridagi mutaxassislarni almashtirish to'g'risida so'z yuritishga imkon beradi. Biroq shaxslararo munosabatlarda ustunlik qiladigan sohalarda robotlar insonlarni to'liq almashtira olmaydi, chunki ularda ruhiyat, his-tuyg'u, fikrlashning moslashuvchanligi, muammolarni hal qilishga individual yondashish qobiliyati, muammo, suhbatdoshning o'ziga xos xususiyatlarini hisobga olish qobiliyati yo'q.

Sun'iy intellektni talqin qilishning bunday yondashuvi, birinchi navbatda, olimlar va

amaliyotchilarning diqqatini jalb qiladigan mavjud "elektron shaxs" konsepsiyasiga asoslanadi (Popova, 2019; Rolinson, 2018; Kharitonova, 2019). Agar biz haqiqatan ham sun'iy intellektning avtonomiyasidan, uning xatti-harakatlaridan xabardor bo'lish qobiliyatidan kelib chiqadigan bo'lsak, unda beixtiyor uning javobgarligi va shunga mos ravishda jamiyatdagi huquqiy maqomi va rolini aniqlash masalasi tug'iladi.

Huquqiy munosabatlarning subyekti sifatida tan olinishi uchun shaxsga huquqiy maqom (huquq layoqati, muomala layoqati va delikt layoqati) berilgan bo'lishi kerak. Fuqarolik huquqi mantig'iga amal qiladigan bo'lsak, jismoniy va yuridik shaxslarning o'z fuqarolik huquqlari, o'z xohish-irodasi va o'z manfaatlarini ko'zlashi tabiiy hol. Bu holatda iroda va qiziqish sun'iy intellekt faoliyatining ongli fikrlash jarayonlari, shuningdek, uning huquqiy maqomini tan olish omillarini belgilab beradimi, degan savol yuridik fan doirasidan tashqarida bo'lib, jiddiy, keng qamrovli sotsiologik, psixologik va falsafiy tadqiqotlarni talab qiladi (Arkhipov, 2017; Ponkin, 2018; Rizhenkov, 2014).

Bu yerda hech qanday shubha tug'dirmaydigan narsa subyektiv huquqning maqsadi va sharti bo'lgan huquqiy manfaatning o'ziga xosligidir (Bratus, 1950). Sun'iy intellekt mustaqil manfaatga ega emas, balki inson tomonidan o'z ehtiyojlarini qondirish uchun yaratilgan kompyuter dasturidir, degan xulosaga kelishimizga imkon beradi. Shunga ko'ra, faqat sun'iy intellektdan foydalanyotgan yoki unga ega bo'lgan shaxslarning manfaatlari himoya doirasiga kiradi.

Bu sohada G. Hallevy, J. Buyers, G. Hallevy, Piter Asaro, N. Nevejans, F.V. Ujov, L. Shvars, J.K.C. Kingston, B. Hamroqulov, D.J. Gunkel, C.G. Debessonnet, Y.H. Weng, S. Solaiman, P. Freitas, D. Levy, Y. Benhamou, G. Calabresi, A.D. Melamed, S. Jenny, R.S. Gruner, F. Malle, M. Scheutz, J.L. Austerweil., M. Decker, M. Gutmann kabi olimlarning ilmiy qarashlarini aytib o'tish darkor.

Natijalar

Gabriel Xollivi sun'iy intellekt mahsulotlarini javobgarlikka tortish imkoniyati masalasini muhokama qilar ekan, huquqbuzarlikning subyektiv tomonining mavjudligi masalasi asosiy masala bo'lishi kerakligini ta'kidlaydi (Hallevy, 2016).

Shu sababli sun'iy intellekt mahsulotini o'z harakatlari uchun qonuniy javobgarlikka tortish imkoniyati masalasi bugungi kunda juda katta muhokamalarga sabab bo'lmoqda va sun'iy intellekt mahsulotining huquqiy maqomini aniqlash masalasi bilan bevosita bog'liq.

Sun'iy intellekt mahsulotiga ba'zi cheklangan huquqlar va majburiyatlarning berilishi ma'lum bir sohada ma'lum maqsadlarga erishish uchun amalga oshirilishi mumkin, ammo bunday mahsulotni to'liq shaxs sifatida ta'minlash uchun zarur emas. Qolaversa, sun'iy intellekt mahsuloti o'zining qonunga xilof harakatlarining oqibatlarini haqiqatda va to'liq anglay olmaydi, bu jinoyat-huquqiy delikt tarkibini belgilashda muammolarga olib keladi (Buyers, 2015). Sun'iy intellekt mahsulotining javobgarligi masalasi sun'iy intellektga nisbatan to'liq ma'nosizligi sababli yuridik vaziyat bugun boshi berk ko'chaga kirib qolgan.

Sun'iy intellekt mahsuloti uchun jinoyat huquqida mutlaq aniq javobgarlikning kiritilishi ham klassik yuridik javobgarlik maqsadidan biri bo'lgan huquqbuzarlikning oldini olish, profilaktika maqsadlariga erishishga imkon bermaydi, chunki sun'iy intellekt mahsulotini javobgarlikka tortish holati uning axloqini tuzata olmaydi va potensial javobgarlik og'irligi uning harakatlariga to'sqinlik qilmaydi, chunki bu mahsulot uchun mutlaqo farqsiz holatdir.

F.V. Ujovning nazdida, sun'iy intellekt mahsulotini "qayta tarbiyalash" faqat uni to'liq qayta dasturlash orqali amalga oshirilishi mumkin, uni "ma'lum ma'noda insonga nisbatan lobotomiya operatsiyasi bilan solishtirish mumkin. Ya'ni shu orqali sun'iy intellekt

xususiyatlarini mutlaq va, ehtimol, qaytarib bo'lmaydigan o'zgartirish mumkin.

Ikkinchi yo'l – sun'iy intellektni bloklash (yo'q qilish), biroq bu jinoyat huquqi jazo tizimida mavjud emasligi tufayli bu usulni ko'rib chiqa olmaymiz. Jinoiy javobgarlikni belgilashda mashinaning qiymati, u tomonidan qilingan "xatolar" sonini, tegishli kamchiliklarni "og'riqsiz" bartaraf etish imkoniyatini baholash doirasida muhokama qilish kerak (Uzhov, 2017).

Agar biz sun'iy intellekt tizimlariga nisbatan jinoyat-huquqiy javobgarlik choralari qo'llash maqsadlari haqida gapiradigan bo'lsak, bu yerda faqat zararni undirish haqida so'z yuritish mumkin, boisi har qanday mashina – avtomobillardan tortib sun'iy intellekt bilan jihozlangan yuqori texnologiyali robotlargacha nisbatan jismaniy jazo choralari qo'llash, xuddi "avtomobilni tepish" bilan barobardir. Mashina azob chekish yoki afsuslanishga qodir emas (Hallevy, 2015).

AQShda delikt huquqi doktrinasida *actus reus* (huquqqa xilof harakat) va *mens rea* (ayb, ruhiy holat) kabi majburiy elementlar ajratilgan, ularsiz shaxsni huquqiy javobgarlikka tortish mumkin emas. Bu yerda savol shundaki, sun'iy intellekt huquqiy javobgarlikka tortilishi mumkin bo'lgan delikt sodir etganda, avtonom boshqaruv tizimlarining harakatlari uchun kim javobgar bo'ladi? Jumladan, Amerika yuridik instituti komissiyasi tomonidan ishlab chiqilgan *mens rea* va *actus reus* huquqiy tabiatiga murojaat qiladigan bo'lsak, quyidagilarni kuzatish mumkin.

B.F. Malle va boshqa mualliflarning fikricha, bu qoidalar faqat huquqiy islohotlarni boshlashga taklif bo'lib, delikt huquqining murakkab muammolarini yagona va mutlaqo to'g'ri hal qilishning dogmatik qoidasi emas (Malle et al., 2017). Shu bilan birga, shuni ta'kidlash kerakki, Amerika shtatlarining mutlaq ko'pchiligining qonun chiqaruvchilari mazkur qoidalarni o'z hududlari qonunchiligiga kiritgan.

Jinoiy deliktning asosiy obyektiv (moddiy) elementi xatti-harakat (actus reus) bo'lib, u qilmishni, ya'ni taqiqlangan xatti-harakatlar tavsifiga kiritilgan xatti-harakatlarni (harakatsizlikni) anglatadi. Umumiy huquqda shaxs, agar uning delikt qilmishi ongli, irodaviy bo'lmagan harakatlar yoki refleksiv (konvulsiv) tana harakatlari, shuningdek, ongsiz holatda yoki tushda amalga oshirilgan harakatlar uchun javobgar hisoblanmaydi.

AQSh delikt qonunchiligi qilmishni va shaxsning o'z harakatlarini anglab yetishini talab qiladi. Bunday obyektiv va subyektiv omillar ikkiligi quyidagi doktrinal postulatlardan kelib chiqadi: fikrlar moddiy emas; irodaning o'zi qilmishni ifodalamaydi.

Sun'iy intellektni qo'llashda huquqiy javobgarlikni taqsimlash konsepsiyasiga kelsak, bu borada fanda uch xil konsepsiya mavjud (Gunkel, 2012).

Birinchi model, *"The Perpetration-by-Another"* (Boshqa shaxs orqali sodir etish) modeli sun'iy intellektni delikt subyekti sifatida tan olmaydi. Bunda undan foydalangan shaxs apriori aybsiz (lekin javobgar) sifatida qabul qilinadi. Yuqoridagi tushuncha qadim zamonlardan beri ma'lum bo'lib, javobgarlik institutining bir qismidir.

Bunday holatda sun'iy intellektning harakatlari uchun huquqiy javobgarlikka tortish uchun ikkita taxminiy subyekt mavjud. Birinchisi, maxsus dasturiy ta'minot ishlab chiqqan dasturchi, ikkinchisi, sun'iy intellekt mahsulotiga ega bo'lgan va undan o'zining noqonuniy manfaatlari yo'lida foydalangan foydalanuvchi. Ikki holatda ham qilmish to'g'ridan to'g'ri robot tomonidan amalga oshiriladi, bunda robot tomonidan bajarilgan harakat xuddi dasturchi yoki foydalanuvchi tomonidan bajarilgandek ko'rib chiqiladi (Scherer, 2015).

Ikkinchi model, *"The Natural-Probable-Consequence Liability"* (Tabiiy ehtimoliy oqibat uchun javobgarlik), dasturchining (foydalanuvchining) ongli maxsus harakatlari nazarida tutmaydi. Bu yerda jinoiy delikt

sun'iy intellekt tizimidan beparvolik yoki ehtiyotsizlik bilan foydalanish tufayli yuzaga keladi (Mehlman, 2017).

Shu bilan birga, subyekt deliktini yoki uning oqibatlarini oldindan ko'ra olmasa ham, u sun'iy intellektning funksiya va vazifalaridan kelib chiqadigan potensial oqibat sifatida bunday huquqiy delikt yuz berishi mumkinligini bilishi zarur. Shunga ko'ra, dasturchining (foydalanuvchining) beparvoligi (ehtiyotsizligi) isbotlangan taqdirda uning jinoiy-huquqiy javobgarligini keltirib chiqaradi.

Biroq agar robot ma'lum bir harakatlarni (vazifalarni) bajarishga dasturlashtirilgan bo'lsa-da, lekin ularni bajarish jarayonida, berilgan dasturdan chetga chiqib, huquqiy delikt sodir etsa, dasturchi sun'iy intellektning qilmishi uchun javob bermaydi, chunki potensial oqibat sifatida buni anglab yetmaydi (Debessonnet, 1986). Bu yerda baxtsiz hodisa yuz bergan hisoblanadi, chunki bu modelda sun'iy intellektning o'z xatti-harakatlari uchun shaxsan javobgar hisoblanmaydi.

Dastlabki ikkita model sun'iy intellektni jinoyat-huquqiy javobgarlik munosabatlari-ning to'laqonli subyekti sifatida tan olmaydi, balki uni delikt oqibat (natija)ga erishish vositasi deb hisoblaydi.

Uchinchi model, *"The Direct Liability"* (Bevosita javobgarlik) modeli butunlay boshqacha xarakterga ega. U sun'iy intellektni kelajakda huquqiy javobgarlikka tortish mumkin bo'lgan mustaqil subyekt deb hisoblaydi. Model nomidan ko'rinib turibdiki, u sun'iy intellektning bevosita javobgarligini belgilab, uning harakatlari uchun dasturchi (foydalanuvchi)ni jalb qilmaydi (Weng, 2009). Ammo bunday modelni amaliyotga tatbiq etish uchun sun'iy intellektga huquqiy maqom berish, shuningdek, sun'iy intellekt harakatlarining mens rea va actus reus talablariga to'liq muvofiqligi haqida qonunchilikka o'zgartish kiritish zarur bo'ladi (Solaiman, 2017).

Muhokama

Sun'iy intellekt javobgarligi konsepsiyalarini tahlil qilish natijasida quyidagi jihatlarni aniqladik.

Birinchidan, delikt huquqi nuqtayi nazaridan, avtomatik mexanizm, shu jumladan, sun'iy intellektdan foydalanish natijasida zarar yetkazish ham harakat, ham harakatsizlik (masalan, sun'iy intellektning qonunda yoki shartnomada nazarda tutilgan vazifalarni bajarmasligi oqibatida moddiy yoki jismoniy zarar yetkazilishi) oqibatida yuzaga kelishi mumkin.

Ikkinchidan, umumiy huquq tizimi o'ngining faqat ikkita bosqichini (idrok etish va tahlil qilish) tan oladi, ular hozirgi rivojlanish bosqichida sun'iy intellektga xosdir. Demak, sun'iy intellektdan foydalanadigan avtomatlashtirilgan tizim inson kabi axborotni qabul qilish, uning idrok etish imkoniyatlari va qurilmalarga ega (masalan, videokuzatuv kameralari, harakat datchiklari, yorug'lik datchiklari, mikrofonlar va atrof-dagi dunyoni idrok etish uchun boshqa qurilmalar).

Shu sababli texnologik rivojlanishning hozirgi bosqichida ham sun'iy intellekt ma'lumotni idrok etishga qodir, deb ta'kidlash mumkin. Ammo uni idrok etish faktiga ega bo'lishning o'zi kifoya emas, atrof-dagi voqelikning to'g'ri tasvirini ongli ravishda aks ettirish, uni tahlil qilish va o'tmishdagi ma'lumotlar bilan taqqoslash muhimdir.

Misol uchun, strategik muhim obyekt xavfsizligini ta'minlovchi avtonom robotlarni ko'rib chiqaylik. Ularning vazifasi ma'lum bir hududda ruxsatsiz paydo bo'lgan shaxslarni qayd etish. Razvedka sensorlari harakat trayektoriyasi bo'ylab ehtimoliy buzg'unchini aniqlaydi va keyin vaziyatni tahlil qilish zarurati paydo bo'ladi. Bu jarayon tashqi ko'rinishdan vaziyatni inson tomonidan idrok etishga o'xshaydi, faqat bundan farqli ravishda sun'iy intellektda juda tez yuz beradi.

Uchinchidan, beparvolik va ehtiyotsizlik kabi ayb shakllari sun'iy intellekt uchun

tatbiq etilishi dargumon. Uning barcha harakatlari bir maqsadga – o'ziga yuklangan vazifani bajarishga bo'ysunadi. Inson o'z harakatlari uchun javobgarlikka tortilganda, ehtiyotsizlik haqida so'z yuritish mumkin. Vaholanki, sun'iy intellekt mahsuloti o'z dasturini amalga oshirishi natijasida yuridik javobgarlik kelib chiqqanda, o'zgacha bir ayb shakliga murojaat etishga yoki ushbu zarar aybsiz holda yetkazilgan deb topishga majbur bo'lamiz.

Biroq ko'rib chiqilgan modellar bir qator qiyin savollarni javobsiz qoldiradi.

Birinchidan, go'yoki "aqldan ozish" holati sun'iy intellekt tizimiga xos bo'lishi mumkinmi, aytaylik, sun'iy intellektni kompyuter virusi bilan yuqtirish natijasida yuzaga kelishi mumkinmi? Bizningcha, bu yerda javob oddiy: bunday holatlarda ham javobgarlikni hech qanday holda sun'iy intellekt zimmasiga yuklash mumkin emas. Buning sababi shundaki, sun'iy intellekt insonga xos ruh, his-tuyg'u, qasd, niyat va shaxsiy manfaat kabi elementlardan mahrum (Freitas et al., 2014).

O'zining taraqqiy etganligi va axborotni qayta ishlash tezligi insonning potensial imkoniyatlaridan bir necha baravar yuqori bo'lgani bilan sun'iy intellekt hozircha moddiy-texnik bazaga ega dastur bo'lib qolmoqda xolos. Aynan uning insonga xos jihatlari yo'qligi unga nisbatan javobgarlikni istisno etuvchi yoki yengillashtiruvchi holatlar qo'llanmasligini anglatadi.

Ikkinchi masala, Jinoyat kodeksining tegishli moddalarida belgilangan javobgarlikni yengillashtiruvchi yoki undan ozod qiluvchi holatlar sun'iy intellektga ham qo'llanishi mumkinmi? Ya'ni u zaruriy mudofaa yoki oxirgi zarurat holatida harakat qilishi yoki voyaga yetmagan deb tan olinishi mumkinmi?

Anglo-sakson huquqiy oilasining delikt huquqi nazariyasida yuqoridagi asoslar ikki turga ajratiladi – istisnolar va asoslar (exemptions and justifications). Birinchisi, o'z tabiatiga ko'ra, javobgar shaxsning shaxsiy

xususiyatlariga taalluqli, ikkinchisi esa delikt sodir etilgan muhitni hisobga oladi. Jumladan, istisnalar deb shaxsning javobgarlik yoshiga yetmasligi, muomalaga layoqatsiz (insane) shaxs va hokazolarni aytish mumkin. Asoslar qatoriga zaruriy mudofaa, oxirgi zarurat kabilar kiradi. Misol uchun, bir qarashda javobgarlik yoshiga yetmaslik sun'iy intellektga xos emasdek tuyilishi mumkin. Biroq bu savolga javob aniq emas, chunki sun'iy intellekt tizimlari – doimiy avtonom ishlash uchun o'rnatilgan va doimo yangilanib, funksiyalarini bajarish jarayonida rivojlanib borishi mumkin bo'lgan tizimlar. Shunga ko'ra, ma'lum bir muddat ichida sun'iy intellekt mahsulotini huquqiy javobgarlikka tortishda bu masalani ham ko'rib chiqish zarurati tug'iladi.

Delikt haqidagi qonunning asosiy maqsadi jabrlanuvchilarga barcha manfaatlarini baholash asosida yetkazilgan zararni to'liq qoplashdan iborat. An'anaga ko'ra, bunday zararni qoplash kompensatsiya prinsipi asosida tartibga solinadi (unga ko'ra, faqat haqiqiy zarar qoplanishi lozim) (Hallevy, 2013). Sun'iy intellekt haqida so'z borgan-da, bir necha turdagi zararlar yuz berishi mumkin, jumladan, insonga mulkiy shikast yetkazish (masalan, mustaqil ravishda uning kartasidan mablag'larni yechish), intellektual mulk huquqi yoki shaxsiy hayot daxlsizligi huquqi qoidalarining buzilishi natijasida kelib chiqadigan zarar, sof iqtisodiy yo'qotishlar (masalan, ma'lumotlarga zarar yetkazish bilan bog'liq xarajatlar) ko'rinishida bo'lishi mumkin.

Har qanday holatda, faqat qoplanishi lozim bo'lgan zarar kompensatsiya qilinadi, buning ostida huquq tizimi doirasida himoya qilinishga loyiq deb hisoblangan cheklangan manfaatlariga yetkazilgan zarar tushuniladi (Levy, 2015). Garchi shaxs mulkiga yetkazilgan zarar va mutlaq huquq buzilishi natijasida yetkazilgan zarar qoplanishi zarur bo'lgan zarar toifasiga kirishi bir ovozdan ma'qullansa ham, ularni sof iqtisodiy zarar (jumladan, ma'lumotlar bazasiga zarar yetkazish, masa-

lan, ma'lumotlarni o'zgartirish yoki yo'q qilish) sifatida qabul qilish borasida umumiy fikr yo'q. Ayni chog'da sof iqtisodiy zarar shartnoma majburiyatlari orqali qoplanishi mumkin (misol uchun, ushbu zararlarni qoplashni ko'zda tutuvchi sug'urta shartnomasi). Qonun chiqaruvchilar va sudlar ham ma'lumotlarga zarar yetkazilishini tan olishadi.

Zarar yetkazish uchun javobgarlik tegishli ma'lumotlar intellektual mulk to'g'risidagi qonun yoki shunga o'xshash huquqiy rejim bilan himoyalangan bo'lsa, misol uchun, ma'lumotlar bazasini himoyalash yoki tijorat sirini himoyalash (IPR – intellektual mulk huquqi) jarayonida, sun'iy intellekt bilan bog'liq holda (masalan, sun'iy intellektni ta'minlash uchun kirishda) huquqbuzarlik sodir bo'lganida yuzaga keladi. Biroq bu yerda zarar miqdorini hisoblash juda nozik masaladir.

Zarar miqdorini hisoblash yurisdiksiyalar orasida farq qiladi, holbuki, zarar asosan ikki xil shaklda bo'ladi: da'vogar ko'rgan zarar yoki boy berilgan foyda sifatida belgilanadigan haqiqiy zarar (Nikolaeva et al., 2018) va asossiz orttirilgan boylik, uning ostida huquqbuzar tomonidan huquqni buzgan holda asossiz ravishda olingan foyda tushuniladi. Haqiqiy zarar yoki asossiz orttirilgan boylik tegishli ma'lumotlar sun'iy intellektning asosiy qismini tashkil qilganda (masalan, dasturiy ta'minot tahliliy maqsadlarda yoki ma'lumot bazasini tuzish uchun foydalanilganda) ahamiyat kasb etishi mumkin. Shu bilan birga, da'vogar sifatida axborotdan tijoriy maqsadlarda foydalana olmaydigan yakka tadbirkor namoyon bo'lsa, haqiqiy zararni undirish haqidagi talabni kiritish qiyin bo'lishi mumkin, chunki u yetkazilgan zarar oqibatida o'zining tijorat aylanmasi kamayganligi yoki o'smaganligini (haqiqiy zarar) hamda uning intellektual mulkka bo'lgan huquqi buzilmaganida, u huquqbuzarning o'rniga o'z mahsulotini sotishi mumkinligini (boy berilgan foyda) isbotlashi murakkab.

Bularning barchasi hozircha shart bo'lmagan farazlar deb qaralishi mumkin. Biroq

vaqt o'tishi bilan ular o'z dolzarbligini ko'rsata boshlaydi. Misol uchun, XIX asrdan boshlab (Benhamou & Ferland, 2009) faqat insonga xos javobgarlikning ayrim tushunchalari yuridik shaxslar – aslida sun'iy ravishda yaratilgan huquq subyektlari uchun tatbiq etilgani sir emas.

Hozirgi bosqichda sun'iy intellektni faqat fuqarolik-huquqiy delikt vositasi sifatida ko'rishimiz mumkin, biz hozirdanoq jinoyat-huquqiy javobgarlik munosabatining faol subyekti sifatida qarash kerak (Calabresi & Melamed, 1972), degan fikrga mutlaqo qarshimiz.

Xulosa

Maqola yakunida quyidagilarni aytishni o'rinli deb topdik:

Birinchidan, biz sun'iy intellekt bevosita jinoyat-huquqiy javobgarlikka tortish uchun muomala layoqatiga ega emasligi to'g'risidagi pozitsiyani qo'llab-quvvatlaymiz. Bizningcha, masalan, ba'zi hollarda elektron tizimning noqonuniy harakatlariga virus dasturlari, masalan, troyan virusi yoki sun'iy intellektidan foydalangan holda noqonuniy harakatlarni amalga oshirish uchun hujum qiladigan boshqa zararli dasturlar tufayli elektron tizimning o'zini bu qilmishda aybdor deb bilish mutlaqo asossiz ko'rinadi.

Bu holatda javobgarlik tizimning algoritmi sxemasiga kirib, deliktning bevosita sababchisi bo'lgan zararli dasturiy ta'minotni ishlab chiqaruvchi yoki xuddi shu harakatlarni sodir etgan foydalanuvchi zimmasiga yuklatilishi shart.

Qolaversa, har qanday holda ham, sun'iy intellektni huquqiy javobgarlik subyekti sifatida tan olish nafaqat batafsil tadqiqotlarni, balki ma'lum darajada ehtiyotkorlikni ham talab qiladigan jarayon.

Ikkinchidan, sun'iy intellektning huquqiy maqomini e'tirof etish muqarrar ravishda uning huquq va majburiyatlarini normativ tartibda belgilash, shuningdek ularning davlat tomonidan ro'yxatga olinishini ta'minlash kafolatlarini talab qiladi. Bu esa, o'z navbatida, normativ-huquqiy hujjatlar bazasini tubdan qayta qurish bilan birga inson tafakkurini o'zgartirishni, huquqiy madaniyatni tubdan rivojlantirishni talab qiladi.

Biz bunga tayyormiz deb ayta olamizmi? Hozircha yo'q. Lekin bir narsani aniq aytishimiz mumkin: hozirdan jamiyat yaqin kelajakda yuzaga kelishi mumkin bo'lgan xavflarni bashorat qilishi, sun'iy intellektni yaratish va qo'llashda jinoyat-huquqiy javobgarlikka oid qonunchilikni ishlab chiqishga e'tibor qaratishi shart.

REFERENCES

1. Arkhipov, V. V., & Naumov, V. (2017). *Iskusstvennyy intellekt i avtonomnye ustroystva v kontekste prava: O razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike* [Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: On the development of the first law on robotics in Russia]. *Proceedings of SPIIRAS*, 6(55). <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>
2. Benhamou, Y., & Ferland, J. (2009). Compensation of prejudice for infringements of intellectual property rights in France, under the Directive 2004/48/EC and its transposition law: New notions? *International Review of Intellectual Property and Competition Law*, 40(2), 126.
3. Bratus, S. N. (1950). *Subyekty grazhdanskogo prava* [Subjects of civil law]. Legal Literature.
4. Buyers, J. (2015). *Liability issues in autonomous and semi-autonomous systems*. Osborne Clarke LLP.
5. Calabresi, G., & Melamed, D. (1972). Property rules, liability rules, and inalienability: One view of the cathedral. *Harvard Law Review*, 85(6), 1089–1128.
6. Debessonnet, C. G. (1986). An artificial intelligence application in the law: CCLIPS, a computer program that processes legal information. *High Technology Law Journal*, 1(2), 329–409.

7. Freitas, P. M., Andrade, F., & Novais, P. (2014). *Criminal liability of autonomous agents: From the unthinkable to the plausible* [Conference presentation]. AI approaches to the complexity of legal systems: AICOL 2013. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-662-45960-7_11
8. Gunkel, D. J. (2012). *The machine question: Critical perspectives on AI, robots, and ethics*. MIT Press.
9. Hallevy, G. (2013). *When robots kill: Artificial intelligence under criminal*. Northeastern University Press.
10. Hallevy, G. (2015). *Liability for crimes involving artificial intelligence systems* (pp. 60–62). Springer International Publishing.
11. Hallevy, G. (2016). *The criminal liability of artificial intelligence entities: From science fiction to legal social control*. IdealExchange Publ.
12. Jha, S. (2020, March 9). *Can you sue an algorithm for malpractice? It depends*. STAT. <https://www.statnews.com/2020/03/09/can-you-sue-artificial-intelligence-algorithm-for-malpractice/>
13. Kharitonova, Yu. S. (2019). *Pravovoy rezhim rezultatov deyatelnosti iskusstvennogo intellekta* [Legal regime of the results of artificial intelligence activities]. Statut.
14. Levy, D. (2015). *When robots do wrong* (1st ed.). CRC Press. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.1201/b19171-4/robots-wrong-david-levy>
15. Malle, B. F., Scheutz, M., & Austerweil, J. L. (2017). *Networks of social and moral norms in human and robot agents*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-46667-5_1
16. Mehlman, M. (2017). Robot law, *Case Legal Studies Research Paper*, (1). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2908488
17. Nikolaeva, Y. V., Grimalskaya, S. A., Petrosyants, D. V., Zulfugarzade, T. E., Maystrovich, E. V., & Shestak, V. A. (2018). Philosophical view of multiculturalism in modern European cinematography. *European Journal of Science and Theology*, 14(6), 205–214.
18. Ponkin, I. V. (2018). *Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava* [Artificial intelligence from a legal perspective]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 22(1), 91–109.
19. Popova, N. F. (2019). Osnovnye napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta, robotov i obyektov robototekhniki v sfere grazhdanskikh pravootnosheniy [Fundamentals of the development of legal regulation of the use of sophisticated intelligence, robots and robotics objects in the field of civil law]. *Modern Law*, (10), 69–73.
20. Ryzhenkov, A. Ya. (2014). *Deystvie svoey voley i v svoem interese kak princip grazhdanskogo zakonodatelstva* [Acting by one's own will and in one's own interests as a principle of civil legislation]. *Lawyer*, (16), 16–21.
21. Rolinson, P. (2018). Obyekty intellektualnoy sobstvennosti, sozdavaemye s pomoshchyu iskusstvennogo intellekta: Osobennosti pravovogo rezhima v Rossii i za rubezhom [Objects of intellectual property created with the help of artificial intelligence: Features of the legal regime in Russia and abroad]. *Law*, (5), 63–71.
22. Scherer, M. U. (2015). Regulating artificial intelligence systems: Risks, challenges, competencies, and strategies. *Harvard Journal of Law & Technology*, 29(2), 353–400.
23. Shepardson, D. (2017, June 19). *Tesla driver in fatal 'Autopilot' crash got numerous warnings: U.S. government*. Reuters. <https://www.reuters.com/article/us-tesla-crash/tesla-driver-in-fatal-autopilot-crash-got-numerous-warnings-u-s-government-idUSKBN19A2XC>
24. Solaiman, S. (2017). Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: A quest for legitimacy. *Artificial Intelligence and Law*, 25(2), 155–179.
25. The Guardian. (2015, July 2). *Robot kills worker at Volkswagen plant in Germany*. <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/02/robot-kills-worker-at-volkswagen-plant-in-germany>
26. Uzhov, F. V. (2017). *Iskusstvennyy intellekt kak subyekt prava* [Artificial intelligence as a sub-element of law]. *Gaps in Russian Legislation*, (3), 357–360.
27. Weng, Y. H. (2009). Towards the human-robot co-existence society: On safety intelligence for next generation robots. *International Journal of Social Robotics*, 1, 267–282.

Kelib tushgan / Получено / Received: 13.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 11.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./MQZA1561

UDC: 343.985.5(045)(575.1)

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ РАЗЫСКИВАЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Джурабаев Рустам Тураббаевич,
доцент, подполковник, преподаватель
цикла боевой подготовки Института повышения
квалификации МВД Республики Узбекистан
ORCID: 0009-0007-0391-2397
e-mail: djurabaevrustam35@gmail.com

Аннотация. В статье осуществлён правовой анализ одного из направлений борьбы с преступностью, выражающегося в тактике задержания разыскиваемых преступников, основанной на комплексных знаниях уголовно-процессуальных, криминалистических и оперативно-розыскных особенностей алгоритма действий органов доследственной проверки, дознания и предварительного следствия. При этом тактические особенности задержания разыскиваемых преступников рассматриваются как одно из необходимых направлений взаимодействия органов следствия с подразделениями службы уголовного розыска, ответственными за организацию и осуществление задержания как разновидности розыскной тактики, используемой подразделениями органов внутренних дел. Проведённое в рамках статьи научное исследование показало, что вопросы тактики данного вида задержания лиц, находящихся в розыске, а также тактических приёмов, применяемых при задержании, имеют большое практическое значение с точки зрения согласованных действий как следственных органов, так и сотрудников оперативных подразделений службы уголовного розыска органов внутренних дел, непосредственно осуществляющих задержание. Основываясь на научно-прикладном исследовании тактических приёмов задержания лиц, находящихся в розыске, как участников уголовно-процессуальных отношений, проведён анализ мнений учёных относительно уголовно-процессуального порядка, криминалистической тактики и алгоритма оперативно-розыскной деятельности сотрудников службы уголовного розыска, осуществляющих задержание разыскиваемых преступников.

Ключевые слова: тактика задержания, разыскиваемый преступник, расследование преступлений, органы следствия, общественный порядок, уголовный процесс, криминалистическая тактика, оперативно-розыскная деятельность, служба уголовного розыска

JAMOAT XAVFSIZLIGINI TA'MINLASHDA QIDIRILAYOTGAN JINOYATCHILARNI USHLASHNING TAKTIK XUSUSIYATLARI

Djurabayev Rustam Turabbayevich,
O'zbekiston Respublikasi IIV Malaka oshirish instituti
Jangovar tayyorgarlik sikli o'qituvchisi, dotsent, podpolkovnik

Annotasiya. Maqolada tergovga qadar tekshiruv, surishtiruv va dastlabki tergov organlari harakatlari algoritmining jinoyat-prosessual, kriminalistik va tezkor-tergov xususiyatlarini kompleks bilishga asoslangan qidiruvdagi jinoyatchilarni ushlab tash taktikasida ifodalanadigan jinoyatchilikka qarshi kurashishning yo'nalishlaridan biri huquqiy tahlil qilingan. Shu bilan birga, qidiruvdagi jinoyatchilarni ushlab tashning taktik xususiyatlari ichki ishlar organlari bo'linmalari tomonidan qo'llanadigan qidiruv taktikasining bir turi sifatida hissga olishni tashkil etish va amalga oshirish uchun mas'ul bo'lgan tergov organlarining jinoyat-qidiruv xizmati bo'linmalari bilan o'zaro hamkorligining zarur yo'nalishlaridan biri sifatida qaraladi. Maqola doirasida o'tkazilgan ilmiy tadqiqot shuni ko'rsatdiki, qidiruvdagi shaxslarni ushlab tashning ushbu turining taktikasi, shuningdek, ushlab tashda qo'llanadigan taktik usullar masalalari tergov organlarining o'zaro kelishilgan harakatlari nuqtayi nazaridan katta amaliy ahamiyatga ega. Qidiruvdagi shaxslarni jinoyat-protsessual munosabatlar ishtirokchisi sifatida ushlab tashning taktik usullarini ilmiy-amaliy tadqiq etish asosida qidiruvdagi jinoyatchilarni ushlab tashni amalga oshiruvchi jinoyat-qidiruv xizmati xodimlarining jinoyat-protsessual tartibi, kriminalistik taktikasi va tezkor-qidiruv faoliyati algoritmiga oid olimlarning fikrlari tahlil qilingan.

Kalit so'zlar: ushlab tash taktikasi, qidirilayotgan jinoyatchi, jinoyatlarni tergov qilish, tergov organlari, jamoat tartibi, jinoyat protsessi, kriminalistik taktika, tezkor-qidiruv faoliyati, jinoyat-qidiruv xizmati

TACTICAL FEATURES OF APPREHENDING WANTED CRIMINALS IN ENSURING PUBLIC SAFETY

Djurabaev Rustam Turabbaevich,

Lecturer of Combat Training at the Institute for Advanced Training
of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan,
Associate Professor, Lieutenant Colonel

Abstract. The article provides a legal analysis of one of the directions of combating crime, expressed in the tactics of apprehending wanted criminals, based on comprehensive knowledge of the criminal procedure, forensic, and operational-search features of the algorithm of actions of pre-trial investigation, inquiry, and preliminary investigation bodies. At the same time, the tactical features of apprehending wanted criminals are considered as one of the necessary areas of interaction between investigative bodies and criminal investigation service units responsible for organizing and carrying out apprehension as a form of investigative tactics used by internal affairs bodies. The scientific research conducted within the framework of the article showed that the issues of the tactics of this type of detention of wanted persons, as well as the tactical techniques used during detention, are of great practical importance from the point of view of coordinated actions of both investigative bodies and employees of the operational units of the criminal investigation service of the internal affairs bodies directly carrying out the detention. Based on a scientific and applied study of the tactical methods of apprehending wanted persons as participants in criminal procedural relations, an analysis of the opinions of scholars regarding the criminal procedural order, forensic tactics, and the algorithm of operational-search activities of criminal investigation service officers carrying out the apprehension of wanted criminals was conducted.

Keywords: tactics of detention, wanted criminal, investigation of crimes, investigative bodies, public order, criminal procedure, criminalistic tactics, operational investigative activities, criminal investigation service

Введение

Соблюдение общественной безопасности является актуальной

проблемой современности, одним из элементов которой выступает тактика задержания разыскиваемых преступников,

умышленно скрывающихся от проводимого расследования. Тактика задержания скрывающегося участника уголовных правоотношений имеет важное значение для осуществления расследования в случаях, когда лицо находится в официальном розыске за совершённое преступление. Следует признать, что в современных условиях особое значение приобретает задержание лиц, совершивших преступление и в установленном порядке находящихся в розыском производстве, намеренно уклоняющихся от следственных органов внутренних дел. Это, в свою очередь, порождает актуальную проблему разработки и применения эффективных тактических способов задержания лиц, находящихся в розыске.

На XIV Конгрессе Организации Объединённых Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию особое внимание было уделено усилению мер по своевременному розыску и задержанию разыскиваемых лиц. Мировая статистика свидетельствует о том, что ежегодно в период 2020–2024 годов в таких странах, как Австрия, Австралия, Бразилия, Великобритания, Германия, Египет, Израиль, Мексика, Польша, Россия, Франция, США, Канада, Южная Корея, Китай, Япония и ряде других государств, около 48–50 % лиц, находящихся в транснациональном (международном) розыске, остаются не задержанными. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования прикладной тактики криминалистического задержания разыскиваемых лиц.

Особую озабоченность вызывает факт нахождения в розыске (в том числе международном) по линии Интерпола порядка 70 тысяч человек (TASS, 2012), что также подтверждает проблемную актуальность разработки тактического алгоритма задержания лиц, находящихся в розыске ОВД, и создания действенных ме-

ханизмов установления местонахождения разыскиваемых обвиняемых. Указанные обстоятельства объективно требуют проведения специальных научно-прикладных исследований. Ключевое значение при этом приобретает поиск научно-теоретических и практико-прикладных алгоритмов применения субъектами розыска инновационных информационно-цифровых технологий и искусственного интеллекта, а также анализ зарубежного опыта государственных формирований в реализации комплексного механизма тактического алгоритма процедуры задержания разыскиваемых лиц.

Методы

В исследовании рассматриваемых материалов, посвящённых тактическим особенностям задержания разыскиваемых преступников, методологическую основу изучения составляет диалектический метод познания, позволяющий рассматривать правовые явления в их развитии, взаимосвязи и взаимозависимости и опирающийся на комплекс общенаучных и частнонаучных методов исследования. При этом теоретической базой послужили труды ведущих отечественных и зарубежных учёных в сфере криминалистической тактики задержания разыскиваемых преступников как межотраслевой деятельности, включающей в себя уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные аспекты, посвящённые проблемам реализации принципа неотвратимости наказания за совершённое общественно опасное деяние.

В качестве основных методов исследования были применены сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и иные общенаучные и специальные средства познания. Указанные методы являются основными для сопоставления правовых систем, законодательства и практики тактики задержания, а также для анализа содержания

алгоритма непосредственных действий органов, осуществляющих розыск скрывающихся преступников.

Результаты

С точки зрения криминалистической тактики задержания данное действие, имеющее прикладной (практический) характер, осуществляется посредством умелого применения и использования тактических приёмов, знание которых гарантирует успешную реализацию целей уголовного преследования. Тактику задержания должно знать каждое должностное лицо, ответственное за расследование преступлений, в компетенцию которого входит розыск скрывающихся лиц. Задержание разыскиваемых преступников можно представить как комплексную технологию, реализующую алгоритм действий сотрудников уголовного розыска. В законодательных актах оно применяется для обозначения процесса задержания разыскиваемых лиц в зависимости от разновидности розыска (государственный, межгосударственный или международный), каждый из которых специфичен по своей правовой природе, основаниям и порядку применения (Matchanov, 2014, p. 65).

С позиции криминалистической тактики задержание разыскиваемого лица представляет собой не просто физическое действие, а сложную тактическую операцию. Её главная цель – фактическое лишение свободы подозреваемого для обеспечения задач уголовного преследования, таких как пресечение преступной деятельности и гарантия неотвратимости наказания. При этом успех данной операции напрямую зависит от грамотного применения тактических приёмов, которые являются её ядром. Владение указанными приёмами обязательно для всех сотрудников, в чью компетенцию входит розыск и расследование преступлений.

Ключевыми элементами тактики задержания являются внезапность, при которой лишается возможность преступника оказать сопротивление, скрыться или уничтожить улики, а также планирование, предполагающее тщательную подготовку, включающую изучение личности разыскиваемого, его привычек, возможных мест появления и оценку уровня опасности (Artemova & Samolaeva, 2016, pp. 73–80).

При задержании важное место занимает элемент безопасности, который выражается в обеспечении защиты как сотрудников службы уголовного розыска, так и гражданских лиц в ходе проводимой операции по задержанию (Hametova, 2016, pp. 201–205).

Процесс задержания можно рассматривать как реализацию чёткого алгоритма действий. Эта «технология» включает в себя подготовительный этап, основную фазу (непосредственный захват) и заключительные действия (личный обыск, доставление) (Matchanov, 2019a, p. 27). Каждый этап требует от оперативных сотрудников не только знания закона, но и психологической подготовки, умения быстро анализировать меняющуюся обстановку и принимать верные тактические решения.

В уголовно-процессуальном законодательстве термин «задержание» определяет процессуальный статус захвата разыскиваемого лица. Однако тактические особенности этой операции существенно различаются в зависимости от масштаба розыска, который подразделяется на государственный, когда он проводится в пределах одной страны. Второй вид – межгосударственный розыск, осуществляемый на территории нескольких государств (например, в рамках СНГ). Третий вид – международный розыск, реализуемый по каналам Интерпола либо на основе двусторонних соглашений. Каждый из этих

уровней имеет свою правовую природу, особые основания и порядок проведения, что напрямую влияет на выбор тактических схем, логистику и координацию действий.

Следует признать, что криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный порядок задержания разыскиваемого, его содержание и место в системе мер процессуального принуждения освещены в юридической литературе в недостаточной степени (Popkov, 2007, p. 23).

Проведённый опрос слушателей, обучающихся в Институте повышения квалификации МВД Республики Узбекистан, показал, что большинство сотрудников не обладают необходимыми знаниями и навыками в сфере тактики задержания разыскиваемых лиц.

Правовое содержание уголовно-процессуального порядка задержания лица, подозреваемого в совершении общественно опасного деяния, определяется как мера процессуального принуждения, применяемая органами, осуществляющими доследственную проверку, дознавателем или следователем, на срок не более 48 часов с момента фактического задержания. Данное понятие содержит указание на правовую природу, субъектов, правомочных произвести задержание, срок, начальный момент задержания, а также лицо, в отношении которого оно может быть проведено (Retyunskikh, 2016, pp. 18–21). Вместе с тем в рассматриваемом определении нашли отражение не все признаки, раскрывающие специфику данной меры процессуального принуждения.

Основные общие теоретические и практико-прикладные аспекты задержания разыскиваемых обвиняемых определены в научных исследованиях таких отечественных учёных, как Gordeev (2016, pp. 45–50), Matchanov (2019b, p. 65), Jabborov (2019, p. 52), Karimova (2018, p. 54), Nasiriddinov (2001, p. 19), Sayfulov

(2001, p. 27), Payziev (2022, p. 49) и др.

В зарубежных странах вопросы обнаружения и розыска лиц, совершивших преступления, а также отдельные аспекты их задержания рассматривались в исследованиях Ageyev (2011, p. 19), Long (2016, p. 23), Babakova (2010, p. 26), Dubovets (2003, p. 56), Melnikov (2004, p. 25), Pavlov (2009, p. 26), Petrovskiy (1999, p. 26), Popkov (2007, p. 24), Putova (2001, p. 23), Smushkin (2005, p. 26), Tsokolova (2007, p. 60) и др.

В исследованиях вышеуказанных авторов рассматриваются отдельные аспекты, связанные с совершенствованием криминалистической тактики задержания лиц, находящихся в розыске, структурами ОВД. Однако криминалистическое обеспечение тактики данного вида задержания специально не изучалось как комплексный механизм. Многие аспекты, связанные с проблемами криминалистической тактики задержания лиц, находящихся в розыске сотрудниками ОВД, не исследованы в достаточной степени.

Следует согласиться с мнением Vasileva (2006, p. 48), которая указывает, что в законодательном определении не обозначено целевое содержание данной меры принуждения. В целом отношение к трактовке тактики задержания разыскиваемого индивидуума следует признать приемлемым и для определения сущности процесса задержания разыскиваемого обвиняемого. Это позволило не только с различных сторон рассмотреть указанную меру принуждения, но и выявить основные тактические приёмы задержания преступников, находящихся в розыске за совершённые преступления.

Достижению поставленных задач будет способствовать анализ имеющихся в юридической литературе определений тактики задержания разыскиваемого лица. Так, Matchanov (2005, p. 36), рассматривая алгоритм задержания объявленных

в розыск обвиняемых, указывал, что задержание данной категории лиц имеет ряд тактических особенностей, которые определяются в зависимости от обстоятельств расследуемого преступления и криминологической характеристики разыскиваемого. От этого зависит тактика его задержания, которая во многом определяет вид тактической комбинации или операции, а также подготовку к их проведению.

Важное значение имеет акцентирование внимания на подготовке к задержанию разыскиваемого обвиняемого, которое начинается с разработки плана и, собственно, алгоритма процедурного аспекта задержания. Поэтому следует помнить, что задержание разыскиваемого различается в зависимости от его процессуального статуса и факта объявления его в государственный, межгосударственный или международный розыск. Это определяется полномочным лицом, осуществляющим расследование и розыск (следователем по уголовному делу, находящемуся в его производстве, и подразделениями розыска оперативной службы уголовного розыска).

Krotov (2015, pp. 168–170) определяет рассматриваемую структуру задержания как необходимую принудительную меру фактического ограничения передвижения лица с целью последующего избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Одним из важных моментов, определяющих задержание обвиняемого, является то, что оно осуществляется в случаях, не терпящих отлагательства. Раскрывая данный аспект, Tsokolova (2007) отмечает данную особенность как характерную для подготовительного действия. При этом следует оговориться, что данный признак присущ и задержанию скрывающегося, то есть находящегося в состоянии розыска индивидуума. Если при решении вопроса

о задержании разыскиваемого участника процессуальных отношений имеются основания для этого, то при задержании обвиняемого, не объявленного в розыск, у следователя имеется время для предварительного принятия решения. Задержание в этом случае обусловлено ранее собранными материалами уголовного дела.

Необходимо помнить, что задержание осуществляется без судебного решения на срок до 48 часов ввиду его неотложности и кратковременности. Отсюда следует, что при наличии оснований для задержания разыскиваемого обвиняемого следователь, в производстве которого находится уголовное дело, при объявлении обвиняемого в розыск должен принять решение о его задержании. Именно из такой трактовки целей рассматриваемой меры принуждения исходят Kovtun & Kuznetsov (2004, p. 36), отмечая, что задержание, реализованное в отношении обвиняемого, едва ли разумно, поскольку проверять его на причастность к совершению преступления бессмысленно, а решать таким образом возможные проблемы заключения под стражу – не совсем законно.

Обсуждение

Учитывая вышеуказанные обстоятельства и особенности тактики задержания разыскиваемого обвиняемого, следует отметить, что она осуществляется специальными подразделениями розыска службы уголовного розыска по находящемуся в их производстве розыскному делу. Именно они применяют соответствующую тактику задержания, а после успешного задержания следователь решает вопрос о возобновлении производства по уголовному делу.

Проведённый анализ практики задержания разыскиваемых показал, что для совершенствования алгоритма задержания необходимо учитывать особенности тактики проведения задержания различных категорий разыскиваемых лиц и об-

стоятельства их процессуального статуса. Цели применения тактики задержания разыскиваемых не следует автоматически проецировать на все возникающие обстоятельства их задержания.

Задержание разыскиваемых преступников в рамках расследования уголовного дела представляет собой сложную тактическую операцию, в которой тесно переплетаются и взаимно дополняют друг друга два ключевых направления: оперативно-розыскная и криминалистическая тактика. Их грамотный синтез является залогом не только успешного захвата лица, но и формирования прочной доказательственной базы для последующего уголовного преследования.

Основное различие между этими двумя подходами заключается в их целях, методах и правовом регулировании. Так, оперативно-розыскная тактика носит преимущественно негласный, поисково-разведывательный характер. Её главная задача – сбор информации о местонахождении преступника, его образе жизни, привычках, окружении, а также выявление и предотвращение возможного противодействия. Данная деятельность регулируется законодательством об оперативно-розыскной деятельности, а её результаты, как правило, требуют последующей легализации для использования в качестве доказательств.

Криминалистическая тактика, напротив, носит гласный, процессуальный характер. Её цель – не только физический захват лица, но и безукоризненное с точки зрения закона оформление этого действия, а также сбор, фиксация и изъятие доказательств, которые могут быть использованы в суде. Эта сфера регулируется уголовно-процессуальным законодательством.

Несмотря на различия, данные тактики неразрывно связаны. Информация, полученная оперативным путём, ложится

в основу плана криминалистической операции по задержанию.

Процесс задержания разыскиваемого лица можно условно разделить на три основных этапа, на каждом из которых доминирует либо активно применяется та или иная тактика:

1. *Подготовительный этап*, на котором ключевая роль отводится оперативным подразделениям. Их задачи включают применение всего арсенала оперативно-розыскных мероприятий (наблюдение, опрос, наведение справок, контроль сообщений) для точного определения места и времени возможного появления разыскиваемого. Сюда же относятся сбор данных о привычках, физических данных, психологическом портрете, наличии оружия, возможных соучастниках и вероятных маршрутах передвижения. Также проводится анализ места предполагаемого задержания (открытая местность, помещение, транспортное средство) для выявления факторов, способных осложнить операцию (наличие посторонних лиц, пути отхода).

На этом этапе следователь совместно с оперативными сотрудниками службы уголовного розыска разрабатывает детальный план задержания, который уже является продуктом синтеза оперативно-розыскной и криминалистической тактики. В нём определяются состав группы захвата, распределение ролей, меры по обеспечению внезапности и безопасности, а также подготовка необходимых технико-криминалистических средств.

2. *Основной этап (захват)* является кульминацией операции и требует слаженного взаимодействия всех участников. Он предполагает реализацию принципа внезапности для подавления воли к сопротивлению, применение силовых приёмов, блокирование путей отхода, использование специальных средств и тактических приёмов (например, отвлечение внима-

ния). Главная задача данной фазы заключается в обеспечении полного контроля над задерживаемым. Сразу после фактического захвата начинается процессуальная деятельность следователя, основным моментом которой является сообщение лицу оснований его задержания, разъяснение прав и проведение личного обыска. Целью является не только изъятие оружия или запрещённых предметов, но и обнаружение улик – записок, документов, ключей, имеющих доказательственное значение.

3. *Заключительный этап* выражается в процессуальном оформлении протокола задержания в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса. В нём фиксируются время, место, основания задержания, а также результаты личного обыска. Любая ошибка на этом этапе может поставить под сомнение законность всего мероприятия.

Наиболее характерно это для тактики задержания разыскиваемого, а также сопряжённых с ним действий – изъятия оружия, уличающих предметов и документов, сопровождения лица в служебное помещение, а также отчасти фиксации обстоятельств задержания разыскиваемого. Применительно именно к этим действиям вырабатывается тактика задержания разыскиваемого преступника, соответствующая конкретной обстановке. Однако собственно тактические рекомендации касаются прежде всего действий по физическому задержанию разыскиваемого преступника. Это относится и к розыску и задержанию вооружённых лиц, совершивших особо тяжкие преступления (Dubovets, 2003, p. 56).

На наш взгляд, в юридической литературе обоснованно отмечается, что тактика задержания разыскиваемого преступника имеет определённый процессуальный порядок. Сущность тактики задержания разыскиваемого преступника носит многогранный характер, и в юридической ли-

тературе встречаются различные мнения учёных-процессуалистов и криминалистов (Smushkin, 2005, p. 42). Вместе с тем все они сходятся во мнении о необходимости совершенствования тактики задержания разыскиваемых преступников.

Таким образом, задержание разыскиваемого преступника представляет собой единый, непрерывный процесс, в рамках которого негласные оперативно-розыскные методы создают условия для эффективного и безопасного применения гласных криминалистических тактических приёмов и процессуальных норм. Успех расследования в целом во многом зависит от того, насколько профессионально и слаженно действуют сотрудники на стыке этих двух важнейших направлений правоохранительной деятельности.

С учётом анализа правового регулирования задержания разыскиваемого обвиняемого с научной позиции представляется, что понятие «задержание разыскиваемого обвиняемого» должно охватывать его правовую природу, содержание, цели, а также круг субъектов, осуществляющих розыск и правомочных производить задержание. Уяснение сущности указанных элементов позволяет всесторонне охарактеризовать данную меру процессуального принуждения в отношении задержанного разыскиваемого обвиняемого.

Заключение

Таким образом, анализ позиций относительно совершенствования тактики задержания разыскиваемого позволяет разработать оптимальный алгоритм применения тактических приёмов задержания обвиняемого, находящегося в розыске. С учётом существующих тактических особенностей задержания разыскиваемых преступников выделим следующие цели применения данной тактики в деятельности правоохранительных органов: минимизация возможности повторного уклонения от органов предварительного

следствия и обеспечение принципа неотвратимости наказания.

С учётом изложенного можно предложить следующее определение тактики задержания разыскиваемого преступника: это алгоритм применения специальных приёмов процессуального принуждения, состоящих в кратковременном ограничении свободы разыскиваемого сотрудника службы уголовного розыска или иного правоохранительного органа на основе

имеющегося розыскного производства.

В заключение следует отметить, что для повышения эффективности борьбы с преступностью необходимо дальнейшее совершенствование тактики задержания разыскиваемых преступников, а также внедрение в данную сферу тактических приёмов задержания с использованием информационно-цифровых технологий, применяемых сотрудниками правоохранительных органов.

REFERENCES

1. Ageev, O. A. (2011). *Kriminalisticheskoe obespechenie zaderzhaniya lits, podozrevaemykh v sovershenii prestupleniy v sfere ekonomiki* [Forensic support for the detention of persons suspected of committing economic crimes]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Tyumen.
2. Artemova, V. V., & Samolaeva, E. Yu. (2016). *Zaderzhanie litsa po podozreniyu v sovershenii prestupleniya v usloviyakh reformirovaniya sovremennogo zakonodatelstva* [Apprehension of a person suspected of committing a crime under the reform of modern legislation]. *Bulletin of Moscow State Regional University*, (3), 73–80.
3. Babakova, M. A. (2010). *Problema rozyska pri rassledovanii prestupleniy v sfere vysokikh tekhnologiy* [The Problem of Detection in Investigating High-Tech Crimes]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Saratov.
4. Dubovets, G. K. (2003). *Organizatsiya deyatelnosti organov vnutrennikh del po rozysku i zaderzhaniyu vooruzhennykh lits, sovershivshikh osobo tyazhkiye prestupleniya* [Organization of the activities of internal affairs agencies in the search and detention of armed persons who have committed particularly serious crimes]. [Abstract of Doctoral Dissertation]. Moscow.
5. Dubovets, G. K. (2003). *Organizatsiya deyatelnosti organov vnutrennikh del po rozysku i zaderzhaniyu vooruzhennykh lits, sovershivshikh osobo tyazhkiye prestupleniya* [Organization of the activities of internal affairs agencies in the search and detention of armed persons who have committed particularly serious crimes]. [Abstract of Doctoral Dissertation]. Moscow.
6. Gordeev, S. N. (2016). *O sushchnosti rozyska v kontekste borby s prestupnostyu: teoreticheskiy analiz* [On the essence of investigation in the context of crime prevention: a theoretical analysis] *Russian Investigator*, (2), 45–50.
7. Hametova, A. R. (2016). *Nekotorye aspekty rozyska i zaderzhaniya podozrevaemogo (obvinyaemogo)* [Some aspects of the search and detention of a suspect (accused)]. *Current Problems of the State and Society in the Field of Ensuring the Rights and Freedoms of Man and Citizen*, 19(4), 201–205.
8. Jabborov, Z. K. (2019). *Sovershenstvovanie praktiki primeneniya ugolovno-pravovykh norm, kasayushchikhsya prichineniya vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego obshchestvenno opasnoe deyaniye (na primere deyatel'nosti organov vnutrennikh del)* [Improving the practice of applying criminal law norms concerning the causing of harm during the detention of a person who committed a socially dangerous act (Based on the activities of internal affairs bodies)]. [Doctoral Dissertation] (52 p.). Tashkent.
9. Karimova, D. E. (2018). *Sovershenstvovanie vzaimodeystviya sledovatelya organov vnutrennikh del s podrazdeleniyami ugolovnogo rozyska* [Improving the interaction of investigators of internal affairs bodies with criminal investigation units]. [Doctoral Dissertation]. Tashkent.

10. Kovtun, N. N., & Kuznetsov, A. P. (2004). Sudebnyy kontrol zakonnosti i obosnovannosti zaderzhaniya podozrevaemogo [Judicial review of the legality and validity of the detention of a suspect]. *Russian Judge*, (7), 36.
11. Krotov, D. N. (2015). Pravovye aspekty fakticheskogo zaderzhaniya [Legal aspects of actual detention]. *Bulletin of Bryansk State University*, (3), 168–170.
12. Long, V. T. (2016). *Organizatsionnye i takticheskie osnovy zaderzhaniya pri rassledovanii prestupleniy v Sotsialisticheskoy Respublike Vyetnam i Rossiyskoy Federatsii* [Organizational and tactical principles of detention during crime investigations in the Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Moscow.
13. Matchanov, A. A. (2005). *Osobennosti zaderzhaniya obvinyaemogo, nakhodyashchegosya v rozyske* [Peculiarities of detention of a wanted defendant]. [Monograph]. Tashkent: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.
14. Matchanov, A. A. (2014). *Kriminalisticheskaya taktika zaderzhaniya razyskivaemykh prestupnikov* [Criminalistic tactics of apprehending wanted criminals]. [Monograph]. Tashkent: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.
15. Matchanov, A. A. (2019a). *Tsifrovye dokazatelstva v rassledovanii prestupleniy v dosudebnom proizvodstve* [Digital evidence in the investigation of crimes in pre-trial proceedings] (146 p.). Tashkent: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.
16. Matchanov, A. A. (2019b). *Ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie aspekty sovershenstvovaniya rozyska lits, sovershivshikh prestupleniya* [Criminal procedural and forensic aspects of improving the search for persons who committed crimes]. [Doctoral Dissertation] (65 p.). Tashkent.
17. Melnikov, V. Yu. (2004). *Zaderzhanie podozrevaemogo* [Suspect detention]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Krasnodar.
18. Nasiriddinov, F. Z. (2001). *Priostanovlenie predvaritelnogo sledstviya v sluchayakh neustanovleniya litsa, podlezhashchego privilecheniyu k uchastiyu v ugolovnom dele v kachestve obvinyaemogo* [Suspension of a preliminary investigation in cases where the person to be brought to participate in a criminal case as an accused has not been identified]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Tashkent.
19. Pavlov, A. V. (2009). *Zaderzhanie obvinyaemogo, nakhodyashchegosya v rozyske* [Detention of a wanted defendant]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Omsk.
20. Payziev, A. M. (2022). *Sovershenstvovanie taktiki zaderzhaniya podozrevaemogo po ugolovnym delam, svyazannym s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv* [Improving tactics for detaining suspects in criminal cases related to illegal drug trafficking]. [Doctoral Dissertation]. Tashkent.
21. Petrovskiy, V. G. (1999). *Organizatsionnye i takticheskie osnovy provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatiy i sledstvennykh deystviy pri zaderzhanii podozrevaemogo* [Organizational and tactical principles for conducting operational-search activities and investigative actions during the detention of a suspect]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Moscow.
22. Popkov, N. V. (2007a). *Zaderzhaniye podozrevaemogo i obvinyaemogo kak vid gosudarstvennogo prinuzhdeniya* [Arrest of a suspect and accused as a form of state coercion]. [Unpublished doctoral dissertation]. Nizhniy Novgorod State University.
23. Popkov, N. V. (2007b). *Zaderzhanie podozrevaemogo i obvinyaemogo kak vid gosudarstvennogo prinuzhdeniya* [Detention of a suspect and accused as a form of state coercion]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Nizhniy Novgorod.
24. Putova, I. V. (2001). *Mezhdunarodnyy rozysk prestupnikov: pravovye, organizatsionnye, operativno-takticheskie aspekty* [International search for criminals: Legal, organizational, operational and tactical aspects]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Moscow.
25. Retyunskikh, I. A. (2016). *Ob osnovaniyakh zaderzhaniya litsa, podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya* [On the grounds for detention of a person suspected of committing a crime]. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs*, 1, 18–21.
26. Sayfulov, R. A. (2001). *Ekstraditsiya v ugolovnom protsesse (po materialam MVD i Prokuratury Respubliki Uzbekistan)* [Extradition in criminal proceedings (based on materials from the Ministry

of Internal Affairs and the Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan)). [Abstract of Candidate Dissertation]. Tashkent.

27. Smushkin, A. B. (2005). *Zaderzhanie v strukture takticheskoy operatsii pri rassledovanii prestupleniy* [Detention as part of a tactical operation during a crime investigation]. [Abstract of Candidate Dissertation]. Saratov.

28. TASS. (2012, February 14). *Interpol razyskivaet 1700 rossiyan – nachalnik Natsbyuro Interpol MVD Aleksandr Prokopchuk* [Interpol searches for 70,000 people internationally]. TASS. <https://tass.ru/arhiv/559777>

29. Tsokolova, O. I. (2007). *Teoriya i praktika zaderzhaniya, aresta i sodержaniya pod strazhey v ugovnom protsesse* [Theory and practice of detention, arrest and detention in criminal proceedings]. [Abstract of Doctoral Dissertation]. Moscow.

30. Vasileva, E. G. (2006). *Ugolovno-protsessualnoe zaderzhaniye* [Criminal procedural detention] [Conference presentation]. Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminal Procedure of the Karelian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Baseynov. Karaganda, Kazakhstan.

Kelib tushgan / Получено / Received: 09.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 17.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./CWOT4031

UDC: 34:004.8(045)(575.1)

SUN'IY INTELEKTNING HUQUQIY MAQOMI MASALASIGA QIYOSIY YONDASHUV: YEVROPA ITTIFOQI VA O'ZBEKISTON TAJRIBASI

Inoyatov Nodirbek Xayitboy o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Kiber huquq kafedrası o'qituvchisi
ORCID: 0009-0004-2958-203X
e-mail: Nodir_Inoyatov@tsul.uz

Annotatsiya. Mazkur ilmiy maqolada sun'iy intellektning huquqiy shaxs maqomi masalasi Yevropa Ittifoqi va O'zbekiston qonunchiligi misolida qiyosiy-huquqiy tahlil asosida o'rganilgan. Tadqiqotda YIning "AI Act", "AI Liability Directive" va "General Data Protection Regulation" kabi asosiy hujjatlari tahlil qilinib, ularning SI tizimlarini xavf darajasiga ko'ra tartibga solish, inson huquqlarini himoya qilish va javobgarlikni aniqlashdagi o'rni yoritilgan. Shuningdek, O'zbekiston Respublikasida qabul qilingan "Raqamli O'zbekiston-2030" strategiyasi, "Sun'iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish" strategiyasi, "Sun'iy intellekt texnologiyalarini qo'llab-quvvatlash uchun maxsus rejim tashkil etish va uning faoliyatini yo'lga qo'yish tartibi to'g'risida"gi nizom va yangi qonun loyihalari asosida SI sohasida yaratilayotgan maxsus huquqiy rejimlar tahlil qilingan. Natijalar YI modelining inson markazidagi xavfga asoslangan yondashuvga tayanishini, O'zbekiston modelining esa innovatsiyalar, iqtisodiy o'sish va texnologik mustaqillikka yo'naltirilganini ko'rsatdi. Maqola yakunida O'zbekiston uchun YI tajribasidan foydalanib, xavfga asoslangan tartibga solish, shaffoflik va mas'uliyat tamoyillarini milliy qonunchilikka integratsiya qilish zarurligi asoslab berilgan.

Kalit so'zlar: sun'iy intellekt, huquqiy shaxs maqomi, Yevropa Ittifoqi, O'zbekiston, Sun'iy intellekt to'g'risidagi qonun, javobgarlik, qiyosiy tahlil

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И УЗБЕКИСТАНА

Иноятлов Нодирбек Хайитбой угли,
преподаватель кафедры «Киберправо»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В данной научной статье на основе сравнительно-правового анализа рассматривается вопрос правового статуса искусственного интеллекта на примере законодательства Европейского союза и Республики Узбекистан. В рамках исследования проанализированы ключевые документы Европейского союза, такие как AI Act, AI Liability Directive и General Data Protection Regulation (GDPR), раскрыта их роль в регулировании систем искусственного интеллекта по уровню риска, обеспечении защиты прав человека и определении юридической ответственности. Кроме того, на основе Стратегии «Цифровой

Узбекистан – 2030», Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года, Положения о порядке создания специального режима для поддержки применения технологий искусственного интеллекта и организации его деятельности, а также новых законопроектов проанализированы формируемые в Республике Узбекистан специальные правовые режимы в сфере искусственного интеллекта. Полученные результаты свидетельствуют о том, что модель Европейского союза основана на человекоцентричном, риск-ориентированном подходе, тогда как модель Узбекистана ориентирована на стимулирование инноваций, экономический рост и достижение технологической самостоятельности. В заключение статьи обоснована необходимость использования опыта Европейского союза в Узбекистане, в частности интеграции в национальное законодательство принципов риск-ориентированного регулирования, прозрачности и ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовой статус, Европейский союз, Узбекистан, законодательство об искусственном интеллекте, ответственность, сравнительный анализ

COMPARATIVE APPROACH TO THE LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE EXPERIENCE OF THE EUROPEAN UNION AND UZBEKISTAN

Inoyatov Nodirbek Khayitboy ugli,

Lecturer of the Department of Cyber Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. In this scientific article, the issue of the status of artificial intelligence as a legal entity is studied on the basis of a comparative legal analysis using the example of the legislation of the European Union and Uzbekistan. The study analyzes key EU documents such as the “AI Act,” “AI Liability Directive,” and “General Data Protection Regulation (GDPR),” highlighting their role in regulating AI systems by risk level, protecting human rights, and determining accountability. Also, special legal regimes created in the field of AI based on the adopted strategy “Digital Uzbekistan-2030,” the strategy “Development of Artificial Intelligence Technologies until 2030,” the Regulation “On the Procedure for Establishing a Special Regime for Supporting Artificial Intelligence Technologies and Establishing its Activities,” and new draft laws in the Republic of Uzbekistan were analyzed. The results indicated that the EU model relies on a human-centered, risk-based approach, while the Uzbek model is focused on innovation, economic growth, and technological independence. At the end of the article, the need for Uzbekistan to integrate the principles of risk-based regulation, transparency, and accountability into national legislation, using EU experience, is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, legal entity status, European Union, Uzbekistan, AI Act, liability, comparative analysis

Kirish

So‘nggi o‘n yilliklarda sun‘iy intellekt (SI) texnologiyalari dunyo miqyosida huquqshunoslar, siyosatchilar va texnologlar o‘rtasida eng muhim bahs-munozaralarga sabab bo‘layotgan masalalardan biriga aylandi (Kurki, 2019; Gunkel, 2018; Burylo, 2022). Sining o‘z-o‘zidan o‘rganish, mustaqil qaror qabul qilish va inson faoliyatiga yaqin natijalar yaratish

qobiliyati uni nafaqat texnik yangilik, balki huquqiy tartibga solish nuqtayi nazaridan ham tubdan yangi fenomen sifatida ko‘rsatmoqda. Shu sababli “Sun‘iy intellekt huquqiy shaxs bo‘lishi mumkinmi?” degan savol xalqaro huquqiy hamjamiyatda, xususan, Yevropa Ittifoqi (YI) va rivojlanayotgan davlatlar, jumladan, O‘zbekiston qonunchiligi va huquqiy siyosatida markaziy o‘rin egallab bormoqda.

YI 2021-yildan buyon muhokama qilina-yotgan Sun'iy intellekt to'g'risidagi qonun (AI Act) orqali SI tizimlarini xavflilik darajasi asosida tasniflash va tartibga solishga intilmoqda (European Commission, 2021). Ushbu huquqiy yondashuv texnologiyalarning rivojlanishini qo'llab-quvvatlash bilan birga inson huquqlari, xavfsizlik va demokratiyaga tahdidlarni minimallashtirishni maqsad qilgan. Sun'iy intellekt to'g'risidagi qonunda huquqiy shaxsiyat masalasi to'g'ridan to'g'ri ko'tarilmagan bo'lsa-da, u SI tizimlari bilan bog'liq javobgarlik, shaffoflik va nazorat mexanizmlarini belgilab, bilvosita ularning huquqiy maqomi masalasiga aloqadorlik qiladi (Wirtz et al., 2018). Shuningdek, YI tomonidan ishlab chiqilgan AI Liability Directive va General Data Protection Regulation (GDPR) SI texnologiyalaridan foydalanishda shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish, javobgarlikni taqsimlash va huquqiy aniqlikni ta'minlash bo'yicha muhim me'yoriy asoslarni yaratdi (Zerilli et al., 2019).

O'zbekiston Respublikasida esa so'nggi yillarda SIni huquqiy tartibga solishga doir muhim qadamlar tashlandi. Xususan, Vazirlar Mahkamasining 2021-yil 29-noyabrdagi 717-son qarori bilan sun'iy intellekt texnologiyalarini qo'llab-quvvatlash uchun maxsus huquqiy rejim joriy qilindi. Bu qaror IT-park rezidentlari uchun "regulatory sandbox"ga o'xshash mexanizm yaratib, SI asosida faoliyat yurituvchi yuridik shaxslar va ilmiy tashkilotlarga yangiliklar, imtiyozlar hamda tajriba-sinov loyihalarini amalga oshirish imkoniyatini berdi. Mazkur tartib O'zbekistonning SI bozorini jadal rivojlantirishga xizmat qilishi bilan birga, SI texnologiyalarini huquqiy maydonda alohida subyekt sifatida tan olishga yo'naltirilgan dastlabki bosqich sifatida ham ko'rilishi mumkin.

Bundan tashqari, 2024-yil dekabrda Prezident Shavkat Mirziyoyev tomonidan taqdim etilgan "Sun'iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasini" mamlakatni mintaqaviy AT

xabiga aylantirish, kadrlar salohiyatini oshirish, texnik infratuzilmani kengaytirish va xalqaro hamkorlikni rivojlantirishni ko'zda tutdi. Strategiyada SI asosida 100 ta loyiha ishga tushirish, telekommunikatsiya infratuzilmasini kengaytirish hamda "Enterprise Uzbekistan" kabi xalqaro standartlarga asoslangan texnologik markazni yo'lga qo'yish kabi vazifalar belgilandi. Shu bilan birga, 2025-yilda Oliy Majlis Qonunchilik palatasi-da "Sun'iy intellektni qo'llash orqali yuzaga keladigan munosabatlarni tartibga solishga" doir qonun loyihasi birinchi o'qishda qabul qilindi (Ministry of Digital Technologies of the Republic of Uzbekistan, 2025). Mazkur qonun loyihasida SI tushunchasiga ta'rif berilishi, davlat siyosatining yo'nalishlari, maxsus vakolatli organning vazifalari, SI orqali yaratilgan mahsulotlarni markirovkalash tartibi va shaxsiy ma'lumotlarni noqonuniy qayta ishlash uchun ma'muriy javobgarlik kabi normalar ko'zda tutilmoqda.

YI va O'zbekiston tajribasini solishtirish shuni ko'rsatadiki, ikki yondashuv bir-biridan sezilarli darajada farq qiladi. YI modelida xavflarni kamaytirish, shaffoflik va javobgarlikka urg'u berilsa, O'zbekiston modelida SI texnologiyalarini qo'llab-quvvatlash, maxsus rejimlar orqali huquqiy maydon yaratish va infratuzilmani rivojlantirish ustuvor yo'nalish sifatida belgilangan. Shu jihatdan O'zbekiston qonunchiligida hozircha SIga huquqiy shaxs maqomi berish bevosita ko'zda tutilmagan bo'lsa-da, mavjud normativ-huquqiy hujjatlar, xususan, maxsus rejim va strategik hujjatlar, SIni huquqiy subyekt sifatida shakllantirish jarayonida muhim huquqiy tajriba rolini o'ynaydi.

Shuni alohida ta'kidlash kerakki, SIning huquqiy shaxsiyati masalasi faqat amaliy huquqiy tartibga solish bilan cheklanmaydi, balki falsafiy, axloqiy va nazariy-huquqiy yondashuvlarni ham talab qiladi J. Bryson (Bryson et al., 2017), Pagallo (Pagallo, 2017), V. Kurki (Kurki, 2023) kabi ko'plab xorijiy olimlar SIning huquqiy subyekt sifatida tan olish mumkinli-

gi, uning inson huquqlariga ta'siri va huquqiy javobgarlik mexanizmlarini ishlab chiqish zarurati haqida turlicha yondashuvlarni ilgari surganlar. Shu nuqtayi nazardan, O'zbekiston tajribasini YI huquqiy modeli bilan qiyoslash nafaqat amaldagi huquqiy bazani solishtirish, balki kelajakda Sining huquqiy shaxs maqomini belgilashda qanday yondashuv samaraliroq bo'lishini baholash imkonini beradi.

Ushbu maqolaning maqsadi O'zbekiston va Yevropa Ittifoqining sun'iy intellektga oid huquqiy yondashuvlarini qiyosiy tahlil qilish, xususan, huquqiy shaxsiyat masalasi doirasida o'xshashlik va tafovutlarni aniqlash hamda O'zbekiston uchun YI tajribasidan qanday huquqiy imkoniyatlar va darslar olinishi mumkinligini ko'rsatib berishdir. Tadqiqot quyidagi asosiy savollarga javob berishga intiladi: birinchidan, "Yevropa Ittifoqida sun'iy intellekt huquqiy shaxsiyati qanday nazariy va amaliy jihatdan muhokama qilinmoqda?"; ikkinchidan, "O'zbekiston qonunchiligida SI texnologiyalariga oid qanday normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilingan va ular huquqiy shaxsiyat masalasini qanday hal etmoqda?"; uchinchidan, "Qiyosiy tahlil asosida O'zbekiston qanday qilib YI tajribasidan foydalanib, SI huquqiy maqomini belgilashda yanada samarali huquqiy mexanizmlar ishlab chiqishi mumkin?"

Metodlar

Ushbu tadqiqot qiyosiy-huquqiy tahlil metodologiyasiga asoslanadi. Maqolaning asosiy maqsadi – Yevropa Ittifoqi va O'zbekiston Respublikasida sun'iy intellekt (SI) huquqiy shaxsiyati masalasida shakllanayotgan yondashuvlarni o'rganish va ularning o'xshash hamda farqli jihatlarini aniqlashdir. Shu sababli tadqiqotda normativ-huquqiy hujjatlar, siyosiy hujjatlar va ilmiy manbalar birgalikda tahlil qilinadi.

Shuni alohida ta'kidlash joizki, qiyosiy-huquqiy metod tanlovi tadqiqotning maqsadi va tadqiqot savollaridan kelib chiqadi. Sun'iy intellektning huquqiy maqomi masalasi milliy huquq doirasida yakka tartibda

hal etiladigan masala emas, u turli huquqiy tizimlarda shakllanayotgan yondashuvlar o'rtasidagi konseptual farqlarni aniqlashni talab qiladi. Aynan qiyosiy yondashuv orqali Yevropa Ittifoqida shakllangan xavfga asoslangan tartibga solish modeli hamda O'zbekistonning innovatsion rivojlanishga yo'naltirilgan normativ modeli o'rtasidagi farqlar, ularning afzalliklari va cheklovlari tizimli ravishda aniqlanadi. Mazkur metod tadqiqot savollariga javob berish, xususan, sun'iy intellektni tartibga solishda inson huquqlarini, shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish va texnologik rivojlanishni rag'batlantirish o'rtasidagi muvozanatni baholash imkonini beradi.

Birinchidan, normativ-huquqiy hujjatlar tahlili qo'llandi. Yevropa Ittifoqi bo'yicha "AI Act" (European Parliament and the Council of the European Union, 2024), "AI Liability Directive" (European Commission, 2022) va "General Data Protection Regulation (GDPR)" (European Parliament and the Council of the European Union, 2016) asosiy manbalar sifatida tanlandi. O'zbekiston bo'yicha esa Oliy Majlisda birinchi o'qishda qabul qilingan "Sun'iy intellektni qo'llash orqali yuzaga keldigan munosabatlarni tartibga solishga oid qonun loyihasi", Prezident qaror va farmonlari, xususan, "Sun'iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasini tasdiqlash to'g'risida"gi qarori hamda Vazirlar Mahkamasining 717-son nizomi asosiy huquqiy hujjatlar sifatida o'rganildi. Ushbu hujjatlar nafaqat amaldagi normativ maydonni yoritadi, balki SI texnologiyalarini huquqiy tartibga solishning ustuvor yo'nalishlarini aniqlash imkonini beradi.

Ikkinchidan, qiyosiy huquqiy yondashuvdan foydalanildi. Bu yondashuv orqali YI va O'zbekiston tajribalari o'rtasidagi asosiy farqlar va o'xshashliklar aniqlanadi. Masalan, YI modelida SI tizimlari xavf asosida tartibga solinadi va huquqiy javobgarlik mexanizmlari ishlab chiqiladi. O'zbekistonda esa asosiy urg'u innovatsiyalarni rag'batlantirish, maxsus

huquqiy rejimlar va infratuzilmaviy qo'llab-quvvatlashga qaratilgan. Qiyosiy tahlil metodikasi yordamida ushbu ikki yondashuvning kuchli va zaif tomonlari tahlil qilinib, O'zbekiston uchun potensial huquqiy masalalar aniqlanadi.

Uchinchidan, ilmiy adabiyotlarni tahlil qilish metodidan foydalanildi. Tadqiqotda Scopus va Web of Science bazalarida chop etilgan 40 ga yaqin xorijiy olimlarning ishlari (*Pagallo (2017); Pagallo (2013), Kurki (2023); Kurki, & Pietrzykowski, (2017), Bryson, Diamantis & Grant, (2017), Burylo (2022), Negri, (2021), Igbokwe (2024), Jaysen (2019), Marshall (2023), Zeng, Lu & Huangfu, (2018), Leenes et al., (2017), Vladeck (2014)* va boshqalar) o'rganildi. Ushbu ilmiy manbalar SI huquqiy shaxsiyati masalasida turli nazariy konsepsiyalarni – funksional, metaforik va huquqiy realizm yondashuvlarini – tahlil qilish imkonini berdi.

Nihoyat tadqiqot sintez va tavsiya chiqarish bosqichi bilan yakunlandi. YI va O'zbekiston tajribalaridan kelib chiqib, maqolada O'zbekiston uchun amaliy tavsiyalar ishlab chiqildi. Bu metodologik yondashuv nafaqat mavjud qonunchilikni solishtirish, balki istiqboldagi huquqiy siyosat uchun yo'l xaritasini shakllantirish imkonini beradi.

Natijalar

Yevropa Ittifoqi so'nggi yillarda sun'iy intellektni huquqiy tartibga solishda global yetakchilikni qo'lga kiritgan hudud sifatida ko'rilmogda. 2024-yilda qabul qilingan Sun'iy intellekt to'g'risidagi qonun bu borada eng keng qamrovli yondashuv bo'lib, u texnologiyani inson huquqlari va xavfsizlik tamoyillari asosida nazorat qilishni ko'zda tutadi (*European Parliament and the Council of the European Union, 2024*). Ushbu huquqiy hujjat SI tizimlarini xavf darajasiga ko'ra tasniflaydi va mas'uliyatni insonlar yoki yuridik shaxslar zimmasida qoldiradi. Demak, Yevropa modeli sun'iy intellektni mustaqil huquqiy shaxs sifatida tan olishdan ongli ravishda voz kechib, aksincha, javobgarlikni mavjud fuqarolik

va korporativ institutlarga yuklaydi (*Kurki, 2019; Hacker, 2020*).

Avvalroq parlament darajasida "elektron shaxslar" tushunchasi muhokama qilingan bo'lsa-da, bu g'oya akademik doiralar va fuqarolik jamiyatining keskin tanqidiga uchradi (*Bryson et al., 2017*). Shu sababli Yevropa siyosati "inson markazidagi SI" tamoyiliga asoslanib, oshkoralik, izohlanish imkoniyati va inson nazorati kabi prinsiplarni ustuvor yo'nalish sifatida ilgari surmogda. Bunday yondashuv nafaqat Yevropa ichida, balki YUNESKO, IHTT va boshqa xalqaro maydonlarda ham muhim mezon sifatida qabul qilingmogda (*Pagallo, 2017*). Biroq ayrim olimlar Yevropa yondashuvi chegaralanganini, xususan, SI tizimlarining transchegaraviy oqibatlari va iqtisodiy faoliyatda mustaqil subyekt sifatida maydonga chiqishi masalalari hali ham to'liq yechimini topmaganini ta'kidlaydi (*Černý, 2020*).

O'zbekiston esa bu sohada o'zining milliy strategiyasini shakllantirish yo'lida faol qadamlar tashladi. 2021-yilda Prezidentning PQ-5234-son qarori hamda Vazirlar Mahkamasining 717-son qarori qabul qilinib, sun'iy intellekt texnologiyalarini qo'llab-quvvatlash uchun maxsus huquqiy rejim yaratildi. Ushbu rejim IT-park doirasida eksperimental loyihalarni amalga oshirishga ruxsat beradi, soliq imtiyozlari va yengillashtirilgan tartibtaomillarni joriy etadi. Ya'ni O'zbekiston yondashuvi avvalo iqtisodiy innovatsiyalarni rag'batlantirish va xalqaro investitsiyalarni jalb qilishga yo'naltirilgan. Shu bilan birga, bu huquqiy asos sun'iy intellektni huquqiy shaxs sifatida ko'rmaydi, balki uni davlat siyosati va nazorat obyekti sifatida tartibga soladi (*Inoyatov, 2025a*).

Shu bilan birga, ta'kidlash lozimki, Yevropa Ittifoqining Sun'iy intellekt to'g'risidagi qonuni nisbatan yaqinda qabul qilingani sababli uning to'liq amaliy samaradorligini aks ettiruvchi statistik ma'lumotlar hozircha cheklangan. O'zbekistonda ham SI bo'yicha maxsus huquqiy rejimlar doirasida erishilgan

natijalar bo'yicha ochiq empirik ko'rsatkichlar yetarli darajada shakllanmagan. Shu sababli mazkur tadqiqotda yondashuvlarning amaliy ta'siri normativ indikatorlar (javobgarlik mexanizmlari, risk tasnifi, inson nazorati talablari) orqali baholandi.

So'nggi yillarda parlament darajasida ham yangi tashabbuslar ilgari surildi. 2024-yilda Oliy Majlisda birinchi o'qishda qabul qilingan qonun loyihasi SI yordamida yaratilgan axborotlarni markirovkalash, shaxsga doir ma'lumotlarni noqonuniy qayta ishlashga qarshi javobgarlik choralarini belgilashni nazarda tutdi. Bu orqali sun'iy intellektning axborot maydonida keltirishi mumkin bo'lgan xavf-xatarlarni kamaytirish, inson huquqlarini himoya qilish asosiy vazifa qilib qo'yilgan. Prezident Shavkat Mirziyoyev tomonidan qabul qilingan 2030-yilgacha bo'lgan raqamli strategiyada esa sun'iy intellekt texnologiyalarini mamlakat taraqqiyotining muhim bo'g'ini sifatida rivojlantirish, maxsus ilmiy laboratoriyalar ochish, davlat boshqaruvini raqamlashtirish va xalqaro reytinglarda yuqori pog'onalarni egallash maqsadlari belgilangan.

Xalqaro tashkilotlarning yondashuvlari bu jarayonlarni yanada to'ldiradi. IHTT tomonidan 2019-yilda ishlab chiqilgan prinsiplar SI'da oshkoralik, mustahkamlik va inson huquqlariga rioya qilishni talab qiladi (OECD, 2019). YUNESKOning 2021-yildagi "Sun'iy intellekt etikasiga oid tavsiyasi" esa ko'plab davlatlar tomonidan qabul qilinib, adolat, inklyuzivlik va diskriminatsiyaga yo'l qo'ymaslik tamoyillarini ilgari surdi (UNESCO, 2021). BMTning 2023-yilda taqdim etgan Global Digital Compact hujjati ham SI texnologiyalarini inson farovonligi va barqaror rivojlanish maqsadlariga xizmat qildirish zarurligini alohida qayd etdi (United Nations, 2021). Ushbu hujjatlar sun'iy intellektni mustaqil huquqiy shaxs sifatida tan olishni rad etib, uning us-tidan inson nazorati va mas'uliyatini saqlab qolishni asosiy tamoyil qilib belgilaydi.

Taqqoslash shuni ko'rsatadiki, Yevropa Ittifoqi va O'zbekiston yondashuvlari bir-bi-

ridan sezilarli darajada farq qiladi. Yevropa huquqiy tizimi inson huquqlari va xavfga asoslangan tartibga solishni birlamchi deb bilsa, O'zbekiston modeli iqtisodiy innovatsiyalarni rivojlantirish va texnologik markazga aylanishga urg'u beradi. Yevropada sun'iy intellektga huquqiy shaxs maqomini berish g'oyasi siyosiy muhokama darajasida rad etilgan bo'lsa, O'zbekistonda bu masala huquqiy diskursga hali kiritilmagan. Javobgarlik nuqtayi nazaridan Yevropa tizimi aniq fuqarolik-huquqiy mexanizmlarni ishlab chiqqan bo'lsa, O'zbekistonda bunday mexanizmlar hali to'liq shakllanmagan va ko'proq tajriba rejimlariga tayanmoqda. Shu bilan birga, ikki tizim ham YUNESKO va IHTT kabi xalqaro standartlarga sodiq qolmoqda, farqi shundaki, Yevropa global me'yorlarni shakllantiruvchi subyekt bo'lsa, O'zbekiston ularni milliy strategiyaga moslashtiruvchi davlat sifatida ishtirok etmoqda.

Mazkur qiyosiy-huquqiy tahlil natijasida bir nechta muhim ilmiy xulosalar aniqlandi. Birinchidan, Yevropa Ittifoqi sun'iy intellekt-ni tartibga solishda xavfga asoslangan va inson huquqlarini ustuvor qo'yuvchi normativ modelni shakllantirgan bo'lsa, O'zbekiston yondashuvi iqtisodiy innovatsiyalarni jadal-lashtirishga yo'naltirilgan moslashuvchan huquqiy rejimga tayanadi. Ikkinchidan, har ikkala tizim sun'iy intellektni mustaqil huquqiy shaxs sifatida tan olishdan voz kechib, javobgarlikni insonlar va yuridik shaxslar zimmasida qoldiradi (Stepanov, 2021). Uchinchidan, Yevropa modeli huquqiy aniqlik va oldini olish mexanizmlariga tayanar ekan, O'zbekiston modeli eksperimental tartibga solish orqali huquqiy bo'shliqlarni bosqich-ma-bosqich to'ldirishga intilmoqda.

Natijada O'zbekiston Yevropa tajribasi-dan foydalanib, riskka asoslangan tasniflash tizimini huquqiy normalarga kiritishi, javobgarlik bo'yicha aniq mexanizmlarni yaratishi va mintaqaviy hamkorlikni yo'lga qo'yishi mumkin. Shu bilan birga, YUNESKO va BMTning umumiy tamoyillariga asoslangan

yondashuv mamlakatda iqtisodiy taraqqiyot bilan bir qatorda axloqiy va huquqiy muvozanatni ham ta'minlash imkonini beradi. Ushbu natijalar keyingi bo'limda ularning huquqiy va konseptual oqibatlari nuqtayi nazaridan muhokama qilinadi.

Muhokama

Sun'iy intellektning huquqiy maqomi masalasi so'nggi yillarda jahon huquqshunoslik ilm-fanida eng dolzarb mavzulardan biriga aylandi. Bu jarayonning zahirida ikki asosiy omil yotadi, birinchidan, SI tizimlarining mustaqil qaror qabul qilish, o'z-o'zidan o'rganish va murakkab ijtimoiy jarayonlarga ta'sir ko'rsatish qobiliyati sezilarli darajada oshdi. Ikkinchidan, mavjud huquqiy institutlar bu kabi texnologiyalarni tartibga solishda ko'plab bo'shliqlarni yuzaga chiqarmoqda (Stepanov, 2021; Kurki & Pietrzykowski, 2017). Aynan shuning uchun ham Yevropa Ittifoqi va O'zbekistonning huquqiy yondashuvlarini solishtirish orqali nafaqat nazariy, balki amaliy jihatdan ham muhim xulosalar chiqarish mumkin.

Yevropa Ittifoqida olib borilayotgan siyosat SIn mustaqil huquqiy shaxs sifatida tan olishdan ko'ra uni xavfga asoslangan tartibga solish orqali boshqarishga qaratilgan. 2024-yilda qabul qilingan Sun'iy intellekt to'g'risidagi qonun huquqiy tizimda muhim burilish yasab, SI tizimlarini past, o'rta va yuqori xavf toifalariga ajratib tartibga solishni yo'lga qo'ydi (European Parliament and the Council of the European Union, 2024). Bunda asosiy maqsad inson huquqlarini himoya qilish, xavfsizlikni ta'minlash va texnologiya ustidan nazoratni insonlar qo'lida saqlashdir. Shu nuqtayi nazardan qaraganda, Yevropa modeli huquqiy shaxs maqomini rad etgan holda SIn mavjud institutlar doirasida nazorat qilishni eng maqbul yo'l sifatida ko'rmoqda (Bryson et al., 2017).

Shu bilan birga, Yevropadagi muhokamalar jarayonida "elektron shaxs" konsepsiyasi ilgari surilganini ham e'tiborsiz qoldirib bo'lmaydi (European Parliament, 2017). Bu

konsepsiya ayrim hollarda, xususan, avtonom robotlarning iqtisodiy munosabatlarda qatnashishi zarurati paydo bo'lganida, javobgarlikni to'g'ridan to'g'ri texnologiya zimmasiga yuklash imkonini berishi mumkin edi (Inoyatov, 2025c). Ammo bunday yondashuvning asosiy xavfi inson mas'uliyatini kamaytirishi, huquqiy tizimda javobgarlik bo'shlig'i paydo qilishi va jamiyatda "insoniylik" tamoyillarini zaiflashtirish bilan bog'liq bo'lgani uchun Yevropa siyosiy doiralari tomonidan rad etildi (Hacker, 2020).

Shu ma'noda "elektron shaxs" konsepsiyasi fuqarolik huquqida huquq subyekti tushunchasining asosiy elementlari – ongli iroda, huquq layoqati va majburiyatlarni ijro etish imkoniyati bilan mos kelmaydi. Natijada bunday yondashuv javobgarlikni real nazorat qiluvchi insonlardan texnologiyaga ko'chirish xavfini tug'dirib, huquqiy va axloqiy mas'uliyatning zaiflashishiga olib kelishi mumkin. Buning o'zi Yevropa Ittifoqi huquqshunosligi SIn ijtimoiy va iqtisodiy hayotga qo'shishda ehtiyotkorlik tamoyiliga sodiq ekanini ko'rsatadi.

O'zbekistondagi vaziyat esa biroz boshqacharoq. Mamlakat 2021-yildan boshlab sun'iy intellekt texnologiyalarini joriy etishga oid mustaqil huquqiy infratuzilma yaratishga kirishdi. Prezident qarorlari va Vazirlar Mahkamasining qarorlariga ko'ra, maxsus huquqiy rejim shakllantirildi, IT-park rezidentlari uchun yengilliklar belgilandi, tajriba-sinov loyihalarini amalga oshirish uchun qulay muhit yaratildi. Bu yondashuv iqtisodiy innovatsiyalarni rag'batlantirishga qaratilgan bo'lsa-da, sun'iy intellektni huquqiy shaxs sifatida tan olish masalasi hozircha umuman kun tartibiga qo'yilmagan. Shu sababli O'zbekiston tajribasida SI ko'proq davlat tomonidan tartibga solindigan va biznesni rivojlantirishga xizmat qiladigan texnologiya sifatida talqin qilinmoqda.

Xalqaro tashkilotlarning hujjatlari ham ushbu ikki yondashuvni o'zaro bog'lab turuvchi umumiy tamoyillarni belgilab bergan. Masalan, YUNESKOning 2021-yildagi "Sun'iy

intellekt etikasi to'g'risida tavsiyasi" adolat, inson huquqlarini ustuvor qo'yish, diskriminatsiyaning oldini olish va texnologiyaning inklyuzivligini ta'minlash kabi prinsiplarni ilgari surdi (UNESCO, 2021). IHTT tomonidan 2019-yilda qabul qilingan prinsiplarda esa SI tizimlarida oshkoralik, mas'uliyat va xavfsizlik tamoyillariga e'tibor qaratildi. BMTning 2023-yildagi Global Digital Compact hujjati esa SI texnologiyalarini barqaror rivojlanish maqsadlariga xizmat qildirish zarurligini ta'kidladi. Bu hujjatlar ko'rsatadiki, xalqaro hamjamiyatning umumiy qarashida SIga huquqiy shaxs maqomini berish emas, balki uni insoniyat manfaati yo'lida nazorat qilish ustuvor vazifa sifatida belgilanmoqda (Pagallo, 2017; Černý, 2020).

Tahlil shuni ko'rsatadiki, Yevropa Ittifoqi va O'zbekistonning yondashuvlari farqli bo'lishiga qaramay, ular bir nuqtada tutashadi: ikkala tizim ham javobgarlikni insonga bog'lab qo'yadi. Yevropa Ittifoqida bu xavfga asoslangan qat'iy huquqiy me'yorlar orqali amalga oshirilsa, O'zbekistonda tajriba-sinov rejimlari orqali iqtisodiy rag'batlantirish usuli qo'llanmoqda. Lekin O'zbekiston tajribasida inson huquqlari bilan bog'liq mexanizmlar hali kuchli darajada shakllanmagan, bu esa xalqaro standartlarga moslashishda qiyinchiliklar tug'dirishi mumkin.

Buning asosiy sabablari sifatida sun'iy intellekt tizimlari bo'yicha maxsus risk baholash mexanizmlarining mavjud emasligi, algoritmik qarorlar ustidan mustaqil institutsional nazorat tizimining shakllanmagani hamda shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish bo'yicha protsessual kafolatlarining cheklanganini ko'rsatish mumkin. Ushbu holatning oqibati sifatida diskriminatsiya, noqonuniy profil qilish va shaffoflik yetishmasligi kabi xavflar kuchayishi ehtimoli saqlanib qolmoqda.

Yevropa tajribasining tahlili shuni ko'rsatadiki, inson markazidagi yondashuv demokratik qadriyatlarni saqlash, jamiyatda ishonchni oshirish va transchegaraviy muammolarni hal etishda samarali bo'lishi

mumkin. Shu bilan birga, u texnologik innovatsiyalarni haddan tashqari cheklab qo'yishi xavfini ham o'zida mujassam etadi. O'zbekistonning tajribasi esa iqtisodiy va innovatsion rivojlanishga yo'naltirilgan bo'lib, qisqa muddatda natija berishi mumkin, ammo uzoq muddatli istiqbolda inson huquqlari va etik me'yorlar bo'yicha global talablarni qondirish uchun kuchliroq huquqiy mexanizmlar talab etiladi.

Bundan tashqari, xalqaro tashkilotlarning qarorlari O'zbekiston uchun muhim yo'nalishlarni belgilab beradi. Masalan, YUNESKOning etik tamoyillarini milliy qonunchilikka implementatsiya qilish orqali davlat sun'iy intellekt sohasida xalqaro ishonchga ega bo'lishi mumkin. Yevropa Ittifoqi tajribasi esa xavfga asoslangan tartibga solish tizimini milliy sharoitlarga moslashtirishda muhim metodologik model bo'lib xizmat qiladi. Shu yo'l bilan O'zbekiston nafaqat iqtisodiy innovatsiyalarni rivojlantiradi, balki inson huquqlarini himoya qilish bo'yicha xalqaro standartlarga moslashgan tizimni ham shakllantiradi.

Umuman olganda, ushbu tadqiqotning natijalari shuni ko'rsatadiki, SIga huquqiy shaxs maqomini berish hozircha na Yevropa, na O'zbekiston uchun dolzarb. Aksincha, masalaning mohiyati sun'iy intellektni insoniyat manfaatiga xizmat qildirish, uni nazorat qilish va mas'uliyatni insonga bog'lab qo'yishda mujassam. Shu bilan birga, kelajakda SI tizimlarining rivojlanish sur'ati va ularning iqtisodiy-ijtimoiy munosabatlardagi o'rni yanada kengayishi natijasida huquqiy shaxs maqomi masalasi qayta ko'rib chiqilishi mumkin (Gulyamov, 2023). Bunday sharoitda O'zbekiston Yevropa tajribasidan o'rnak olib, xavfga asoslangan tasniflash, shaffoflik va mas'uliyat tamoyillarini milliy huquqiy tizimga singdirishi zarur bo'ladi.

Shu tarzda muhokama Yevropa Ittifoqi va O'zbekiston yondashuvlarining o'ziga xos ustunlik va kamchiliklarini ko'rsatdi hamda xalqaro tashkilotlar belgilab bergan umumiy tamoyillarni milliy kontekstga tatbiq etish

zarurligini isbotladi. Bu jarayon nafaqat huquqiy, balki ijtimoiy va etik muvozanatni ta'minlash uchun ham muhim hisoblanadi.

Xulosa

Sun'iy intellektning huquqiy maqomi masalasi bo'yicha olib borilgan qiyosiy-huquqiy tahlil shuni ko'rsatadiki, Yevropa Ittifoqi va O'zbekiston yondashuvlari o'rtasida farqlar mavjud bo'lsa-da, har ikkala tizim sun'iy intellektni mustaqil huquqiy shaxs sifatida tan olishdan voz kechib, javobgarlikni inson va yuridik shaxslar zimmasida qoldirish tamoyiliga asoslanadi. Yevropa Ittifoqida bu xavfga asoslangan tartibga solish modeli orqali huquqiy aniqlik va inson huquqlarini himoya qilish bilan ta'minlanmoqda, O'zbekistonda esa sun'iy intellekt iqtisodiy innovatsiyalarni rivojlantirishga xizmat qiluvchi texnologiya sifatida ko'rilmogda.

Tadqiqot natijalari sun'iy intellektga huquqiy shaxs maqomi berish hozirgi bosqichda na Yevropa, na O'zbekiston sharoitida

maqsadga muvofiq emasligini ko'rsatdi. Bunday yondashuv huquqiy javobgarlikning noaniqlashuviga, inson mas'uliyatining susayishiga va ijtimoiy adolat tamoyillarining zaiflashishiga olib kelishi mumkin. Shu sababli qisqa va o'rta muddatli istiqbolda asosiy e'tibor sun'iy intellektni xavfsiz, shaffof va inson huquqlariga mos holda tartibga solishga qaratilishi zarur.

Mazkur xulosalar asosida O'zbekiston uchun Yevropa Ittifoqining xavfga asoslangan yondashuvi hamda YUNESKO, IHTT va BMT tomonidan ishlab chiqilgan xalqaro tamoyillar muhim metodologik asos bo'lib xizmat qilishi mumkin. Ushbu tamoyillarni milliy qonunchilikka bosqichma-bosqich integratsiya qilish orqali O'zbekiston bir vaqtning o'zida innovatsion rivojlanishni qo'llab-quvvatlaydigan va inson huquqlarini ishonchli himoya qiladigan barqaror huquqiy tizimni shakllantirish imkoniyatiga ega bo'ladi.

REFERENCES

1. Bryson, J. J., Diamantis, M. E., & Grant, T. D. (2017). Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons. *Artificial Intelligence and Law*, 25(3), 273–291. <https://doi.org/10.1007/s10506-017-9214-9>
2. Burylo, Y. (2022). Legal personhood of artificial intelligence systems: To be or not to be? *Entrepreneurship Economy and Law*, 2, 18–25. <https://doi.org/10.32849/2663-5313/2022.2.02>
3. Černý, M. (2020). Luciano Floridi: The logic of information: A theory of philosophy as conceptual design Oxford. *Philosophy*, 75(3), 256–260. <https://doi.org/10.31577/filozofia.2020.75.3.8>
4. European Commission. (2021). *Proposal for a regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act)*. COM/2021/206 final. <https://eur-lex.europa.eu>
5. European Commission. (2022). *Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive)*. COM/2022/496 final. Brussels: European Commission.
6. European Parliament and the Council of the European Union. (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). *Official Journal of the European Union*, L 119, 1–88. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>
7. European Parliament and the Council of the European Union. (2024). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised

rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts. *Official Journal of the European Union*, L 168, 1–157.

8. European Parliament. (2017). European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on civil law rules on robotics (2015/2103(INL)). *Official Journal of the European Union*, C 252/239.

9. Gless, S., Silverman, E., & Weigend, T. (2016). If robots cause harm, who is to blame? Self-driving cars and criminal liability. *New Criminal Law Review*, 19(3), 412–436. <https://doi.org/10.1525/nclr.2016.19.3.412>

10. Gulyamov, S. S. (2023). Legal frameworks for the integration of artificial intelligence. In *IFMBE Proceedings* (pp. 144–149). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-42782-4_16

11. Gunkel, D. J. (2018). *Robot Rights*. The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/11444.001.0001>

12. Hacker, P. (2020). AI regulation in Europe. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3556532>

13. Hallevy, G. (2010). *The criminal liability of artificial intelligence entities*. SSRN. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1564096>

14. Igbokwe, E. M. (2024). Human to machine innovation: Does legal personhood and inventorship threshold offer any leeway? *The Journal of World Intellectual Property*, 27(2), 149–174. <https://doi.org/10.1111/jwip.12294>

15. Inoyatov, N. (2025a). Artificial intelligence and autonomous vehicles: Issues of legal subjectivity in the digital era. *Jurisprudence*, 5(2), 38–46. <https://doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.5.2./ecz6798>

16. Inoyatov, N. (2025b). Legal personhood for AI and robots. *TSUL Legal Report*, 6(2), 25–32.

17. Inoyatov, N. (2025c). Vital and Sophia robots as new legal subjects in the digital age. *Review of Law Sciences*, 9(2), 109–116. <https://doi.org/10.51788/tsul.rols.2025.9.2./ugio1061>

18. Inoyatov, N. (2025d). Legal personhood of autonomous systems: A jurisprudential analysis. *Uzbek Journal of Law and Digital Policy*, 3(1), 112–130. <https://doi.org/10.59022/ujldp.293>

19. Jaynes, T. L. (2019). Legal personhood for artificial intelligence: Citizenship as the exception to the rule. *AI & Society*, 35(2), 343–354. <https://doi.org/10.1007/s00146-019-00897-9>

20. Kurki, V. A. (2019). *A theory of legal personhood*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198844037.001.0001>

21. Kurki, V. A. J. (2023). *Legal personhood*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009025614>

22. Kurki, V. A., & Pietrzykowski, T. (2017). *Legal personhood: Animals, artificial intelligence and the unborn*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-53462-6>

23. Leenes, R., Palmerini, E., Koops, B., Bertolini, A., Salvini, P., & Lucivero, F. (2017). Regulatory challenges of robotics: Some guidelines for addressing legal and ethical issues. *Law, Innovation and Technology*, 9(1), 1–44. <https://doi.org/10.1080/17579961.2017.1304921>

24. Marshall, B. (2023). No legal personhood for AI. *Patterns*, 4(11). <https://doi.org/10.1016/j.patter.2023.100861>

25. Negri, S. M. C. A. (2021). Robot as legal person: Electronic personhood in robotics and Artificial intelligence. *Frontiers in Robotics and AI*, 8. <https://doi.org/10.3389/frobt.2021.789327>

26. Ministry of Digital Technologies of the Republic of Uzbekistan. (2025, November 27). *Sun'iy intellektni qo'llash orqali yuzaga keladigan munosabatlarni huquqiy tartibga solishning dolzarb masalalari muhokama qilindi* [Current issues of legal regulation of relationships arising through the use of artificial intelligence were discussed]. The Government Portal of the Republic of Uzbekistan. <https://gov.uz/oz/digital/news/view/46792>

27. OECD. (2019). *OECD principles on artificial intelligence*. OECD Publishing. <https://oecd.ai>

28. Pagallo, U. (2013). *The laws of robots*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-6564-1>

29. Pagallo, U. (2017). The legal challenges of big data: *European Data Protection Law Review*, 3(1), 36–46. <https://doi.org/10.21552/edpl/2017/1/7>

30. Stepanov, S. K. (2021). Deconstruction of the legal personhood of artificial intelligence. *Digital Law Journal*, 2(2), 14–30. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-14-30>
31. UNESCO. (2021). *Recommendation on the ethics of artificial intelligence*. UNESCO. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455>
32. United Nations Human Rights Council. (2021). The right to privacy in the digital age: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights (A/HRC/48/31). <https://docs.un.org/en/a/hrc/48/31?utm>
33. United Nations. (2021). *Roadmap for digital cooperation*. United Nations. <https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap/>
34. Vladeck, D. C. (2014). Machines without principals: Liability rules and artificial intelligence. *Washington Law Review*, 89(1). <http://digital.law.washington.edu/dspace-law/bitstream/handle/1773.1/1322/89WLR0117.pdf?sequence=1>
35. Wirtz, B. W., Weyerer, J. C., & Geyer, C. (2018). Artificial Intelligence and the Public Sector—Applications and Challenges. *International Journal of Public Administration*, 42(7), 596–615. <https://doi.org/10.1080/01900692.2018.1498103>
36. Zeng, Y., Lu, E., & Huangfu, C. (2018). Linking artificial intelligence principles. *ArXiv*. <https://doi.org/10.48550/arxiv.1812.04814>
37. Zerilli, J., Knott, A., Maclaurin, J., & Gavaghan, C. (2019). Algorithmic decision-making and the control problem. *Minds and Machines*, 29(4), 555–578. <https://doi.org/10.1007/s11023-019-09513-7>

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 17.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./AIRC8079

UDC: 342.7(045)(575.1)

ПРАВОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Носирова Маржона Негмат кизи,
базовый докторант Института государства и права
Академии наук Республики Узбекистан
ORCID: 0009-0006-3542-9802
e-mail: marjonanosirova58@gmail.com

Аннотация. В данной статье анализируются социально-политические и правовые основы деятельности негосударственных некоммерческих организаций как важной части гражданского общества. Особое внимание уделяется их значению в защите прав и свобод человека, а также в обеспечении участия граждан в социально-политической жизни страны. Негосударственные некоммерческие организации выступают посредниками между обществом и государством, обеспечивая взаимодействие и контроль за соблюдением государством своих юридических и социальных обязательств перед гражданами. В процессе исследования рассмотрены основные правовые акты, регулирующие деятельность негосударственных некоммерческих организаций в Республике Узбекистан, включая Конституцию Республики Узбекистан, законы «О негосударственных некоммерческих организациях», «О общественных объединениях» и другие нормативно-правовые акты. Также анализируется роль негосударственных некоммерческих организаций в реализации международных правовых документов в области прав человека, к которым присоединился Узбекистан. Особое внимание уделяется повышению вклада данных организаций в формирование правовой культуры населения, правовое образование, предоставление бесплатной юридической помощи социально уязвимым слоям населения, а также контроль за соблюдением прав человека на местах. Следует подчеркнуть, что приоритетной задачей таких организаций является защита человеческого достоинства, прав и законных интересов граждан, а также обеспечение верховенства закона, социальной справедливости и принципов прозрачности в обществе.

Ключевые слова: негосударственная некоммерческая организация, интересы человека, права человека, неправительственные организации, гражданское общество

INSON HUQUQLARI SOHASIDA NODAVLAT NOTIJORAT TASHKIOTLARINING HUQUQIY VA IJTIMOY FAOLLIGI

Nosirova Marjona Negmat qizi,
O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi
Davlat va huquq instituti tayanch doktoranti

Annotatsiya. Ushbu maqolada fuqarolik jamiyatining muhim tarkibiy qismi sifatida nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyatining ijtimoiy-siyosiy va huquqiy asoslari tahlil qilingan. Ularning inson

huquq va erkinliklarini himoya qilish, fuqarolarning mamlakat ijtimoiy-siyosiy hayotidagi ishtirokini ta'minlashdagi ahamiyatiga alohida e'tibor qaratilmoqda. Nodavlat notijorat tashkilotlari jamiyat va davlat o'rtasida vositachi bo'lib, o'zaro hamkorlikni, davlatning fuqarolar oldidagi huquqiy va ijtimoiy majburiyatlariga rioya etilishi ustidan nazoratni ta'minlaydi. Tadqiqot jarayonida O'zbekiston Respublikasida nodavlat notijorat tashkilotlari faoliyatini tartibga soluvchi asosiy qonun hujjatlari, jumladan, O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi, "Nodavlat notijorat tashkilotlari to'g'risida"gi, "O'zbekiston Respublikasida jamoat birlashmalari to'g'risida"gi qonunlar va boshqa normativ-huquqiy hujjatlar ko'rib chiqildi. Shuningdek, O'zbekiston qo'shilgan inson huquqlari sohasidagi xalqaro-huquqiy hujjatlarni amalga oshirishda nodavlat notijorat tashkilotlarining roli tahlil qilingan. Aholining huquqiy madaniyatini shakllantirish, huquqiy ta'lim, aholining ijtimoiy himoyaga muhtoj qatlamlariga bepul huquqiy yordam ko'rsatish, shuningdek, joylarda inson huquqlariga rioya etilishini monitoring qilishda ushbu tashkilotlarning hissasini oshirishga alohida e'tibor qaratilmoqda. Ta'kidlash joizki, bunday tashkilotlarning ustuvor vazifasi inson qadr-qimmatini, fuqarolarning huquqlari va qonuniy manfaatlarini himoya qilish, shuningdek, jamiyatda qonun ustuvorligi, ijtimoiy adolat va shaffoflik tamoyillarini ta'minlashdan iborat.

Kalit so'zlar: nodavlat notijorat tashkiloti, inson manfaatlari, inson huquqlari, nodavlat tashkilotlari, fuqarolik jamiyati

LEGAL AND SOCIAL ACTIVITY OF NON-GOVERNMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS

Nosirova Marjona Negmat kizi,

Basic Doctoral student at the Institute of State and Law
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Abstract. This article analyzes the socio-political and legal foundations of the activities of non-governmental non-profit organizations as an important part of civil society. Special attention is paid to their significance in protecting human rights and freedoms, as well as ensuring citizens' participation in the socio-political life of the country. Non-governmental non-profit organizations act as intermediaries between society and the state, ensuring interaction and control over the state's compliance with its legal and social obligations to citizens. In the course of the research, the main legal acts regulating the activities of non-governmental non-commercial organizations in the Republic of Uzbekistan, including the Constitution of the Republic of Uzbekistan, the laws "On Non-Governmental Non-Commercial Organizations," "On Public Associations," and other regulatory legal acts, were considered. The role of non-governmental non-profit organizations in the implementation of international legal documents in the field of human rights, to which Uzbekistan has joined, is also analyzed. Special attention is paid to increasing the contribution of these organizations to the formation of the legal culture of the population, legal education, and providing free legal assistance to socially vulnerable segments of the population, as well as monitoring the observance of human rights on the ground. It should be emphasized that the priority task of such organizations is to protect human dignity and the rights and legitimate interests of citizens, as well as to ensure the rule of law, social justice, and the principles of transparency in society.

Keywords: non-governmental non-profit organization, human interests, human rights, non-governmental organizations, civil society

Введение

Негосударственные организации, занимающие ключевое место в системе неправительственных органов по правам

человека и в настоящее время активно изучаемые мировым сообществом и политическими кругами, относятся к числу важнейших институтов гражданского

общества. Неправительственные организации во все времена выступали значимой составляющей гражданского общества и индикатором уровня его развития. В Узбекистане особую актуальность приобретают вопросы укрепления верховенства закона, совершенствования демократического управления, защиты прав человека, повышения политической и правовой культуры граждан, формирования их активной гражданской позиции (Saidov, 2023).

Следует отметить, что общественные объединения представляют собой организации, независимые от государства, ведущие самостоятельную деятельность и одновременно способные оказывать влияние на государственные институты, а также призванные защищать общество от необоснованного вмешательства государства в общественную и частную жизнь граждан. Их относительная независимость от государства проявляется в следующем: во-первых, они самостоятельно определяют свою внутреннюю и организационную структуру, а также направления деятельности; во-вторых, они самостоятельно выражают свою волю, и эта нормативная воля является обязательной для членов организации; в-третьих, данные общественные структуры самостоятельно определяют права и обязанности своих членов через уставы; в-четвёртых, они обладают собственным имуществом и средствами и распоряжаются ими в соответствии со своей волей и потребностями (Khamidov, 2021). Исходя из этого, организации стремятся самостоятельно формировать критерии своей деятельности, обеспечивая при этом надлежащую защиту прав и обязанностей членов.

Методы

В данном исследовании применён комплексный подход к анализу деятельности негосударственных некоммерческих орга-

низаций (далее – ННО) в Узбекистане, их роли в защите прав человека и значения в развитии гражданского общества.

В исследование включены:

ННО, действующие в Республике Узбекистан (более 9200 организаций);

законодательная база: Конституция (2023 г.), Закон «Об общественных объединениях» (1991 г.), Закон «О гарантиях деятельности негосударственных некоммерческих организаций» (2007 г.) и более 200 иных нормативно-правовых актов;

научно-аналитические источники: труды отечественных и зарубежных исследователей, материалы ООН и других международных организаций.

В ходе исследования использовались аналитический метод (анализ правового статуса, задач и направлений деятельности ННО), сравнительно-правовой метод (сопоставление законодательства Узбекистана с международными правовыми стандартами), исторический метод (изучение эволюции и этапов развития ННО), институциональный анализ (рассмотрение ННО как институтов гражданского общества).

Результаты

Результаты проведённого анализа позволяют выделить ряд ключевых положений.

ННО создаются в целях защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, иных демократических ценностей, достижения социальных, культурных и образовательных целей, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей, осуществления благотворительной деятельности, а также для реализации других общественно полезных задач.

По нашему мнению, негосударственные, или неправительственные, организации представляют собой объединения, отличающиеся от государственных учреждений по своим целям и критериям

деятельности, учреждённые физическими или юридическими лицами и не преследующие цель извлечения прибыли, а ориентированные прежде всего на формирование гражданского общества и защиту чести, достоинства и интересов граждан.

Следует также отметить, что в современном мире существует значительное количество неправительственных организаций и движений, охватывающих практически все сферы общественной жизни. Формирование целостной системы негосударственных некоммерческих организаций является важным показателем развития гражданского общества, отражающим многообразие и структуру его интересов.

Неправительственный сектор начал активно привлекать внимание исследователей с середины XX века, прежде всего как субъект экономической, социально-политической и культурной жизни. Со временем данные организации стали играть заметную роль в социально-политической, экономической, культурной и правовой сферах общества, что обусловило усиление мер по поддержке и систематизации их деятельности.

Основной задачей негосударственных некоммерческих организаций является защита интересов своих членов. Вместе с тем ННО специализируются на деятельности, направленной на надлежащее руководство и реализацию гражданских инициатив, защиту прав и законных интересов граждан. Деятельность ННО в сфере прав человека охватывает политическую, экономическую, социальную и культурную сферы общества и отражает «горизонтальные социальные отношения между людьми в развитом гражданском обществе». При этом деятельность ННО должна основываться на принципах солидарности, практичности, универсальности и неделимости прав, одинаково приме-

нимых ко всем (Universal Declaration of Human Rights, 1948).

В ряде источников институциональное развитие ННО относят ко второй половине 1940-х годов, когда их деятельность как функционального института, обеспечивающего двустороннюю связь между государством и гражданами, была признана Организацией Объединённых Наций (United Nations Economic and Social Council, 1946). Согласно определению Департамента общественной информации ООН, «неправительственная организация – это любое добровольное некоммерческое объединение граждан, организованное в форме местной, национальной или международной структуры».

Неправительственные организации, возглавляемые лицами, ориентированными на достижение конкретных результатов и объединёнными общими интересами, решают широкий круг социальных задач и выполняют значимые гуманитарные функции (UN Department of Global Communications, 2020). Отвечая на вопрос о пользе правозащитных организаций, следует отметить, что они оказывают более оперативную и эффективную помощь в случаях, когда государственные механизмы защиты прав не оправдывают ожиданий; выступают в качестве альтернативного механизма защиты прав человека и обеспечивают широкое участие общественности в решении приоритетных правозащитных вопросов (Atabaev, 2022).

Кроме того, ННО предпринимают практические шаги по устранению выявленных нарушений прав человека и нередко выступают инициаторами соответствующих мер. По мнению Konovalov (2019), ключевой задачей правозащитных ННО является мониторинг деятельности органов государственной власти в сфере соблюдения прав человека.

По мнению представителя местного научного сообщества – Salaev (2022), по

мере развития гражданского общества формируются и совершенствуются его институциональные основы, возрастает роль ННО в решении социальных, экономических, духовных и образовательных проблем. Особое значение имеет вклад ННО в формирование правового государства, поскольку они усиливают этот процесс «снизу», способствуют внедрению элементов самоуправления и укреплению правовых ценностей.

В результате такой деятельности возрастает доверие граждан к ННО, проявляется их устойчивость и социально-политическая значимость. В современных условиях ННО становятся важным фактором защиты прав и свобод человека, а также социальной опорой общества. Они призваны активно участвовать в реализации проводимых реформ, выражать своё мнение по их содержанию, формулировать новые задачи и вовлекать широкие слои населения в их осуществление.

В настоящее время наблюдается расширение полномочий ННО и совершенствование форм их деятельности, что позволяет рассматривать их как институционализированную систему защиты прав, свобод и законных интересов человека.

Академик Saidov (2018) подчёркивает, что одной из ключевых задач неправительственного сектора является воспитание у граждан чувства ответственности, взаимопомощи и заботы о будущем нации, особенно молодёжи. Участие граждан в деятельности ННО способствует выработке решений, принимаемых органами государственной власти, и созданию предпосылок для внесения изменений в законодательство.

В этой связи следует отметить, что задачи неправительственного сектора не ограничиваются реализацией интересов его членов, но включают стимулирование общественной активности и, при необхо-

димости, инициирование новых процессов общественного развития. Заслуживает внимания позиция Shakleina (2015), согласно которой «основной целью создания некоммерческих организаций является деятельность, приносящая прямую пользу обществу и ориентированная на удовлетворение духовных, культурных, образовательных и иных потребностей третьих лиц». Разделяя данную точку зрения, можно отметить, что в Узбекистане деятельность ННО в основном направлена на реализацию духовных, культурных, образовательных и социальных интересов, что сочетается с задачей достойного уровня жизни и взаимодействия с государственными структурами.

По мнению политолога Ernazarov (2021), одной из ключевых задач ННО является всестороннее просвещение граждан. Активное участие населения в управлении государством и обществом служит показателем зрелости общественно-политической системы, формирует гражданскую компетентность, устойчивую гражданскую позицию и внутренние морально-политические ориентиры личности.

Международные и местные ННО играют роль посредников между различными социальными слоями общества и государственными органами. Ускорение изменений в государственной политике, а также оказание помощи нуждающимся, реализация, продвижение и защита общих интересов осуществляются посредством различных видов их деятельности. Многообразие и разнообразие международных и местных ННО обеспечивают защиту прав и свобод членов общества и развитие государства на основе демократических принципов. Расширение взглядов, инициатив и целей неправительственных организаций не в количественном, а в качественном плане существенно способствует повышению

доверия общества к институтам гражданского общества.

По своей сути данные организации рассматриваются как важнейшие институты гражданского общества, поскольку они ориентированы на системное решение общественных проблем. Их главная цель заключается в устранении социальных, культурных и правовых проблем общества и отдельных категорий граждан, а при необходимости – и всего населения. В этой связи их можно охарактеризовать как социально-политические институты.

По мнению Tangriev (2020), неправительственные объединения и общественные организации представляют собой добровольные объединения, наиболее близкие к гражданам и способные в полной мере выражать их интересы. Именно с этой точки зрения они рассматриваются как посреднический институт между государственной властью и народом.

Место и роль негосударственных некоммерческих организаций в системе гражданского общества и правопорядка во многом определяются кругом возложенных на них задач. Важнейшей задачей ННО является представление и защита интересов своих членов во взаимоотношениях с другими политическими институтами. Общественные объединения не только способствуют осознанию и выражению конкретных потребностей и интересов своих членов, но и берут на себя обязательство доводить соответствующие требования до сведения государственных органов и политической элиты.

Посредством деятельности ННО гражданское общество постепенно приобретает более четкую структуру. Вовлекая своих членов в решение общественно значимых проблем, ННО способствуют формированию активной жизненной позиции, повышению уровня политических знаний и правовой культуры граждан, тем самым выполняя функцию их социализации.

Любая неправительственная организация не только способствует выявлению и выражению интересов своих членов, но и несёт ответственность за донесение требований определённой части населения до государственных органов и политических структур. Усиливая участие граждан в решении социальных проблем, негосударственные некоммерческие организации содействуют формированию активной гражданской позиции, росту политико-правовых знаний и повышению общественной осведомлённости.

Кроме того, процесс развития гражданского общества напрямую зависит от уровня участия общественности, степени правосознания граждан и их способности реализовывать одно из основополагающих прав человека – право на объединение, создание и вступление в общественные объединения. Несмотря на то что общественные объединения являются полноправными субъектами государственно-правового поля, их правовое регулирование имеет определённые особенности, обусловленные организационно-правовой формой. При этом они обладают специальной правоспособностью, то есть правом осуществлять исключительно те виды общественной деятельности, которые закреплены в их уставе.

Мировая история наглядно демонстрирует возрастающее значение общественных объединений, которые оказывают существенное влияние не только на внутреннюю и внешнюю политику государства, но и на международные отношения в целом. Многие международно-правовые акты закрепили и признали важную роль общественных объединений в защите прав человека, в гуманитарной деятельности на национальном, региональном и международном уровнях, а также подчеркнули значимость сотрудничества между государствами и общественными объединениями.

Следует также отметить, что некоммерческие организации представляют собой неправительственный сектор, осуществляющий правозащитную деятельность. Их значение заключается в защите прав и свобод человека, обеспечении соответствия своей деятельности интересам общества, содействии их защите и принятии необходимых практических мер.

Как отмечает Nelyubina (2017), главной задачей неправительственных организаций является обеспечение общественного контроля за соблюдением прав человека со стороны государства и его институтов, действующих в социально-политической, экономической и духовно-культурной сферах жизни общества. Будучи добровольными объединениями граждан, неправительственные организации в значительной степени осознают образ жизни, интересы, потребности и проблемы населения и оказывают содействие в их реализации в процессе своей деятельности.

ННО вправе выражать и защищать права и законные интересы своих членов и участников, выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти и управления. В этой связи неправительственная организация выступает важным посредником между народом и государством, учитывающим волю населения и обеспечивающим её защиту. Цель развития неправительственных организаций заключается в обеспечении и защите баланса интересов членов общества. В политической и социальной сферах, выступая в качестве силы, альтернативной государственным системам, они призваны способствовать утверждению принципов справедливости в общественной жизни (Mamazhonov, 2021).

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что деятельность ННО на-

правлена не только на решение социально-экономических и культурных проблем общества, но и на укрепление демократического управления, формирование правовой культуры граждан и активной гражданской позиции. Они выполняют функцию посредника между обществом и государством, вовлекают граждан в социальные процессы и способствуют росту доверия к общественным институтам.

Отдельного внимания заслуживает высокий уровень признания ННО в современных условиях. В этой связи представляется целесообразным разработать и внедрить в законодательную практику отдельный кодекс ННО. С учётом многообразия научных подходов и различий во взглядах на цели и задачи ННО можно констатировать, что их правовой статус и функциональное назначение пока не получили полной систематизации, что обуславливает необходимость кодификации деятельности ННО как самостоятельной правовой системы.

Обсуждение

Проведённый анализ деятельности негосударственных некоммерческих организаций в Узбекистане выявил их ключевую роль в формировании гражданского общества и защите прав человека. ННО выступают в качестве самостоятельных институтов, ориентированных на достижение социальных, культурных, образовательных и правозащитных целей, что подтверждается широким спектром их функций и направлений деятельности.

В Узбекистане значение и роль неправительственных организаций в сфере защиты прав человека в последние годы существенно возросли. В Стратегии «Узбекистан-2030» особое внимание уделяется развитию институтов гражданского общества, включая ННО, а также расширению их участия в обеспечении прав и свобод человека. Количество ННО, действующих в различных сферах, в том числе в области

прав человека, продолжает устойчиво увеличиваться. Так, по состоянию на 2024 год в республике было зарегистрировано более 10 тысяч ННО, а в 2025 году их количество превысило 11 900 (International Center for Not-for-Profit Law, 2025). При этом в официальных источниках отсутствует точная статистика о доле организаций, непосредственно специализирующихся на защите прав человека, однако данное направление остаётся одним из приоритетных и динамично развивающихся в системе гражданского общества.

Все негосударственные некоммерческие организации объединяет то, что они являются публичными институтами реализации основных прав, свобод и обязанностей человека и выступают одной из основных организационных форм демократии (OSCE/ODIHR, 2020). Иначе говоря, важнейшей задачей ННО является артикулирование и объединение интересов и прав различных социальных слоёв, а также общественных потребностей. Если обратиться к периоду первых лет независимости, следует отметить, что именно с этого времени данные организации стали ориентировать свою деятельность на обеспечение интересов человека. В частности, статья 3 Закона Республики Узбекистан «Об общественных объединениях в Республике Узбекистан» (1991 г.) закрепляет, что общественные объединения несут ответственность за реализацию и защиту гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод, развитие активности и инициативы граждан, их участие в управлении государственными и общественными делами, удовлетворение профессиональных и любительских интересов, развитие научного, технического и художественного творчества, сохранение здоровья населения, участие в благотворительной деятельности, проведение культурно-просветительских, физ-

культурных и спортивных мероприятий, охрану природы и историко-культурных памятников, воспитание патриотизма и гуманизма, расширение межреспубликанских и международных связей, укрепление мира и дружбы между народами, а также осуществление иной деятельности, не запрещённой законом.

Кроме того, в рамках проводимых в Узбекистане реформ принят комплекс мер, направленных на создание законодательных, организационных и материальных условий для формирования гражданского общества. Реализована программа по достижению целей демократизации и обновления общества, реформирования и модернизации страны, предусматривающая дальнейшее развитие сильного гражданского общества.

Закон Республики Узбекистан «О гарантиях деятельности негосударственных некоммерческих организаций» (2007 г.) уделяет особое внимание вопросам деятельности ННО, гарантиям их поддержки и механизмам защиты прав и законных интересов. Принято более 200 нормативно-правовых актов, направленных на повышение эффективности деятельности негосударственных некоммерческих организаций, и создана необходимая институциональная база для их всесторонней поддержки. Более 9 200 негосударственных некоммерческих организаций, действующих в настоящее время, играют важную роль в защите прав и законных интересов физических и юридических лиц, демократических ценностей, а также в достижении социальных, культурных и образовательных целей.

С учётом указанных факторов был принят Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны» от 4 мая 2018 года № УП–5430. На основании данного указа,

наряду с определением задач, связанных с развитием деятельности негосударственных некоммерческих организаций и системным решением вопросов обеспечения защиты их прав и законных интересов, был создан Консультативный совет по развитию гражданского общества при Президенте Республики Узбекистан.

Особое значение имеет и тот факт, что Конституция Республики Узбекистан в новой редакции, принятой 1 мая 2023 года, закрепила правовой статус ННО на конституционном уровне. Глава XIII «Институты гражданского общества» определяет обязанности государства по организации и обеспечению деятельности негосударственных некоммерческих организаций. В этой связи особую актуальность приобретает модернизация законодательства, регулирующего их деятельность, с учётом новых конституционных положений.

Заключение

В целом защита прав человека становится ключевым критерием инициативности, социально-политической гибкости и мобильности негосударственных некоммерческих организаций, что позволяет более чётко определить их потенциал в обеспечении прав как отдельных социальных групп, так и общества в целом.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Основной задачей ННО является защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также достижение социальных, культурных, образовательных и иных общественно полезных целей. Эти организации не преследуют извлечение прибыли и ориентированы на развитие гражданского общества и укрепление демократических ценностей.

2. ННО выступают посредниками между обществом и государством, выражают интересы различных социальных групп,

способствуют вовлечению граждан в социальные и политические процессы, формируют активную гражданскую позицию и повышают уровень правовой культуры населения.

3. ННО являются действенным механизмом защиты прав человека, особенно в случаях, когда государственные органы не способны обеспечить их полную реализацию. Они оказывают практическую помощь, иницируют меры по устранению выявленных нарушений и участвуют в совершенствовании законодательства.

На основе проведённого исследования роли и значения негосударственных некоммерческих организаций в развитии гражданского общества и защите прав человека в Узбекистане представляется возможным сформулировать следующие предложения и рекомендации.

Во-первых, целесообразно продолжить совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность ННО, включая её актуализацию в соответствии с международными стандартами и упрощение процедур регистрации и финансирования.

Во-вторых, необходимо повышать уровень правовой грамотности населения путём организации просветительских мероприятий и внедрения образовательных программ, направленных на формирование правового сознания и активной гражданской позиции.

В-третьих, представляется целесообразным осуществить цифровизацию деятельности ННО, работающих в сфере защиты прав человека. Это позволит повысить их правовую и социальную активность, обеспечить более прозрачное ведение документации, отчётности и мониторинговых процессов, а также укрепить подотчётность перед государством и обществом.

Кроме того, использование цифровых инструментов позволит ННО охватывать

более широкую аудиторию и эффективно взаимодействовать с обществом посредством информационных кампаний, программ повышения осведомлённости и онлайн-сервисов, что будет способствовать росту их общественного влияния и вовлечению большего числа граждан в процесс защиты прав человека.

В-четвёртых, представляется необходимым разработать и внедрить специальный кодекс негосударственных некоммерческих организаций, кодифицировав деятельность ННО как самостоятельную и целостную систему.

Следует отметить, что в рамках концепции «От сильного государства к сильному гражданскому обществу» особая роль институтов гражданского общества,

включая негосударственные некоммерческие организации, в современных социально-экономических, политико-правовых и культурно-образовательных реформах обусловлена расширением их полномочий в сфере защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Обеспечение прав и свобод человека, уважение достоинства личности является неотъемлемым признаком открытого, свободного и справедливого общества, формирование которого является стратегической целью развития страны. В условиях стремления общества к всесторонней модернизации социальная активность и мобильность ННО приобретают особое значение и сохраняют свою неизменную актуальность.

REFERENCES

1. Atabaev, Sh. (2022). Rol pravozashchitnykh organizatsiy v Uzbekistane [The role of human rights organizations in Uzbekistan]. *Human Rights*, (2), 21–28.
2. Ernazarov, D. (2021). *Grazhdanskoe uchastie i NPO: perspektivy v Uzbekistane* [Civil participation and NGOs: perspectives in Uzbekistan]. *Society and Democracy*, (3), 14–22.
3. International Center for Not-for-Profit Law. (2025). *Civic freedom monitor: Uzbekistan*. International Center for Not-for-Profit Law. <https://www.icnl.org/resources/civic-freedom-monitor/uzbekistan>
4. Khamidov, F. Sh. (2021). *Grazhdanskoe obshchestvo i instituty demokratii v Uzbekistane* [Civil society and democratic institutions in Uzbekistan]. *Society and Management*, (4), 33–45.
5. Konovalov, V. A. (2019). Monitoring prav cheloveka: rol NPO [Monitoring of human rights: the role of NGOs]. *Jurisprudence*.
6. Mamazhonov, A. (2021). NPO i obespechenie spravedlivosti v obshchestve [NGOs and ensuring justice in society]. *Legal Science*, (1), 10–17.
7. Mirziyoev, Sh. M. (2023, July 14). *Vystuplenie na torzhestvennoy tseremonii vstupleniya v dolzhnost Prezidenta* [Speech at the inauguration ceremony]. President.uz. <https://www.president.uz/ru/lists/view/6484>
8. Nelyubina, E. V. (2017). *Grazhdanskiy kontrol v deyatel'nosti nepravitel'stvennykh organizatsiy* [Civil control in the activities of non-governmental organizations]. Piter.
9. OSCE/ODIHR. (2020). *Guidelines on freedom of association*. Organization for Security and Cooperation in Europe. <https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/3/b/132371.pdf>
10. Saidov, A. Kh. (2018). *Kontseptualnye osnovy pravovogo gosudarstva* [Conceptual foundations of the rule of law]. Justice.
11. Saidov, A. Kh. (2023). *Konstitutsionnoe razvitie Uzbekistana: vzglyad v budushchee* [Constitutional development of Uzbekistan: A look into the future]. Academy.

12. Salaev, D. J. (2022). *Voprosy reformirovaniya deyatelnosti institutov grazhdanskogo obshchestva na novom etape razvitiya Uzbekistana (na primere NNO). [Reforming the Activities of Civil Society Institutions at the New Stage of Uzbekistan's Development (using NGOs as an example)]* [Doctoral dissertation]. Tashkent.
13. Shakleina, T. A. (2015). *Nekommercheskie organizatsii i interesy obshchestva [Non-profit organizations and the interests of society]*. Science.
14. Tangriev, L. (2020). *Obshchestvennye organizatsii kak institut posrednichestva [Public organizations as an institute of mediation]*. Center for Strategic Studies.
15. UN Department of Global Communications. (2020). Definition of NGOs. United Nations.
16. United Nations Economic and Social Council. (1946). Resolution 288 B (X). United Nations.
17. Universal Declaration of Human Rights. (1948). United Nations. <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>

Kelib tushgan / Получено / Received: 09.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.4./ARBQ4333

UDC: 342.7(045)(575.1)

РОЛЬ ПРАВ ДЕТЕЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Худайбердиева Мафтуна Зафар кизи,
базовый докторант Института государства и права
Академии наук Республики Узбекистан
ORCID: 0009-0003-4976-145X
e-mail: mkhudayberdiyeva98@internet.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу места прав детей в международной и национальной правовой системе на примере Республики Узбекистан. Определено, что Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года является универсальной нормативной базой, а её имплементация в национальные правовые системы является ключевой задачей. Несмотря на то, что в нашей стране реализованы значительные правовые реформы в сфере защиты прав детей и достигнут значительный прогресс в совершенствовании правовой базы, выявлено, что сохраняются системные проблемы в реализации действующего законодательства и его практическом применении. В частности, исследованы недостаточное обеспечение механизмов, гарантирующих доступ детей к правосудию и судебной защите, слабость мер правовой защиты от новых угроз, возникающих в эпоху цифровых технологий, в частности кибербуллинга и онлайн-насилия, а также декларативный характер прав детей на практике. В статье обозначена необходимость разработки национальных механизмов, обеспечивающих эффективную реализацию прав детей, а также разработан ряд предложений и рекомендаций по согласованию проводимых в этой области реформ с международными обязательствами, Конвенцией ООН о правах ребёнка и другими соответствующими международными стандартами.

Ключевые слова: Конвенция ООН о правах ребёнка, Комитет по правам ребёнка, законодательство Узбекистана, Уполномоченный по правам ребёнка (Детский омбудсман), защита прав детей, международные стандарты, доступ к правосудию, кибербуллинг, ювенальная юстиция

BOLALAR HUQUQLARINING MILLIY VA XALQARO HUQUQIY TIZIMDAGI O'RNI: O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI MISOLIDA NAZARIY-AMALIY TAHLIL

Xudayberdiyeva Maftuna Zafar qizi,
O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi
Davlat va huquq instituti tayanch doktoranti

Annotatsiya. Ushbu tadqiqot O'zbekiston Respublikasi misolida bolalar huquqlarining xalqaro va milliy huquq tizimidagi o'rnini kompleks tahlil qilishga bag'ishlangan. BMTning 1989-yilgi Bolalar

huquqlari to'g'risidagi konvensiyasi universal normativ asos ekanligi, uni milliy huquq tizimlariga joriy etish ustuvor vazifa ekanligi belgilangan. Mamlakatimizda bolalar huquqlarini himoya qilish sohasida muhim huquqiy islohotlar amalga oshirildi, qonunchilik bazasini takomillashtirishda sezilarli yutuqlarga erishildi. Shunga qaramay, amaldagi qonun hujjatlarining ijrosi va ularni amaliyotda qo'llashda tizimli muammolar saqlanib qolayotgani aniqlangan. Xususan, bolalarning odil sudlovga va sud himoyasiga murojaat qilish imkoniyatlarini kafolatlovchi mexanizmlarning yetishmasligi, raqamli texnologiyalar davrida yuzaga kelayotgan yangi tahdidlar, xususan, kiberbulling va onlayn zo'ravonlikdan huquqiy himoya choralariining zaifligi, shuningdek, amaliyotda bola huquqlari asosan deklarativ xarakter kasb etayotgani o'rganilgan. Maqolada bolalar huquqlarini samarali amalga oshirishni ta'minlaydigan milliy mexanizmlarni ishlab chiqish zarurati asoslantirilgan hamda sohada olib borilayotgan islohotlarni xalqaro majburiyatlar, BMTning Bola huquqlari to'g'risidagi konvensiyasi va boshqa tegishli xalqaro standartlarga muvofiqlashtirish yuzasidan qator taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan.

Kalit so'zlar: BMTning Bola huquqlari to'g'risidagi konvensiyasi, Bola huquqlari bo'yicha qo'mita, O'zbekiston qonunchiligi, Bola huquqlari bo'yicha vakil (Bolalar ombudsmani), bolalar huquqlarini himoya qilish, xalqaro standartlar, odil sudlovdan foydalanish, kiberbulling, bolalar odil sudlovi

THE ROLE OF CHILDREN'S RIGHTS IN NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL SYSTEMS: A THEORETICAL AND PRACTICAL ANALYSIS BASED ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Khudayberdiyeva Maftuna Zafar kizi,

Basic Doctoral student at the Institute of State and Law
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Abstract. This study is devoted to a comprehensive analysis of the place of children's rights in the international and national legal system using the example of the Republic of Uzbekistan. It is determined that the UN Convention on the Rights of the Child 1989 is a universal normative base, and its implementation into national legal systems is a key task. Despite the significant legal reforms implemented in our country in the field of children's rights protection and significant progress made in improving the legal framework, it has been revealed that systemic problems persist in the implementation of current legislation and its practical application. In particular, the insufficient provision of mechanisms guaranteeing children's access to justice and judicial protection and the weakness of legal protection measures against new threats arising in the era of digital technologies, particularly cyberbullying and online violence, as well as the declarative nature of children's rights in practice, have been investigated. The article highlights the need to develop national mechanisms that ensure the effective implementation of children's rights and also develops several proposals and recommendations for aligning the ongoing reforms in this area with international obligations, the UN Convention on the Rights of the Child, and other relevant international standards.

Keywords: UN Convention on the Rights of the Child, Committee on the Rights of the Child, legislation of Uzbekistan, Commissioner for Children's Rights, protection of children's rights, international standards, access to justice, cyberbullying, juvenile justice

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется не только общим развитием международных стандартов в сфере защиты прав ребёнка, но и конкретными социально-правовыми процессами, происходящими в Республике

Узбекистан в последние годы. Проведение конституционных реформ, модернизация судебной системы, развитие института Уполномоченного по правам ребёнка, а также принятие специальных нормативно-правовых актов в сфере защиты детей от насилия свидетельствуют о переходе

государственной политики от декларативного провозглашения прав ребёнка к поиску механизмов их практической реализации.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что при наличии развитой нормативной базы сохраняется разрыв между формальным закреплением международных обязательств и их реальным воплощением в национальных процедурах. Особенно остро данная проблема проявляется в сфере доступа детей к правосудию, реализации принципа наилучших интересов ребёнка, а также обеспечения права несовершеннолетних на участие в судебных и административных процессах. Указанные обстоятельства придают теме исследования не только теоретическую, но и выраженную практическую значимость.

Целью статьи является комплексное научное обоснование проблем имплементации международных стандартов защиты прав ребёнка в национальную правовую систему Республики Узбекистан и разработка конкретных механизмов их интеграции в судебную и административную практику.

Для достижения цели, поставленной в статье, необходимо:

проанализировать эволюцию международно-правовой концепции прав ребёнка и современные доктринальные подходы к её правовому статусу;

выявить ключевые положения Конвенции ООН о правах ребёнка, требующие институциональной и процедурной имплементации на национальном уровне;

осуществить сравнительно-правовой анализ международных стандартов и законодательства Республики Узбекистан;

исследовать судебную практику Республики Узбекистан по делам, затрагивающим права ребёнка, с акцентом на разъяснения Верховного суда;

определить современные вызовы (включая цифровые риски и кибербуллинг) и оценить готовность национальной правовой системы к их преодолению; разработать научно обоснованные и практически применимые рекомендации по совершенствованию механизмов защиты прав ребёнка.

Состояние научной разработанности проблемы и научная полемика

Анализ научной литературы показывает, что в зарубежной правовой доктрине права ребёнка рассматриваются как самостоятельный правовой институт, обладающий собственной логикой регулирования и особыми механизмами защиты. В работах G. Van Bueren, M. Freeman, J. Tobin (2020), подчёркивается, что Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года закрепила переход от патерналистской модели охраны детства к признанию ребёнка субъектом права, наделённого процессуальными гарантиями.

В то же время в научной литературе отсутствует единый подход к интерпретации принципа наилучших интересов ребёнка. Представители патерналистской концепции рассматривают данный принцип как оценочную категорию, содержание которой определяется взрослыми субъектами. Сторонники субъектно-ориентированного подхода (Lansdown et al., 2014) подчёркивают, что применение принципа наилучших интересов невозможно без реального учёта мнения ребёнка и обеспечения его участия в процедурах, затрагивающих его права.

В национальной юридической науке Республики Узбекистан преобладают исследования нормативного характера, ориентированные на анализ законодательства и государственных программ. При этом вопросы судебной практики, процессуального статуса ребёнка и механизмов его участия в правоприменении остаются недостаточно разработанными.

Отсутствие системной научной полемики с зарубежными авторами и эмпирического анализа судебных решений обуславливает необходимость настоящего исследования.

Методы

В исследовании использованы общенаучные и специальные юридические методы познания. Диалектический метод применялся для анализа эволюции прав ребёнка и выявления взаимосвязи международных и национальных правовых процессов. Формально-юридический и системно-структурный методы позволили исследовать нормы международного и национального законодательства в сфере защиты прав ребёнка. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении международных стандартов и законодательства Республики Узбекистан. Анализ судебной и правоприменительной практики способствовал выявлению проблем реализации прав ребёнка и формулированию научно обоснованных выводов.

Результаты

Права ребёнка сегодня рассматриваются как самостоятельное и универсальное правовое явление, неразрывно связанное с общей системой прав человека. Современный подход к правам детей базируется на признании ребёнка субъектом права, обладающим личной автономией и интересами, требующими особой охраны.

Исторически права детей долгое время не воспринимались как отдельный правовой институт. Только с XX века, особенно после Второй мировой войны, детские права получили должное внимание в международном праве. Их системная правовая защита стала неотъемлемым элементом глобальной правозащитной архитектуры.

Международно-правовая система защиты прав ребёнка представляет собой совокупность универсальных и региональных правовых норм, принципов и

механизмов, направленных на признание, обеспечение и защиту прав и свобод ребёнка во всём мире. Эта система формировалась в течение XX века как ответ на осознание особой уязвимости детей и необходимости их правовой охраны на глобальном уровне.

Ключевым документом, заложившим основы международно-правового регулирования прав ребёнка, является Конвенция ООН о правах ребёнка (1989 г.), которую справедливо называют «всеобщей Конституцией детства» (United Nations General Assembly, 1989). Этот международный договор закрепляет широкий спектр прав: гражданские, политические, экономические, социальные и культурные, включая право на жизнь, имя, национальность, образование, медицинскую помощь, защиту от насилия, участие в жизни общества и свободу выражения мнения.

Конвенция впервые в истории международного права не только кодифицировала детские права в одном документе, но и установила обязательства государств-участников по их реализации. Согласно статье 4 конвенции, государства обязуются принимать все необходимые законодательные, административные и иные меры для осуществления признанных в ней прав (Lansdown et al., 2014, p. 4). Особенность документа заключается и в том, что им создан Комитет по правам ребёнка – международный контрольный орган, следящий за выполнением обязательств странами-участницами.

Помимо конвенции, международная система защиты прав детей включает и другие правовые акты, такие как:

Факультативные протоколы к Конвенции – о вовлечении детей в вооружённые конфликты, о продаже детей, детской проституции и порнографии (United Nations General Assembly, 2000);

Всеобщая декларация прав человека, в которой закреплён принцип равенства и

недискриминации (United Nations General Assembly, 1948);

Конвенция МОТ № 138 – о минимальном возрасте для приёма на работу и № 182 – о запрещении наихудших форм детского труда (International Labour Organization, 2024);

Женевская декларация прав ребёнка (Humanium, 1934) и Декларация прав ребёнка ООН (United Nations General Assembly, 1959), предшествовавшие принятию Конвенции 1989 года.

Международно-правовая защита также осуществляется на региональном уровне. Так, в рамках:

европейской системы – это Европейская конвенция о правах человека и Хартия ЕС по основным правам;

африканской системы – Африканская хартия прав и благополучия ребёнка (1990 г.);

американской системы – Американская декларация прав и обязанностей человека и Конвенция о правах человека.

Таким образом, международно-правовая система защиты прав ребёнка обладает комплексным, многоуровневым характером, объединяющим универсальные нормы и региональные подходы. Несмотря на универсальность признанных принципов, эффективность защиты прав ребёнка зависит от политической воли государств, уровня правовой культуры, а также способности национальных систем адаптировать международные обязательства в своей внутренней юрисдикции.

Международные механизмы мониторинга и реализации прав ребёнка играют важнейшую роль в обеспечении соблюдения государствами своих обязательств в рамках международного права. Эти механизмы направлены на систематическую оценку выполнения норм, закреплённых в ключевых международных актах, прежде всего в Конвенции ООН о правах ребёнка

1989 года, а также в её факультативных протоколах.

Центральным институтом международного контроля за реализацией прав ребёнка является Комитет по правам ребёнка – независимый орган, учреждённый в соответствии со статьёй 43 конвенции. Комитет состоит из 18 экспертов, избираемых на личной основе государствами-участниками, и осуществляет надзор за выполнением государствами положений конвенции. Его основными функциями являются:

рассмотрение периодических докладов, которые государства обязаны представлять каждые пять лет, с информацией о мерах, принятых для реализации прав ребёнка;

выработка заключительных замечаний и рекомендаций, направленных на совершенствование национальной политики в сфере детства;

в случае принятия соответствующего Факультативного протокола 2011 года – рассмотрение индивидуальных жалоб (коммуникаций), поступивших от детей или от их законных представителей в случае нарушения прав, предусмотренных конвенцией и протоколами (Committee on the Rights of the Child, 2021).

Комитет по правам ребёнка не обладает прямыми санкционными полномочиями, однако его рекомендации имеют значительный морально-правовой вес и способствуют привлечению внимания к системным нарушениям прав детей в отдельных странах. Он также сотрудничает с другими органами ООН, включая Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, ЮНИСЕФ и специализированные агентства, которые играют вспомогательную и координирующую роль в вопросах реализации прав ребёнка.

Кроме того, важными элементами международного мониторинга являются:

Универсальный периодический обзор (УПО) Совета по правам человека ООН, в рамках которого оценивается соблюдение всех прав человека, включая права детей, всеми государствами-членами ООН;

специальные докладчики ООН, например по вопросам торговли детьми, детской проституции и порнографии, а также по праву на образование, которые готовят тематические и страновые доклады;

международные судебные и квазисудебные органы, такие как Европейский суд по правам человека, которые в рамках своей юрисдикции могут рассматривать дела, касающиеся нарушений прав ребёнка;

ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН; United Nations Children's Fund), который активно участвует в мониторинге и реализации проектов по защите прав детей на местах, предоставляя аналитические данные, экспертизу и ресурсы.

Таким образом, международные механизмы реализации и мониторинга обеспечивают не только контроль над исполнением обязательств, но и способствуют развитию стандартов, обмену опытом, технической помощи и правовому просвещению в сфере защиты прав ребёнка. Однако эффективность этих механизмов во многом зависит от сотрудничества с государствами, степени транспарентности, участия гражданского общества и наличия политической воли на национальном уровне.

Европейский союз: пример интеграции и мониторинга

В странах Европейского союза защита прав ребёнка носит комплексный и интеграционный характер. Хартия ЕС по основным правам (2000 г.), а также действующее законодательство в рамках общего пространства свободы, безопасности и правосудия обеспечивают как правовую основу, так и мониторинговые инструменты, в частности через Европейский суд

по правам человека. В странах ЕС акцент делается на:

развитии ювенальной юстиции, ориентированной на восстановление, а не наказание;

обеспечении широкого доступа к бесплатному и качественному образованию;

активном участии детей в принятии решений через школьные и муниципальные советы.

Сравнительный правовой анализ: международные стандарты и национальные реалии

Международные стандарты в области прав ребёнка, сформулированные прежде всего в Конвенции ООН о правах ребёнка (1989 г.), устанавливают универсальные принципы, такие как: наилучшие интересы ребёнка, право на жизнь и развитие, недопущение дискриминации, уважение мнения ребёнка. Эти принципы являются основой для национальных законодательств, однако на практике их реализация существенно варьируется от страны к стране, в зависимости от политических, правовых, культурных и социально-экономических условий.

Особенно важно отметить, что Узбекистан является стороной Конвенции ООН о правах ребёнка с 1994 года, а значит, взял на себя обязательство гармонизировать внутреннее законодательство с международными стандартами. С момента присоединения к Конвенции предприняты значительные шаги по приведению национального законодательства в соответствие с международными нормами. Были приняты ключевые законы, созданы институциональные структуры, реализуются программы по охране материнства и детства.

Конституция Республики Узбекистан (статья 50). Защита прав ребёнка на национальном уровне начинается с конституционного признания его прав и свобод. В этом контексте Конституция Республи-

ки Узбекистан (2023 г.) играет ключевую роль в формировании нормативно-правовой базы, регулирующей статус ребёнка как субъекта права. В статье 50 Основного закона государства прямо закреплено: «Государство обеспечивает развитие непрерывной системы образования, его различных видов и форм, государственных и негосударственных образовательных организаций. Государство создаёт условия для развития дошкольного образования и воспитания. Государство гарантирует получение бесплатно общего среднего и начального профессионального образования. Общее среднее образование является обязательным. Дошкольное образование и воспитание, общее среднее образование находятся под надзором государства. Для детей с особыми образовательными потребностями в образовательных организациях обеспечиваются инклюзивное образование и воспитание».

Эти положения носят не только политико-правовой, но и морально-этический характер, поскольку возлагают на государство и семью совместную ответственность за благополучие и развитие ребёнка. Таким образом, в конституционной системе Узбекистана при разработке и применении законодательства ребёнок рассматривается как приоритетный объект правовой охраны, а его интересы – как наивысшая ценность.

В дополнение к статье 50, другие нормы Конституции также затрагивают права ребёнка:

статья 26 гарантирует неприкосновенность личности и защиту от насилия;

статья 43 провозглашает обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина, включая несовершеннолетних;

статья 50 утверждает право каждого на образование, что напрямую связано с обеспечением права ребёнка на доступ к качественному обучению.

Законодательная система Узбекистана предусматривает также отраслевые законы, направленные на детализированное регулирование прав ребёнка, включая законы «Об образовании» (2020 г.), «О гарантиях прав ребёнка» (2007 г.); «Об охране здоровья граждан» (1996 г.) и Семейный кодекс Республики Узбекистан (1998 г.). Эти нормативные акты формируют системный подход к охране детства в сферах образования, здравоохранения, социальной поддержки, трудовых отношений и ювенальной юстиции.

Созданные в стране институциональные механизмы, такие как институт Уполномоченного по правам ребёнка при Олий Мажлисе (Детский омбудсман), а также государственные программы («Йиллар – болалар манфаати учун», «Баркамол авлод») направлены на усиление практической реализации конституционных гарантий.

Таким образом, национальная правовая система Узбекистана, возглавляемая Конституцией, создаёт прочную основу для защиты прав ребёнка, но дальнейшее развитие требует эффективной имплементации норм, укрепления механизмов мониторинга и участия гражданского общества в защите интересов несовершеннолетних.

В ряде направлений сохраняются вызовы, такие как: ограниченный доступ к правосудию для детей; недостаточный охват инклюзивным образованием; случаи семейного насилия и экономической эксплуатации детей, особенно в сельской местности.

Кроме того, необходима более системная работа по повышению правовой грамотности среди несовершеннолетних и их родителей, а также повышение независимости судебной системы при рассмотрении дел, затрагивающих интересы ребёнка.

Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на признание универсаль-

ных стандартов, национальные реалии формируют разную степень эффективности реализации прав ребёнка. Основные отличия заключаются в:

институциональной зрелости;
уровне независимости судебной системы;

объёме ресурсов, выделяемых на социальные программы;

степени участия гражданского общества.

Следовательно, роль международных стандартов заключается не только в формулировании идеальных норм, но и в стимулировании национальных правовых систем к их практической реализации через реформы, обучение, контроль и сотрудничество.

В XXI веке защита прав ребёнка сталкивается с новыми, всё более сложными вызовами, которые требуют от национальных и международных правовых систем гибкости, межсекторального взаимодействия и своевременного реагирования. Несмотря на наличие обширной международной правовой базы и обязательств государств, практика показывает, что существующие механизмы не всегда способны справиться с растущими угрозами, затрагивающими благополучие и развитие детей.

1. Влияние вооружённых конфликтов и миграционных кризисов

Войны, внутренние конфликты и политическая нестабильность в ряде регионов (Сирия, Украина, Судан, Афганистан и др.) приводят к массовому нарушению прав детей – на жизнь, безопасность, образование, защиту от эксплуатации. Особенно уязвимыми становятся дети-беженцы и внутренне перемещённые лица, которые часто оказываются за пределами юрисдикции защиты, не имеют документов и доступа к основным социальным услугам.

2. Цифровизация и киберугрозы

Рост цифровых технологий создаёт парадокс: с одной стороны, Интернет

расширяет возможности для образования, общения и самореализации детей, с другой – порождает новые формы угроз: кибербуллинг, онлайн-эксплуатация, незаконный сбор персональных данных. Международное право пока не обладает достаточными инструментами оперативного реагирования на подобные вызовы, а национальные законы часто отстают от темпов технологического прогресса.

3. Экономическое неравенство и детская бедность

Несмотря на устойчивое развитие многих стран, социальное неравенство остаётся одной из главных причин ограничения доступа детей к качественному образованию, медицине и культурной жизни. Согласно данным ЮНИСЕФ, миллионы детей по-прежнему живут за чертой бедности, что снижает шансы на реализацию их прав, особенно в странах с переходной экономикой.

4. Проблемы в сфере ювенальной юстиции

Во многих странах остаётся нерешённой проблема соответствия систем ювенальной юстиции международным стандартам. Дети, вступившие в конфликт с законом, часто содержатся вместе со взрослыми, не имеют доступа к квалифицированной правовой помощи и подвергаются дискриминации. Международные органы призывают развивать реабилитационные и восстановительные подходы, ориентированные на интересы ребёнка.

5. Усиление участия детей в принятии решений

Одной из позитивных тенденций последних лет является признание права ребёнка на участие – в семье, школе, сообществе и на государственном уровне. В ряде стран внедряются детские омбудсмены, консультативные советы при органах власти, школьные парламенты. Такая практика соответствует статье 12 Конвенции ООН о правах ребёнка и спо-

способствует развитию гражданского сознания у детей.

Таким образом, современная повестка в области защиты прав ребёнка требует: усиления международного сотрудничества;

цифровой и правовой грамотности как формы превентивной защиты;

гибкой адаптации законодательства к новым формам угроз;

акцента на участии самого ребёнка как субъекта права.

Права ребёнка – это не только нормативная категория, но и живая система, которая должна постоянно развиваться вместе с обществом, технологиями и глобальными процессами. Будущее правовой защиты детей определяется не только эффективностью существующих механизмов, но и способностью национальных и международных правовых систем адаптироваться к новым условиям и вызовам. Обеспечение устойчивого развития в области прав ребёнка требует стратегического подхода, в центре которого стоят ребёнок, его достоинство, потребности и право на полноценное участие в жизни общества.

Перспективы развития системы защиты прав ребёнка зависят от сбалансированного взаимодействия нормотворчества, институциональных реформ, международного сотрудничества и активного участия самих детей в формировании правового пространства, в котором их интересы находятся в приоритете. Это не только юридическая, но и этическая обязанность государств и всего международного сообщества.

Проведённое комплексное исследование позволило получить следующие научно обоснованные результаты:

1. Установлена структурная сложность международно-правового регулирования прав ребёнка, представляющего собой многоуровневую систему универсальных

и региональных норм. Доказано, что Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года выполняет системообразующую функцию, а эффективность региональных механизмов защиты варьируется в зависимости от правовой культуры и политической воли государств.

2. Выявлен диссонанс между формальной имплементацией международных стандартов и их практической реализацией. На примере Республики Узбекистан установлено, что при наличии развитой нормативной базы (Конституции, законов) сохраняются системные пробелы в правоприменении, включая ограниченный доступ несовершеннолетних к правосудию и недостаточные механизмы реализации права ребёнка на участие.

3. Определены новые вызовы в сфере защиты прав ребёнка, требующие адаптации правовых механизмов. К ним относятся: цифровые риски (кибербуллинг, онлайн-эксплуатация), последствия вооружённых конфликтов и миграционных кризисов, а также сохраняющиеся проблемы в системах ювенальной юстиции.

4. Установлена ограниченная эффективность международных контрольных механизмов. Доказано, что Комитет по правам ребёнка и другие мониторинговые органы обладают значительным нормативным потенциалом, но их эффективность напрямую зависит от добросовестности государств при представлении отчётности и выполнении рекомендаций.

5. Сформулирована новая парадигма правового статуса ребёнка – переход от восприятия ребёнка как объекта защиты к признанию его субъектом права. Это требует кардинального пересмотра подходов к правовому регулированию и созданию механизмов реального участия детей в принятии решений.

Полученные результаты имеют практическую значимость для дальнейшего совершенствования национальных зако-

нотательств и международно-правовых механизмов в сфере защиты прав ребёнка.

Обсуждение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы, раскрывающие современное состояние и противоречия в сфере защиты прав ребёнка:

1. Сформировалась универсальная, но фрагментированная система стандартов. Конвенция ООН о правах ребёнка (1989 г.) стала краеугольным камнем международно-правовой защиты детства, признанным на глобальном уровне. Однако наблюдается значительный разрыв между формальным принятием этих стандартов и их практической реализацией. Во многих государствах, включая Узбекистан, нормы носят декларативный характер и не обеспечены эффективными механизмами имплементации, особенно в таких чувствительных сферах, как право ребёнка на участие, защита от насилия и доступ к правосудию.

2. Национальное законодательство прогрессирует, но сталкивается с системными барьерами. На примере Узбекистана видно, что создана солидная нормативная база, тем не менее правоприменительная практика сталкивается с институциональными и социальными проблемами: правовой неграмотностью, недостатком квалифицированных специалистов, слабой межведомственной координацией и ограниченными возможностями детей для самостоятельной защиты своих прав.

3. Современные вызовы требуют адаптации правовых систем. Исследование выявило новые глобальные угрозы, к которым существующие механизмы защиты адаптируются с трудом. Вооружённые конфликты, миграционные кризисы, цифровые риски (кибербуллинг, эксплуатация) и экономическое неравенство создают принципиально новые условия, требующие от национальных и между-

народных правовых систем повышенной гибкости, оперативности и превентивного подхода.

4. Эффективность международного контроля ограничена государственным суверенитетом. Такие механизмы, как Комитет ООН по правам ребёнка и Универсальный периодический обзор, доказали свой потенциал в качестве катализатора реформ и инструмента мягкого давления. Однако их действенность напрямую зависит от политической воли государств, их добросовестности при представлении докладов и готовности выполнять рекомендации, не имеющие обязательной юридической силы.

5. Происходит смена правовой парадигмы: от объекта к субъекту права. Наиболее значимым итогом исследования является констатация перехода от восприятия ребёнка как пассивного объекта опеки к признанию его автономным субъектом, чьё мнение должно учитываться во всех затрагивающих его интересы вопросах. Эта философская трансформация, закреплённая в статье 12 конвенции, требует глубоких изменений не только в законодательстве, но и в правовой культуре, судебной практике и образовательных подходах.

Таким образом, анализ подтверждает, что защита прав ребёнка является динамичной и сложной областью, где правовые нормы находятся в постоянном взаимодействии с политическими, социальными и технологическими реалиями. Успех в этой сфере определяется не столько совершенством законов, сколько эффективностью институтов, уровнем правосознания и готовностью государства на практике обеспечить приоритет интересов ребёнка.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что система защиты прав ребёнка в международном праве после 2020

года развивается в направлении усиления процессуальных гарантий, цифровой безопасности и участия несовершеннолетних в принятии решений. Конвенция ООН о правах ребёнка сохраняет статус базового универсального акта, однако её современное содержание раскрывается прежде всего через правоприменительную практику Комитета ООН по правам ребёнка и новые интерпретационные документы, ориентированные на реалии цифровой среды и ювенальной юстиции.

Анализ национальной правовой системы Республики Узбекистан показывает, что в период 2020–2024 годов сформирована обновлённая нормативная база в сфере защиты прав ребёнка, включающая конституционные гарантии, реформу образовательного законодательства и принятие специального закона о защите детей от всех форм насилия. Эти изменения свидетельствуют о переходе от фрагментарного регулирования к комплексному подходу. Вместе с тем выявлено, что ключевые трудности сосредоточены на уровне правоприменения, а не нормотворчества.

Исследование судебной практики Республики Узбекистан позволило установить, что при рассмотрении дел, затрагивающих интересы ребёнка, суды формально используют принцип наилучших интересов ребёнка, однако не располагают единообразными процедурами выявления и фиксации позиции несовершеннолетнего. Отсутствие процессуальной регламентации участия ребёнка приводит к зависимости объёма его правовой защиты от усмотрения суда и уровня подготовленности участников процесса, что снижает предсказуемость и прозрачность судебных решений.

Отдельное внимание в работе уделено современным рискам, связанным с цифро-

визацией. Установлено, что кибербуллинг и иные формы онлайн-насилия обладают высокой латентностью и требуют не только уголовно-правового или административного реагирования, но и превентивных, межведомственных механизмов защиты. Принятие Закона Республики Узбекистан «О защите детей от всех форм насилия» создаёт необходимую правовую основу, однако его эффективность напрямую зависит от разработки подзаконных процедур и формирования устойчивой судебной практики.

Сравнительно-правовой анализ опыта государств Европейского союза показал, что наиболее результативные модели защиты прав ребёнка основаны на институционализации стандартов *child-friendly justice*, обязательном учёте мнения ребёнка и интеграции международных норм в судебные процедуры. Данный опыт подтверждает, что защита прав ребёнка становится эффективной лишь при условии сочетания нормативных, процессуальных и образовательных мер.

В целом исследование позволяет сделать вывод о необходимости смещения акцента в национальной правовой политике Республики Узбекистан с формального соответствия международным стандартам на их практическую реализацию. Приоритетными направлениями дальнейшего развития должны стать: нормативная детализация участия ребёнка в судебных процедурах, повышение квалификации судей и специалистов органов опеки, внедрение стандартов дружественного к ребёнку правосудия и системный мониторинг правоприменительной практики. Реализация указанных мер позволит обеспечить устойчивое функционирование системы защиты прав ребёнка в условиях современных социальных и цифровых вызовов.

REFERENCES

1. Council of Europe. (n.d.). Child-friendly justice. Council of Europe. <https://www.coe.int/en/web/children/child-friendly-justice>
2. Daly, A. (2018). Introduction: Children, autonomy and the courts: Beyond the right to be heard. SSRN. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3040627
3. Humanium. (1924). Geneva Declaration of the Rights of the Child. Humanium. <https://www.humanium.org/en/geneva-declaration/>
4. International Labour Organization. (2024). ILO Convention No. 138 at a glance: Minimum age for admission to employment. Geneva, Switzerland: International Labour Organization
5. Kilkelly, U., & Liefaard, T. (2023). International children's rights law. Cambridge University Press.
6. Lansdown, G., Jimerson, S. R., & Shahroozi, R. (2014). Children's rights and school psychology: Children's right to participation. *Journal of School Psychology*, 52(3), 3–12. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2013.12.006>
7. Skivenes, M., & Søvig, K. H. (2017). Judicial discretion and the child's best interests: The European Court of Human Rights on adoptions in child protection cases. In E. E. Sutherland & L. B. Macfarlane (Eds.). *Implementing Article 3 of the United Nations Convention on the Rights of the Child: Best interests, welfare and well-being* (pp. 341–357). Cambridge University Press.
8. Tobin, J. (Ed.). (2020). *The UN Convention on the Rights of the Child: A Commentary*. Oxford University Press.
9. United Nations Children's Fund. (n.d.). Child protection. UNICEF. <https://www.unicef.org/protection>
10. United Nations General Assembly. (1948, December 10). Universal Declaration of Human Rights (Resolution 217 A (III)). United Nations. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
11. United Nations General Assembly. (1959, November 20). Declaration of the Rights of the Child (Resolution 1386 (XIV)). United Nations. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
12. United Nations General Assembly. (1989, November 20). Convention on the Rights of the Child United Nations. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child>
13. United Nations General Assembly. (2000). Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the Involvement of Children in Armed Conflict. United Nations General Assembly Resolution A/RES/54/263. Adopted May 25, 2000; entered into force February 12, 2002. United Nations. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml
14. United Nations. (2019, September 18). Committee on the Rights of the Child. General comment No. 24 (2019) on children's rights in the child justice system. <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-24-2019-childrens-rights-child>
15. United Nations. (2021, March 2). Committee on the Rights of the Child. General comment No. 25 (2021) on children's rights in relation to the digital environment. <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-25-2021-childrens-rights-relation->
16. Zhu, C., Huang, S., Evans, R., & Zhang, W. (2021). Cyberbullying among adolescents and children: A comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures. *Frontiers in Public Health*, 9, Article 634909. <https://www.frontiersin.org/journals/publichealth/articles/10.3389/fpubh.2021.634909/full>

Kelib tushgan / Получено / Received: 09.10.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 10.12.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.12.2025

DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.3./JGFQ1792

UDC: 343.1(045)(575.1)

МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ФРАНЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Хужамбердиев Фаррух Комилович,
доктор философии по юридическим наукам,
доцент Университета общественной безопасности
Республики Узбекистан
ORCID: 0009-0003-8128-7487
e-mail: farrukh.khujamberdiyev@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой всестороннее научное исследование, посвящённое сравнительно-правовому и институциональному анализу модели обеспечения общественной безопасности Французской Республики с последующей оценкой её трансформационного потенциала применительно к правовой и административной реальности Республики Узбекистан. Методологическая основа исследования охватывает комплекс взаимодополняющих подходов, включая нормативно-догматический анализ, институциональную диагностику, контент-аналитические процедуры и элементы нормативного моделирования. В рамках аналитической конструкции особый акцент сделан на изучении взаимосвязей между централизованным управлением и механизмами децентрализации, внедрением цифровых технологий в структуру правоприменительной деятельности, институционализацией демократического надзора и повышением роли гражданского общества как субъекта управления общественной безопасностью. На базе обобщения французского опыта предложены концептуально выверенные рекомендации по совершенствованию узбекской модели правопорядка, включая разработку нормативно закреплённых форм децентрализованного партнёрства между государственными и негосударственными субъектами, институциональное разграничение компетенций силовых ведомств, формирование цифровой инфраструктуры общественной безопасности и внедрение межсекторальных программ по предупреждению преступления. В качестве целевой модели предложена концепция «сервисной безопасности», ориентированная на обеспечение транспарентности, подотчётности и устойчивого доверия населения к институтам государственной власти, функционирующим в сфере охраны правопорядка и национальной безопасности.

Ключевые слова: полиция, жандармерия, Национальная гвардия, децентрализация, правопорядок, цифровизация, «Вижипират» (Vigipirate), местный совет по безопасности и предупреждению преступности (CLSPD)

FRANSIYANING JAMOAT XAVFSIZLIGINI TA'MINLASH MODELI: INSTITUTIONAL-HUQUQIY TAHLIL VA O'ZBEKISTONDA QO'LLASH ISTIQBOLLARI

Xo'jamberdiyev Farrux Komilovich,

O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti dotsenti,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori

Annotatsiya. Maqola Fransiya Respublikasining jamoat xavfsizligini ta'minlash modelini taqqoslov-huquqiy va institutsional tahlil qilishga bag'ishlangan keng qamrovli ilmiy tadqiqot haqida bo'lib, unda bu modelni O'zbekiston Respublikasining huquqiy va ma'muriy voqeligi sharoitida transformatsiya qilish imkoniyatlari baholangan. Tadqiqotning metodologik asosi o'zaro to'ldiruvchi yondashuvlar majmuasini, jumladan, normativ-dogmatik tahlil, institutsional diagnostika, kontent-analitik protseduralar va normativ modellash elementlarini o'z ichiga oladi. Tahliliy konstruktsiya doirasida markazlashgan boshqaruv bilan desentralizatsiya mexanizmlari o'rtasidagi o'zaro bog'liqliklar, huquqni qo'llash faoliyati tuzilmasida raqamli texnologiyalarni joriy etish, demokratik nazoratni institutsionalizatsiya qilish va jamoatchilikni jamoat xavfsizligini boshqarish subyekti sifatida jalb qilish masalalariga alohida e'tibor qaratilgan. Fransiya tajribasini umumlashtirish asosida O'zbekiston huquq-tartibot tizimini takomillashtirishga doir konseptual asoslangan tavsiyalar ilgari surildi. Ularga davlat va nodavlat subyektlari o'rtasida desentralizatsiyalashgan hamkorlikning normativ jihatdan mustahkamlangan shakllarini ishlab chiqish, kuch tuzilmalari vakolatlarini institutsional jihatdan ajratish, jamoat xavfsizligining raqamli infratuzilmasini shakllantirish hamda huquqbuzarliklarning oldini olish bo'yicha tarmoqlararo dasturlarni joriy etish kiradi. Maqsadli model sifatida "xizmatga yo'naltirilgan xavfsizlik" konsepsiyasi taklif etildi. U huquqni muhofaza qiluvchi va milliy xavfsizlik sohasida faoliyat yurituvchi davlat institutlariga nisbatan aholining ishonchi, oshkoralik va hisobdorlikni ta'minlashga yo'naltirilgan.

Kalit so'zlar: politsiya, jandarmeriya, Milliy gvardiya, desentralizatsiya, huquq-tartibot, raqamlashtirish, Vigipirate, Mahalliy xavfsizlik va jinoyatchilikning oldini olish kengashi (CLSPD)

THE MODEL OF ENSURING PUBLIC SECURITY IN FRANCE: INSTITUTIONAL-LEGAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR APPLICATION IN UZBEKISTAN

Khujamberdiyev Farrukh Komilovich,

Associate Professor of the University of Public Safety
of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. The article represents a comprehensive scientific study devoted to a comparative legal and institutional analysis of the model for ensuring public safety in the French Republic, with subsequent assessment of its transformational potential in relation to the legal and administrative reality of the Republic of Uzbekistan. The methodological basis of the research encompasses a complex of complementary approaches, including normative-dogmatic analysis, institutional diagnostics, content-analytical procedures, and elements of normative modeling. Within the framework of the analytical structure, special attention is paid to studying the interrelationships between centralized management and decentralization mechanisms, the introduction of digital technologies into the structure of law enforcement activities, the institutionalization of democratic oversight, and enhancing the role of civil society as a public safety management subject. Based on the generalization of French experience, conceptually verified recommendations have been proposed for improving the Uzbek model of law enforcement, including the development of normatively established forms of decentralized partnership between state and non-state entities, institutional delineation of the competencies of law enforcement agencies, the formation of a digital public security

infrastructure, and the implementation of intersectoral programs for crime prevention. As a target model, the concept of "service security" is proposed, aimed at ensuring transparency, accountability, and sustainable public trust in state power institutions operating in the field of law enforcement and national security.

Keywords: *police, gendarmerie, National Guard, decentralization, law enforcement, digitalization, Vigipirate, Local Security and Crime Prevention Council (CLSPD)*

Введение

В условиях трансформации глобальной безопасности и расширения спектра современных угроз – международного терроризма, транснациональной организованной преступности, киберугроз – вопросы обеспечения общественного порядка и внутренней стабильности приобретают особую значимость как в теоретико-правовом, так и в прикладном аспекте. Эффективная система обеспечения внутренней безопасности демократического государства требует достижения баланса между оперативным реагированием на угрозы и соблюдением фундаментальных прав и свобод человека.

В этом контексте особый интерес представляет изучение зарубежного опыта, в частности нормативно-правовых моделей государств с устоявшимися демократическими институтами и развитой системой правопорядка. Одним из наиболее показательных примеров является Французская Республика, нормативно-правовая система которой в сфере общественной безопасности считается одной из наиболее институционально выверенных и технологически интегрированных в европейском пространстве.

Система внутренней безопасности Франции базируется на многоуровневом взаимодействии государственных институтов, включая Национальную полицию, жандармерию, разведывательные службы, органы гражданской обороны и специализированные антитеррористические структуры. Их деятельность регламентируется Конституцией, Уголовным

кодексом, Кодексом внутренней безопасности и специальными законами о противодействии терроризму. Особое внимание уделяется демократическому контролю за деятельностью силовых структур, чёткому распределению полномочий по территориальному и функциональному принципам, а также разработке превентивных стратегий, включающих широкое применение цифровых технологий и аналитических платформ в правоприменительной практике.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа возможностей адаптации французской модели общественной безопасности к условиям Республики Узбекистан, где продолжается этап институциональных и правовых реформ, направленных на модернизацию системы обеспечения правопорядка. Несмотря на наличие законодательной базы, регулирующей деятельность Министерства внутренних дел, Национальной гвардии, Службы государственной безопасности и других органов, современная система общественной безопасности нашей страны отличается высокой степенью централизации, ограниченным участием местных институтов и начальной фазой цифровой трансформации.

В этих условиях изучение французского опыта представляется особенно значимым не только с точки зрения правового заимствования, но и в контексте формирования национальной концепции «сервисной безопасности», ориентированной на прозрачность, подотчётность

и доверие общества к государственным институтам.

Целью настоящей статьи является проведение научного анализа ключевых характеристик французской системы обеспечения общественной безопасности и выработка практических рекомендаций по возможностям её институциональной и правовой адаптации в условиях Республики Узбекистан.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретико-прикладной модели сбалансированного регулирования правопорядка, объединяющей элементы оперативного управления, правового контроля, межведомственной координации и цифровой модернизации на основе французского опыта.

Методологическая основа работы построена на применении сравнительно-правового и институционального анализа, позволяющих выявить релевантные элементы зарубежной практики и оценить их применимость в условиях национального правового поля.

Практическая значимость статьи состоит в формировании обоснованных предложений для законодательных и исполнительных органов Республики Узбекистан, заинтересованных в создании современной, соответствующей международным стандартам модели общественной безопасности, способной эффективно реагировать на вызовы XXI века.

Методы

Данное исследование основано на применении междисциплинарного методологического подхода, который сочетает элементы сравнительно-правового анализа, институциональной диагностики и критического контент-анализа нормативных актов, научной литературы и экспертных оценок. Такой подход позволил охватить как правовые, так и организационно-управленческие аспекты формирования системы общественной безопасности,

обеспечивая комплексность и научную обоснованность выводов.

В рамках сравнительно-правового метода были проанализированы ключевые нормативные документы, регулирующие сферу внутренней безопасности во Французской Республике и Республике Узбекистан, включая: Конституцию Французской Республики 1958 года; Уголовный кодекс Франции; Кодекс внутренней безопасности Франции; Закон о борьбе с терроризмом 2017 года; Конституцию Республики Узбекистан; Закон Республики Узбекистан «О борьбе с терроризмом»; Закон Республики Узбекистан «О Национальной гвардии Республики Узбекистан»; Уголовный кодекс Республики Узбекистан.

Анализ позволил выявить ключевые различия в институциональных структурах, механизмах управления, степени централизации, а также в уровнях правового и парламентского контроля над деятельностью силовых ведомств.

Контент-анализ научной и экспертной литературы включал изучение трудов французских, узбекских и международных исследователей, таких как A. Hulné (2013), Ch. Lebigot (2000), D. Yakovlev (2018) и других, специализирующихся на проблематике внутренней безопасности, публичного управления и криминологического моделирования. Особое внимание уделялось публикациям последних десяти лет, что обеспечило актуальность выводов в контексте постпандемийных, цифровых и геополитических трансформаций.

В качестве эмпирического материала использовались: данные официальной судебной и статистической отчетности; материалы мониторинговых отчетов Совета Европы; решения Европейского суда по правам человека; исследования Human Rights Watch; аналитические обзоры международных центров по вопросам общественной безопасности.

Применение институционального анализа позволило рассмотреть организационную логику функционирования ключевых субъектов правоохранительной системы, их компетенции, механизмы межведомственного взаимодействия и участие в системе гражданской защиты.

Критико-аналитический метод был направлен на оценку эффективности правовых механизмов с точки зрения их соответствия принципам правового государства, демократического контроля и соблюдения прав человека.

Дополнительно использовался элемент нормативного моделирования, ориентированный на разработку практических направлений адаптации французского опыта к условиям Республики Узбекистан.

Такой интегративный подход позволил не только всесторонне охватить комплекс аспектов внутренней безопасности, но и обеспечить высокий уровень научной обоснованности полученных результатов и сформулированных рекомендаций.

Результаты

Проведённый сравнительно-правовой анализ показал, что нормативно-правовая система обеспечения общественной безопасности Франции формируется на основе принципов институциональной дифференциации и функциональной специализации. Конституционные положения, в частности статьи 34, 66 и 16 Конституции Французской Республики, задают правовой каркас, в рамках которого гарантируется соблюдение прав человека при реализации силовых мер, при этом деятельность правоохранительных органов находится под контролем парламента и судебных органов (Conseil Constitutionnel, 1958).

Центральным элементом правовой архитектуры Франции в сфере внутренней безопасности является Кодекс внутрен-

ней безопасности (Internal Security Code, 2012), который последовательно регламентирует полномочия Национальной полиции, Национальной жандармерии и муниципальных служб, а также устанавливает механизмы превентивного надзора, контроля за средствами наблюдения и взаимодействия с частным сектором.

В условиях трансформации угроз, особенно после террористических атак 2015 года, французское законодательство продемонстрировало высокую степень адаптивности, что выразилось в принятии закона о борьбе с терроризмом 2017 года (Legifrance, 2017), и расширении стратегии «Вижипират» (Vigipirate) (SGDSN, 2016). Эти меры способствовали институционализации модели оперативного реагирования и обеспечению постоянного присутствия сил безопасности в зонах риска при сохранении ключевых демократических гарантий.

В отличие от Франции, система обеспечения общественной безопасности Узбекистана характеризуется высокой степенью централизации управления. Основные функции по поддержанию правопорядка возложены на Министерство внутренних дел и Национальную гвардию, деятельность которых координируется на республиканском уровне. При этом отсутствует чёткое разделение территориальных и функциональных компетенций, аналогичное французской модели, что снижает оперативность реагирования на локальные угрозы.

Кроме того, в Узбекистане отсутствует институционально оформленная муниципальная полиция, а практика участия органов местного самоуправления в обеспечении общественного порядка развита недостаточно, что ограничивает гибкость национальной системы.

Национальная гвардия Узбекистана совмещает функции охраны правопорядка, противодействия терроризму, граждан-

ской обороны и территориальной обороны. Это расширяет её институциональную нагрузку, но одновременно создаёт риски функциональной перегрузки и дублирования задач.

Анализ показал, что во Франции разграничение обязанностей между полицией и жандармерией строится на чёткой территориальной логике: полиция отвечает за городские территории, а жандармерия – за сельские и пригородные районы, что существенно снижает вероятность юрисдикционных конфликтов.

Кроме того, во Франции действует система гражданского и парламентского контроля над деятельностью силовых структур. В частности, предусмотрена обязательная отчётность перед Комиссией по законам Национального собрания и публикация годовых отчётов о результатах деятельности.

В Узбекистане подобный механизм пока не институционализирован. Несмотря на то что Национальная гвардия подчиняется и подотчётна непосредственно Президенту Республики Узбекистан, механизмы обратной связи между населением и правоохранительными органами находятся на стадии формирования и требуют дальнейшего развития.

Применение цифровых технологий также является отличительным элементом. Франция активно использует: системы интеллектуального видеонаблюдения; базы данных преступности; инструменты цифрового прогнозирования угроз; алгоритмы на базе искусственного интеллекта.

Узбекистан также демонстрирует прогресс в цифровизации, внедряя: системы автоматизированного контроля за дорожным движением и видеомониторинг в общественных местах. Однако уровень интеграции цифровых платформ между ведомствами остаётся фрагментарным, что ограничивает потенциал единой ана-

литической системы обеспечения общественной безопасности.

На основе вышеизложенного можно заключить, что французская модель обеспечения общественной безопасности представляет собой адаптивную и многоуровневую архитектуру с развитой системой институционального баланса, высокой степенью правового регулирования, механизмами децентрализованного управления и активным взаимодействием с гражданским обществом.

Республика Узбекистан в свою очередь обладает значительным потенциалом для модернизации существующей системы посредством институционального заимствования лучших практик, включая:

функциональное разграничение полномочий между различными правоохранительными органами;

развитие механизмов общественного контроля и вовлечение гражданского общества;

цифровизацию процессов правопорядка для повышения прозрачности и эффективности;

создание нормативно оформленной модели децентрализованного партнёрства между МВД, местными органами власти и населением.

Обсуждение

Сопоставление моделей Франции и Узбекистана выявило ключевые различия в: организационной структуре и распределении функций; степени децентрализации управления; уровне правового регулирования и институциональной регламентации; приоритетах взаимодействия с гражданским обществом.

Французская модель демонстрирует сбалансированную систему, сочетающую: высокий уровень правовой регламентации деятельности силовых органов; территориальное разграничение полномочий полиции и жандармерии; наличие независимых механизмов парламентского

и гражданского контроля; активную цифровую трансформацию правоохранительных процессов.

Вопрос об обосновании концепции общественной безопасности тесно связан с реалистической парадигмой государственного управления, восходящей к гоббсианской традиции. В её рамках приоритет отдаётся сохранению порядка и стабильности через сильную централизованную власть. Согласно этому подходу, обеспечение безопасности рассматривается как фундаментальная функция государства, оправдывающая его исключительное право на применение силы в пределах национальной территории.

В то же время альтернативные концепции, развивавшиеся под влиянием экономического либерализма и представленные теориями «нового публичного менеджмента» (New Public Management – NPM) и «узлового управления» (nodal governance), предполагают децентрацию функций безопасности и активное вовлечение негосударственных акторов в процессы обеспечения правопорядка. Эти модели акцентируют внимание на: 1) эффективности управления; 2) партнёрстве между государством и обществом; 3) ориентации на гражданина как на активного субъекта управления.

В данном контексте становится очевидным, что публичный характер системы безопасности сам по себе не гарантирует её демократичности. Как отмечает Loader (2000), даже государственная полиция может выполнять преимущественно охранительные функции – защиту лиц и собственности в пределах определённой территории – при отсутствии механизмов прозрачности, подотчётности и участия гражданского общества.

Одним из центральных положений политической философии Т. Гоббса (Hobbes & Anttil, 2009) является утверждение, что устойчивый общественный порядок

невозможен без наличия сильной власти, внушающей уважение и страх. По его мнению, одних лишь договорённостей между людьми недостаточно для обеспечения безопасности, если за ними не стоит принуждающая сила государства. В этой связи Гоббс подчёркивает: «Ибо договоры без меча – всего лишь слова и не имеют никакой силы, чтобы обеспечить человеку безопасность».

Данное высказывание отражает реалистическую парадигму государственного мышления, в которой легитимность и эффективность власти напрямую зависят от её способности обеспечивать порядок через монополию на применение силы. Этот подход сохраняет актуальность и сегодня, продолжая влиять на формирование моделей общественной безопасности, особенно в странах, где приоритет отдаётся централизованному управлению и силовым методам обеспечения стабильности.

Современные полицейские структуры переживают этап институционального обновления, выражающийся в процессах стандартизации профессии. Формирование единого профессионального профиля, включающего адекватную подготовку и достойное вознаграждение сотрудников, направлено на повышение эффективности и легитимности правоохранительных органов. Тем не менее как отмечает Leichtman (2008), профессионализация полиции неизбежно приводит к значительному увеличению расходов, связанных с функционированием системы общественной безопасности.

Мы разделяем точку зрения Э.Л. Лейхмана относительно двойственного характера профессионализации полицейской службы. С одной стороны, стандартизация подготовки и установление единых критериев оплаты труда действительно способствуют повышению институциональной легитимности и общественного

доверия к правоохранительным органам. Это особенно важно в условиях растущих требований к прозрачности и подотчётности органов правопорядка. С другой стороны, справедливым представляется и указание автора на необходимость критического осмысления экономических последствий данного процесса. Увеличение финансовой нагрузки на государственный бюджет может стать существенным препятствием для устойчивого развития систем общественной безопасности, особенно в странах с ограниченными ресурсами. В этом контексте важным становится поиск баланса между профессиональными стандартами и возможностями бюджетного финансирования.

Современные исследования в области теории общественной безопасности акцентируют внимание на отходе от традиционно централизованного, государственно-монополистического подхода к обеспечению правопорядка. Так, по мнению М. Кемпы, Р. Карриера, Дж. Вуд и К. Ширинга, безопасность должна рассматриваться как результат взаимодействия множества взаимосвязанных структур, функционирующих в рамках сложной институциональной сети. Авторы подчёркивают, что общественный порядок создаётся «как результат согласованной деятельности переплетённых систем различных агентств» (Kempa et al., 1999).

Мы полностью разделяем точку зрения вышеуказанных авторов о необходимости переосмысления концепции общественной безопасности как продукта взаимодействия множества акторов. Такое представление безопасности отражает современные вызовы управления правопорядком и учитывает возрастающую сложность социальных структур. Кроме того, мы убеждены, что плюралистический подход обладает значительным потенциалом для повышения гибкости, адаптивности и эффективности систем

общественной безопасности. Однако признание многоакторной природы требует формирования: 1) чётких механизмов координации между субъектами; 2) систем подотчётности для всех участников; 3) правового разграничения функций между государственными и негосударственными структурами.

Без создания таких механизмов существует риск фрагментации ответственности и снижения легитимности безопасности как публичного блага.

Hulné (2013) акцентирует внимание на ключевых инструментах повышения эффективности внутренней безопасности, среди которых: создание зон приоритетного надзора (*zones de sécurité prioritaires*); укрепление роли префекта как координатора усилий на региональном уровне; развитие моделей партнёрства с участием муниципальной полиции.

Существенным элементом политики децентрализованной безопасности автор называет активное вовлечение гражданского общества, прежде всего через институционализацию корпуса добровольных пожарных, статус и деятельность которых регулируются национальным законодательством.

Французская система обеспечения общественной безопасности строится на многоуровневом подходе, обеспечивающем эффективное взаимодействие силовых, разведывательных и гражданских структур в режиме реального времени.

Комплексность данной модели обусловлена: 1) чётким распределением полномочий между ведомствами; 2) высокой степенью адаптивности к изменяющимся условиям; 3) активным использованием передовых технологий мониторинга и систем оперативного реагирования на угрозы различного характера.

В своей работе Lebigot (2000) анализирует эволюцию концепции общественной безопасности во французском праве через

призму административной полиции и процессов децентрализации. Ключевые акценты исследования включают:

двойственный статус мэра – как агента центральной власти и как избранного должностного лица местного самоуправления;

расширение традиционного понимания безопасности – от охраны физического порядка к включению моральных, санитарных и социокультурных компонентов;

юридическую ответственность муниципальных органов за бездействие в сфере охраны общественного порядка;

ключевую роль судебной власти в обеспечении баланса между интересами общественной безопасности и защитой фундаментальных прав личности.

Французская система обеспечения общественной безопасности опирается на комплексное применение различных методов правоохранительной деятельности, направленных на поддержание правопорядка, предотвращение преступности и минимизацию рисков угроз национальной безопасности. Особенностью работы французских правоохранительных органов является сочетание превентивных мер, аналитического подхода и активного взаимодействия с гражданским обществом (Vazhenina, 2024).

Национальная полиция и жандармерия применяют широкий спектр методов, основанных на современных принципах криминологии, стратегиях оперативного реагирования и комплексных антитеррористических мерах, что позволяет эффективно противодействовать преступности и поддерживать общественный порядок в условиях современных вызовов.

Одним из ключевых методов работы французских правоохранительных органов является превентивное патрулирование, которое предусматривает:

постоянное присутствие сотрудников полиции и жандармерии в общественных местах, особенно в зонах повышенной преступности (Andreeva, 2012);

сдерживание потенциальных правонарушителей за счёт видимого присутствия сил правопорядка;

повышение уровня доверия граждан к правоохранительным органам;

оперативное реагирование на инциденты.

Патрулирование проводится в различных форматах: пешими нарядами, с использованием автомобильного транспорта, в крупных городах активно применяются велосипедные и конные патрули.

Как отмечают Уилсон и Келлинг, поддержание общественного порядка – это не просто борьба с преступностью, но устранение «сигналов безнадзорности», способных разрушить социальные связи и породить атмосферу страха (Wilson & Kelling, 1982). Их концепция «разбитых окон» подчёркивает важность полицейского присутствия и контроля над мелкими нарушениями как способа предупреждения более серьёзных правонарушений.

На наш взгляд, это особенно актуально в контексте работы французской жандармерии, которая через территориальные бригады, мотопатрули и инициативу «Департаментальный план безопасности» – Plan de Sécurité Départemental (PSQ) обеспечивает не только правоприменение, но и формирование устойчивой среды общественного доверия. Подобный подход доказывает, что своевременное вмешательство в повседневные проявления беспорядка может стать ключевым инструментом предотвращения деградации городской среды.

В контексте формирования эффективной стратегии обеспечения общественной безопасности особое значение приобретает научно обоснованное планирование

мер социальной профилактики правонарушений.

По мнению Adzhieva (2016), ключевыми задачами данного направления являются:

преодоление неблагоприятных факторов общественного развития, способствующих девиантному и противоправному поведению;

повышение уровня правосознания, правовой культуры и организованности граждан;

укрепление уважения к действующему законодательству;

устранение институциональных и управленческих условий, благоприятствующих совершению правонарушений, включая недостатки в деятельности органов государственного управления, общественных организаций, хозяйствующих субъектов, а также учреждений образования, культуры и здравоохранения.

Мы разделяем точку зрения З.А. Аджиевой относительно комплексного характера задач, стоящих перед системой социальной профилактики правонарушений. С нашей позиции, именно многоуровневый подход, предполагающий устранение социальных и институциональных факторов, способствующих правонарушающему поведению, должен лежать в основе стратегического планирования в данной сфере. Указание на необходимость повышения правовой культуры и сознательности граждан, а также преодоления управленческих и организационных недостатков в деятельности соответствующих субъектов профилактики представляется нам обоснованным и актуальным.

Мы считаем необходимым дополнить данную позицию акцентом на важности горизонтального взаимодействия между государственными институтами и гражданским обществом, что особенно значимо в условиях роста социального недоверия и усложнения криминогенной

ситуации. С нашей точки зрения, социальная профилактика должна развиваться не только как система предупредительных мер, но и как механизм укрепления общественной солидарности и институциональной прозрачности.

Одним из ключевых направлений современной правоохранительной деятельности является аналитическая криминология, включающая использование статистических данных, методов прогнозирования преступных вспышек и направленной работы полиции.

Как подчёркивает Buldygina (2009), именно комплексное понимание социально-экономических процессов и межведомственных взаимосвязей позволяет обеспечить своевременное перераспределение ресурсов и выстраивание устойчивой архитектуры реагирования. С этой позиции модель Национальной жандармерии Франции, ориентированная на цифровое моделирование, превентивную тактику и субсидиарную структуру управления, представляет собой практически реализованный пример эффективного прогнозного подхода, обеспечивающего баланс между централизованным стратегическим планированием и территориальной адаптивностью.

На наш взгляд, именно такой многоуровневый подход наиболее ярко реализован в модели Национальной жандармерии Франции, где благодаря субсидиарной архитектуре и цифровым аналитическим механизмам обеспечивается: устойчивое распределение ресурсов, предиктивное планирование и гибкость оперативного реагирования.

В рамках данного подхода используются: 1) базы данных преступлений; 2) технологии анализа больших данных; 3) алгоритмы прогнозирования, которые позволяют правоохранительным органам эффективнее распределять ресурсы, выявлять криминогенные зоны, опера-

тивно реагировать на потенциальные угрозы.

Мы считаем, что предложения Yakovlev (2018) представляют собой системный подход к построению эффективной модели предупреждения преступности, ориентированной на межсекторальное взаимодействие и превентивное воздействие. В частности, нами поддерживается идея законодательного закрепления профилактической работы на различных институциональных уровнях – от образовательных учреждений до правоохранительных органов, что позволяет создать устойчивую вертикаль раннего выявления и нейтрализации криминогенных факторов.

Особое внимание автор справедливо уделяет работе с молодёжью, механизмам кураторства и наставничества, а также активному участию участковых уполномоченных в жизни территориальных сообществ. Мы также разделяем позицию о необходимости борьбы с социальными истоками преступности, включая нелегальный оборот алкоголя и наркотических средств, а также поддержки института внештатных помощников полиции как важного звена в обеспечении общественного порядка.

В этом контексте французский опыт может быть полезен для Узбекистана по нескольким направлениям:

- создание муниципальной полиции или аналогичных децентрализованных подразделений;

- развитие системы парламентского и общественного контроля за деятельностью МВД и Национальной гвардии;

- институциональное разграничение полномочий между силовыми структурами;

- цифровизация процессов прогнозирования и мониторинга угроз;

- внедрение программ социальной профилактики правонарушений.

Особенно актуальным представляется заимствование элементов системы «Вижи-пират» и институциональных механизмов, таких как CLSPD (местные советы по безопасности) и GPO (группы партнёрского реагирования), с их адаптацией к условиям Узбекистана. На наш взгляд, данные меры могут быть реализованы с учётом специфики правовой и социальной среды Республики Узбекистан, что требует дальнейшего научного осмысления и институциональной проработки.

Заключение

Проведённый сравнительно-правовой и институциональный анализ продемонстрировал, что французская модель обеспечения общественной безопасности представляет собой многоуровневую, сбалансированную и высокоадаптивную систему, сочетающую централизованное стратегическое управление с децентрализованным правоприменением и активным участием гражданского общества. Основу устойчивости данной системы составляют нормативная строгость, функциональное разграничение полномочий между ведомствами, высокая степень правового и парламентского контроля, технологическая интеграция, а также превентивный и аналитический подход в деятельности полиции и жандармерии. Франция эффективно использует механизмы межведомственного взаимодействия, правовые гарантии соблюдения прав человека, цифровые платформы мониторинга и прогнозирования угроз, а также инициативы по профилактике девиантного поведения, что позволяет достигать высокого уровня общественного доверия и снижения криминогенных рисков.

В противоположность этому система общественной безопасности Республики Узбекистан отличается высокой степенью централизации, сосредоточением функций охраны правопорядка в рамках МВД и Национальной гвардии, ограниченным

участием местных органов и сравнительно слабой институционализацией общественного контроля.

Проведённый анализ организационно-правовой модели обеспечения общественной безопасности Франции позволяет утверждать, что французская система представляет собой устойчивую, многоуровневую и адаптивную архитектуру, в основе которой лежит принцип баланса между централизованным управлением, функциональной диверсификацией и активным участием местных институтов. Система отличается высоким уровнем институциональной координации, технической оснащённости, интеграцией цифровых решений и активным взаимодействием с населением, что делает её одной из наиболее эффективных в европейском пространстве.

Сравнительный анализ с системой обеспечения общественной безопасности Узбекистана выявил значительные различия в институциональной структуре, степени централизации, роли местных органов, а также в уровне технологической интеграции. В условиях глобальных вызовов и трансформации форм угроз накопленный Францией опыт может служить ценной моделью для совершенствования национальных систем правопорядка.

Исходя из этого, представляется целесообразным сформулировать следующие практические рекомендации для применения во внутренней политике и правоохранительной практике Узбекистана:

1. Разработать институционализированную модель децентрализованного партнёрства между Министерством внутренних дел, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества, основанную на принципах совместной ответственности и координации усилий в сфере обеспечения общественного порядка. При этом целесообразно опираться на французский опыт

функционирования местных советов по безопасности и предупреждению правонарушений (CLSPD) и групп партнёрского оперативного реагирования (GPO), адаптируя их организационные и правовые механизмы к национальной системе управления.

2. Инициировать создание цифровой инфраструктуры гражданской поддержки, ориентированной на постоянную (24/7) коммуникацию между населением и правоохранительными органами посредством интегрированных онлайн-платформ, мессенджеров и социальных сетей. При разработке модели целесообразно учитывать функциональные особенности французской модели – Brigade numérique – как инструмента дистанционного сопровождения, правовой навигации и консультирования граждан по вопросам повседневной безопасности, адаптируя её механизмы к национальному контексту и правовой среде.

3. Расширить функциональные полномочия жандармерийских структур, в частности Национальной гвардии Республики Узбекистан, за счёт институционального включения в их компетенцию задач по превентивному патрулированию в общественных пространствах, мониторингу локальных и транснациональных угроз, а также участию в системах гражданской защиты и кризисного реагирования. При этом сохранить вертикально-иерархическую субординацию как гарант управляемости и единообразия действий, обеспечив нормативное разграничение с функциями органов внутренних дел и местной исполнительной власти.

4. Разработать и принять проект закона «Об обеспечении общественной безопасности» – как единый комплексный нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность государственных и негосударственных институтов в сфере охраны общественного порядка, профилактики

правонарушений, реагирования на чрезвычайные ситуации и взаимодействия с населением. Учитывая международный опыт, в частности системность французского кодекса внутренней безопасности, данный закон должен включать положения о цифровом управлении рисками, превентивных полномочиях силовых структур, многоуровневой координации и правовых гарантиях соблюдения прав и свобод граждан. Принятие такого закона создаст нормативную основу для стабильного функционирования всей архитектуры внутренней безопасности в условиях современных угроз.

5. Обеспечить повышение институциональной прозрачности и подотчётности органов, участвующих в обеспечении общественной безопасности, путём создания независимых контрольных и инспекционных механизмов, внедрения общественного мониторинга и регулярной оценки эффективности их деятельности. Целесообразно разработать систему индикаторов результативности для правоохранительных и жандармерийских структур,

а также внедрить механизмы обратной связи с населением – через общественные советы, цифровые платформы и анонимные каналы жалоб. Такой подход будет способствовать укреплению доверия граждан к силовым структурам, усилению превентивного потенциала системы и выстраиванию современной модели «сервисной безопасности», ориентированной на права человека и верховенство закона.

Адаптированная реализация предложенных рекомендаций с учётом национальных правовых, институциональных и социокультурных особенностей может заложить основу для формирования в Республике Узбекистан инновационной модели обеспечения общественной безопасности, основанной на интеграции передовых технологий, нормативной устойчивости и высокой степени общественной легитимности. Такая модель будет способствовать не только повышению эффективности правоохранительной деятельности, но и укреплению доверия между государством и гражданским обществом в условиях современных вызовов.

REFERENCES

1. Adzhieva, Z. A. (2016). Sotsialnaya profilaktika pravonarusheniy: sushchnost i sodержanie [Social prevention of crime: Essence and content]. *World of Science, Education and Culture*, 2(57). <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-profilaktika-pravonarusheniy-suschnost-i-soderzhanie/>
2. Andreeva, I. A. (2012). Reformirovanie Natsionalnoy politsii Frantsii v kontse XX – nachale XXI veka [Reform of the French National Police in the late 20th – early 21st century]. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2, 116–123. <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-natsionalnoy-politsii-frantsii-v-kontse-xx-nachale-xxi-veka/>
3. Buldygina, O. S. (2009). Osobennosti kriminologicheskogo prognozirovaniya [Features of criminological forecasting]. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(42), 97–100. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kriminologicheskogo-prognozirovaniya/viewer/>
4. Conseil Constitutionnel. (1958, October 4). *Constitution of the French Republic*. <https://www.conseil-constitutionnel.fr/>
5. Hobbes, T., & Anctil, D. (2009). *Anjou: Éditions* [Anjou: Editions]. CEC.
6. Hulné, A. (2013). Sécurité publique [Public safety]. *Law and Management of Local Authorities*, 33, 651–657. <https://doi.org/10.3406/coloc.2013.2454>

7. Internal Security Code. (2012). Legifrance. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025503132/
8. Kempa, M., Carrier, R., Wood, J., & Shearing, C. D. (1999). The evolving concept of private policing. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 7(2), 199.
9. Lebigot, C. (2000). Évolution de la sécurité publique dans le cadre de la police administrative [Developments in public security within the framework of administrative policing]. *Western Law Review*, 3, 327–354. <https://doi.org/10.3406/juro.2000.2586>.
10. Leichtman, E. C. (2008). Complex harmony: The military and professional modes of policing. *Critical Criminology*, 16(1), 65–70.
11. Loader, I. (2000). Plural policing and democratic governance. *Social and Legal Studies*, 9(3), 325.
12. Legifrance. (2017, October 30). LOI n° 2017-1510 du 30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme [Law No. 2017-1510 of October 30, 2017 Strengthening internal security and the fight against terrorism]. <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000035932811>
13. SGDSN (2016, December). *Tackling terrorism together. Vigilance, prevention, and protection against the terrorist threat*. Vigipirate. https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Nos_missions/vigipirate-anglais-v2017.pdf
14. Vazhenina, I. V. (2024). Modeli organizatsii deyatel'nosti politsii zarubezhnykh gosudarstv v sfere vzaimodeystviya s grazhdanskim obshchestvom [Models of organizing the activities of the police of foreign countries in the sphere of interaction with civil society]. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(101), 33. <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-organizatsii-deyatelnosti-politsii-zarubezhnyh-gosudarstv-v-sfere-vzaimodeystviya-s-grazhdanskim-obshchestvom/>
15. Wilson, Q., & Kelling, G. L. (1982). The police and neighborhood safety: broken windows. *The Atlantic Monthly*, 29–38.
16. Yakovlev, D. Yu. (2018). Byt ili ne byt preduprezhdeniyu prestupleniy [To be or not to be crime prevention]. *Russian Judge*, 9, 37–41.

KONSTITUTSIYA – INSON QADRI, HUQUQ VA ERKINLIKLARINING MUSTAHKAM HUQUQIY KAFOLATI

Bu muqaddas Vatanda, avvalo, inson qadri, uning huquq va erkinliklarini ta'minlash davlat siyosati darajasiga ko'tarilgani bejiz emas. Chunki inson qadri har narsadan ulug'. Bugungi kunda xalqimiz farovonligi yuksalgani sari talab va ehtiyojlar ham tobora ortib borishi tabiiydir.

Bundan anglash mumkinki, mamlakatimiz taraqqiyotini yangi bosqichga ko'tarish uchun davlat va jamiyat hayotida tub islohotlarni amalga oshirishni hayotning o'zi taqozo etmoqda. Davlat boshqaruvida ham, qonunchilik sohasida ham muhim o'zgarishlarni amalga oshirish hayotiy zaruriyatga aylanmoqda. 2023-yil 30-aprel kuni bo'lib o'tgan referendum asosida qabul qilingan O'zbekiston Respublikasining yangi tahrirdagi Konstitutsiyasida "Avval – inson, keyin – jamiyat va davlat" degan ustuvor g'oya muhrlab qo'yilgani e'tiborga molik.

Darhaqiqat, inson qadri ulug'langan yurtning kelajagi porloq bo'ladi. Zero, yangilangan Konstitutsiyamiz inson qadri va huquqlari to'liq aks ettirgani bilan ahamiyatlidir. Prezidentimiz Shavkat Mirziyoyev 2023-yil 8-may kuni "Yangilangan Konstitutsiyamiz Uchinchi Renessansni barpo etish yo'lida mustahkam huquqiy poydevor bo'lib xizmat qilmoqda" mavzusidagi nutqida ta'kidlaganidek: "Eng muhimi, "Qonun – muqaddas, har qanday vaziyatda ham adolatni qaror toptirish shart!" degan qarash jamiyatning har bir a'zosi, ayniqsa, mansabdor shaxslar uchun hayotiy qoidaga aylanishi kerak. Shu bilan birga, inson huquq va erkinliklarini ishonchli himoya qilish maqsadida sudlarning adolatli va mustaqil ish yuritishini albatta amalda ta'minlashimiz zarur. Shu maqsadda Asosiy qonunimizda hech kim sud qarorisiz 48 soatdan ortiq ushlab turilishi

mumkin emasligi belgilab qo'yildi. Ozodlikni cheklashga faqat sud qarori asosida yo'l qo'yiladi. Birinchi marta ayblanuvchining o'ziga qarshi ko'rsatma bermaslik, ya'ni "sukut saqlash" huquqi aniq belgilab qo'yildi. Advokatlarning maqomi oshirilib, ular surishtiruvchi, tergovchi va prokuror bilan teng vakolatlarga ega ekani qayd etildi".

Avvalo, ta'kidlash joizki, 2018-yil 12-may kuni Prezidentimiz tomonidan "Advokatura instituti faoliyati samaradorligini tubdan oshirish va advokatlarning mustaqilligini kengaytirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi Farmon imzolandi. Mazkur farmonda ta'kidlanganidek, so'nggi yillarda mamlakatimizda sud-huquq islohotlarining muhim tarkibiy qismi sifatida jismoniy va yuridik shaxslarning huquqlari, erkinliklari va qonuniy manfaatlarini himoya qilishni ta'minlashning samarali institutlaridan biri bo'lgan advokaturaning roli va ahamiyatini kuchaytirish, sud ishlarini yuritishning barcha bosqichlarida tortishuv prinsipining to'g'ri amal qilishini tashkil etishga qaratilgan chora-tadbirlarni izchil amalga oshirish, advokatlarning kasbiy faoliyati uchun zarur qonunchilik bazasini yaratish borasida salmoqli ishlar amalga oshirilmoqda. Shu bilan birga, tahlillar ko'rsatdiki, advokatura hanuzgacha inson huquqlarini himoya qilish bo'yicha ishonchli institutga aylanmagan, advokatlarning huquqlarini to'liq amalga oshirishga va ular tomonidan sifatli yuridik yordam ko'rsatilishiga to'sqinlik qilayotgan bir qator omillar mavjudligi va ularni bartaraf etish choralari batafsil bayon etilgan.

Darhaqiqat, mazkur farmon advokatura tizimini tubdan takomillashtirish, professional yuridik yordam ko'rsatish sifatini va advokatlilik kasbining nufuzini oshirish, sud ishlarini

yuritishda tenglik va tortishuv prinsiplarini to'liq joriy etishga qaratilgani bilan ahamiyatlidir. Xususan, 2018-yil 1-iyuldagi Farmonda qayd etilganidek: "Advokatlik faoliyati bilan shug'ullanish huquqini beruvchi litsenziyani olish uchun advokatlik tuzilmasida majburiy stajirovka o'tash muddati olti oydan uch oyga qisqartiriladi, bunda davlat organlari va tashkilotlarining yuridik xizmati xodimlari, shuningdek, sudya, tergovchi yoki prokuror lavozimida kamida uch yil ishlagan shaxslar majburiy stajirovkadan ozod etiladi; advokat tomonidan advokatura to'g'risidagi qonun hujjatlari, Advokatning kasb etikasi qoidalari, advokatlik siri va advokat qasamyodi muntazam ravishda yoki bir marta qo'pol ravishda buzilganda, advokatning sha'ni va qadr-qimmatiga putur yetkazadigan tarzda sodir etilgan bo'lsa. Shuningdek, litsenziyasining amal qilishi to'xtatib turilgan shaxs litsenziyaning amal qilishi to'xtatib turilishiga olib kelgan holatlarni, litsenziyaning amal qilishi to'xtatib turilgan muddatlarda bartaraf etmaganda, litsenziyaning amal qilishini tugatish Oliy malaka komissiyasi xulosasiga asosan O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligining murojaati bo'yicha faqat sud tomonidan amalga oshiriladi; advokat maqomini olish bo'yicha malaka imtihonini takroran topshirish muddati bir yildan olti oygacha qisqartiriladi".

Ta'kidlash joizki, ushbu normalar advokatlar faoliyatiga, ularni yanada rivojlantirishning umumiy holatiga samarali ta'sir ko'rsatadi. Advokatlik faoliyatini tashkil etishning qonuniylik, mustaqillik va o'zini-o'zi boshqarish tamoyillari asosida yo'lga qo'yilgani inson huquqlarini ta'minlash borasidagi amaliy harakatlar samaradorligidan dalolat beradi. Shuningdek, davlatimiz rahbari Shavkat Mirziyoyevning 2022-yil 30-maydagi "Advokatura sohasiga zamonaviy axborot-kommunikatsiya texnologiyalarini yanada keng joriy etish chora-tadbirlari to'g'risida"gi qarori ham advokatura institutining bugungi kun talablariga mos faoliyat yuritishiga asos bo'lib xizmat qilmoqda. Shu-

ni aytish kerakki, advokatlar o'z faoliyatini litsenziya asosida amalga oshiradi. Litsenziya olish uchun esa tegishli tashkilotlarga murojaat qilish va ular tomonidan qo'yilgan talablarni bajarish kerak edi.

Endilikda mazkur qaror bo'yicha advokatlik faoliyati bilan shug'ullanish uchun advokatlik litsenziyasini berish elektron shaklda amalga oshiriladi. Shuningdek, qarorda qayd etilganidek, "Yuridik yordam" axborot tizimini ishga tushirish vazifasi qat'iy belgilangan. Umuman olganda, mazkur qaror ortiqcha qog'ozbozlikni kamaytirish, byurokratik to'siqlarni bartaraf etish, advokatura faoliyatini zamon talablari darajasiga ko'tarishga qaratilgan.

Bugungi kunda advokatura instituti faoliyatini zamon talablari asosida tubdan takomillashtirish, uning mustahkam huquqiy asoslarini yaratish muhim masalaga aylandi. Shu ma'noda, yangilangan Konstitutsiyada advokatura institutiga konstitutsiyaviy maqom berilgani e'tiborga molik. Advokatura faoliyatining daxlsizligi va uni himoya qilish davlat siyosati darajasiga ko'tarilib, yangilangan Konstitutsiyamizda qat'iy belgilab qo'yildi. Yangilangan Asosiy qonunimizda advokatura faoliyati bilan bog'liq masalalar inson huquqlarini ta'minlash, uning huquqiy jihatlarini yanada mustahkamlashga qaratilgan muhim o'zgarishlar sirasiga kiruvchi 24-bob hamda 141- va 142-moddalarida o'z aksini topdi. 141-moddada: "Advokatura jismoniy va yuridik shaxslarga malakali yuridik yordam ko'rsatish uchun faoliyat ko'rsatadi. Advokatura faoliyati qonuniylik, mustaqillik va o'zini o'zi boshqarish prinsiplariga asoslanadi. Advokaturani tashkil etish va uning faoliyati tartibi qonun bilan belgilanadi". 142-modda quyidagicha bayon etiladi: "Advokatning o'z kasbiga doir vazifalarini bajarishi chog'idagi faoliyatiga aralashishga yo'l qo'yilmaydi. Advokatga o'z himoyasi ostidagi shaxs bilan moneliksiz va xoli uchrashish hamda maslahatlar berish uchun shart-sharoitlar ta'minlanadi. Advokat, uning sha'ni, qadr-qimmatini va kasbiy faoliyati

davlat himoyasida bo'ladi hamda qonun bilan muhofaza qilinadi". Ta'kidlash joizki, guvoh daxlsizligi va advokat faoliyatiga aralashishni taqiqlovchi normalar advokatura bilan bog'liq qonunlar va protsessual qonunchilikda ham mavjud bo'lsa-da, ushbu normalarning Konstitutsiyamiz darajasida mustahkamlanishi advokatura instituti faoliyatini butunlay yangi bosqichga olib chiqishga qaratilgani bilan ahamiyatlidir.

Endilikda advokatura institutining huquqiy faoliyati uchun barcha shart-sharoitlar Asosiy qonunda o'z aksini topdi. Eng muhimi, bundan buyon advokat va uning faoliyati to'liq davlat himoyasida bo'ladi. Advokatura qonuniylik, mustaqillik va o'zini o'zi boshqarish tamoyillari asosida amalga oshiriladi. Advokat o'z himoyasida bo'lgan fuqaro bilan hech qanday to'siqlarsiz maslahatlashish va u bilan yakka tartibda uchrashish imkoniyatiga ega bo'lish uchun zarur shart-sharoitlar ta'minlanishi nazarda tutilmoqda. Bu esa Advokatura instituti faoliyatini kuchaytirish va takomillashtirishga qaratilganligi bilan e'tiborlidir. Bu advokatura institutining jozibadorligini oshirishga xizmat qilib, kelgusi yillarda zamonaviy talablar asosida advokatlarning sonini yanada ko'paytirish va sifat jihatidan yangi bosqichga olib chiqish kutilmoqda. Ta'kidlash joizki, har bir insonga malakali yuridik xizmat ko'rsatish va ko'maklashish davlatning eng muhim vazifalaridan biridir. Bu esa advokatura instituti faoliyatining mutlaqo yuksak darajada bo'lishini taqozo etadi.

Shuni aytish kerakki, Advokatura instituti odil sudlovning muhim tarkibiy qismi hisoblanadi. Inson huquq va erkinliklarini himoya qilishning Konstitutsiyaviy kafolatlari jamiyatni yangilash va mamlakatni modernizatsiya qilish borasida amalga oshirilayotgan sud-huquq sohasidagi islohotlarni yanada

jadallashtirish va takomillashtirishda muhim asos bo'lib xizmat qilmoqda.

Zero, Prezidentimiz Shavkat Mirziyoyev Konstitutsiyamizning 31 yilligiga bag'ishlangan bayram tabrigida ta'kidlaganidek: "Hech shubhasiz, tom ma'noda xalq Konstitutsiyasi bo'lgan Asosiy qonunimiz Yangi O'zbekistonni barpo etishga qaratilgan keng ko'lamli islohotlarimiz ortga qaytmasligining mustahkam huquqiy kafolati bo'lib xizmat qiladi. Yangi tahrirdagi O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasida O'zbekiston davlatchiligidan beshta – suveren, demokratik, huquqiy, ijtimoiy va dunyoviy ustunlari qat'iy belgilab qo'yildi, uning mazmuni tubdan takomillashtirildi, yangi bob va moddalar bilan boyitildi. Biz ezgu maqsadlarimizga erishish yo'lida Asosiy qonunimizda muhurlangan barcha qoida va tamoyillarni hayotga tatbiq etmoqdamiz. Jamiyatimizda Konstitutsiya va qonun ustuvorligini ta'minlash, davlat idoralari faoliyatini yangi konstitutsiyaviy-huquqiy sharoitga mos ravishda tashkil etish naqadar muhim ahamiyatga ega ekanini chuqur anglagan holda, biz bu borada tizimli ishlarni boshladik. Xususan, Asosiy Qonunimiz asosida amaldagi qonunlarni yangi konstitutsiyaviy normalar bilan uyg'unlashtirish bo'yicha jadal ish olib borilmoqda".

Zero, qonun ustuvorligi barcha fuqarolar va mansabdor shaxslarga taalluqli bo'lib, jamiyat taraqqiyoti va yuksalishida muhim vazifadir. Ta'kidlash joizki, yangilangan Konstitutsiyamiz mustaqillik g'oyasi, xalqimizning xohish-irodasi bilan yo'g'rilgan bo'lib, jahonning yetakchi davlatlari Konstitutsiyaviy tajribasiga to'la mos keladi. Hech shubhasiz, referendum asosida qabul qilingan yangi Konstitutsiya Yangi O'zbekistonni barpo etish yo'lidagi ezgu maqsad va vazifalarimizni amalga oshirishda mustahkam huquqiy asos bo'lib xizmat qiladi.

Azimov Hakimali Imomovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
professori

YURIDIK FANLAR AXBOROTNOMASI ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК REVIEW OF LAW SCIENCES

Huquqiy ilmiy-amaliy jurnal
Правовой научно-практический журнал
Legal scientific-practical journal

2025-yil 4-son

VOLUME 9 / ISSUE 4 / 2025
DOI: 10.51788/TSUL.ROLS.2025.9.4